

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Краснодарский государственный институт культуры»
Кафедра истории, культурологии и музееведения

ИСТОРИОГРАФИЯ

ХРЕСТОМАТИЯ

ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

для студентов, обучающихся
по направлению подготовки 51.03.04
Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

Часть 2

Краснодар
2016

УДК 303.446(075.8)
ББК 63.1я7
И 903

Рецензенты: Семенов А.А. – д.и.н., профессор
Багаева Е.М. – к.и.н., доцент

Пособие разработано в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия

И 903 Историография. Хрестоматия для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе. Часть 2 // сост. Н.Б. Акоева; – Краснодар: КГИК, 2016 – 102 с.

Хрестоматия предназначена для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов дневного и заочного отделений, обучающихся по направлению подготовки 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия по дисциплине «Историография».

Рекомендовано к печати научно-методическим советом КГУКИ
протокол № 3 от 18.11.2014

© Акоева Н.Б. 2016
© Оформление. КГИК. 2016

Пояснительная записка

Хрестоматия предназначена для подготовки к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов дневного и заочного отделений, изучающих курс отечественной историографии после 1917 года.

Цель пособия – помочь студентам глубже изучить общий курс отечественной историографии посредством использования в самостоятельной работе и в процессе практических занятий разнообразного фактического материала, памятуя о том, что основой любого суждения является точный и бесспорный факт.

Наиболее важной частью хрестоматии являются материалы с фрагментами из произведений российских историков, современных исследователей А.А. Зимина, В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, А.Л. Юрганова, А. Сахарова, С.В. Перевезенцева и других по наиболее спорным, неоднозначным проблемам истории страны. Время естественным образом вносит свои коррективы в эти важные для профессии историка вопросы.

Представленные тексты позволят глубже изучить взгляды историков, основные концепции генезиса и истории нашего государства, усвоить проблемы, обозначенные в программе курса историографии отечественной истории.

Материалы хрестоматии помогут студентам приобрести навыки анализа историографических источников, ведения дискуссии, овладеть основным понятийным аппаратом, что в конечном итоге будет способствовать становлению их исторического сознания.

РАЗДЕЛ 1. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В этом разделе представлены статьи о первых шагах советской историографии, периоде ее становления и идеологических основаниях. Рассматриваются исследования М.Н. Покровского – первого историка-марксиста.

В статье О.В. Гришаева представлено состояние исторического образования и исторической науки в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг., что будет полезно студентам при проведении анализа и сравнения с современным состоянием исторического образования.

Евменова О.Н. Марксистская концепция в трудах М.Н. Покровского (извл.)*

С конца XIX по конец XX века в России сменилось несколько «идеологических эпох», и каждая из них была представлена яркой личностью историка.

Начало XX века становится для России переломным моментом – государственной идеологией на долгий период становится марксизм. Господство этого течения породило потребность в его адаптации к русскому менталитету. Нужна была яркая личность, которая не только смогла бы теоретически и научно обосновать марксизм, но и повести за собой ученую элиту. Такой личностью стал Михаил Николаевич Покровский.

Покровский был одним из первых профессиональных отечественных историков, обратившихся к проблеме становления марксизма в России. Но, несмотря на свою приверженность господствовавшей идеологии, Покровский занимал особое место в русской историографии, выделяясь даже среди ученых-марксистов.

Изучение исторического наследия ученого затруднено тем, что работы, посвященные деятельности Покровского ощутили значительное влияние политики и смены форм правления.

Поскольку личность Михаила Николаевича Покровского всегда интересовала последующих историков, то литература, посвященная его научному творчеству весьма обширна.

Чтобы структурировать эту часть работы мы возьмем периодизацию, которую дала А.Г. Быкова в работе «Культура Западной Сибири: История и современность». Быкова подразделяет такие этапы в осмыслении творчества М.Н. Покровского:

1. Апологитически-восхвалительный – с середины 1920-х до середины 1930-х - этап, приходившийся на последние годы жизни историка и первые – после его смерти, когда его считали, по выражению А.В. Луначарского обворожительным героем революции. За Покровским признавались достижения в первом преломлении русского исторического процесса на основе марксистской методологии, в сфере организации науки нового типа, активном воспитании первого поколения ученых-марксистов. Такая характеристика давалась в статьях А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина, Н.К. Крупской, В.Д. Бонч-Бруевича.

2. Период критики – с середины 1920-х гг. Научные построения М.Н. Покровского критиковались в связи с их несоответствием марксистской, ленинской интерпретации исторического процесса. Эта критика носила в основном эпизодический характер, не затрагивая ни господствующего положения в науке и политике самого М.Н. Покровского, ни основных представителей его школы. Пионерами этой критики стали молодые ученые марксисты А.Н. Слепков, С.Г. Томсинский, А.И. Ломакин, В.Ф. Малаховский, П.С. Дроздов и др. Однако после первой волны критика Покровского утихла, он был оставлен на ведущих постах в науке.

3. Открытая стадия критики, поддерживаемая и инспирируемая партийными органами началась с 1934 года с Постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школе. Школа Покровского, не вписываясь в очередной идеологический поворот и критиковалась теперь и партийными и научными кругами без права ответа на критику. Апогеем критики стал выход двух сборников: Против исторической концепции М.Н. Покровского (1937) и Против антимарксистской

концепции М.Н. Покровского (1940). Главной особенностью сборников стало прямое связывание между собой политических и научных взглядов историка, и проводилась мысль о том, что научные ошибки несли в себе потенциал для политических ошибок, в результате которых они стали базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД. Кампания закончилась после того, как в конце 1930-х гг. единственным корифеем и основоположником советской исторической науки был признан Сталин. После этого практически до начала 1960-х гг. наступил период забвения имени и основных трудов, научных постулатов Покровского.

4. Период реабилитации имени и идей Покровского обозначился только после XX и XXII съездов в статьях С.М. Дубровского, Е.А. Луцкого, Л.В. Черепнина. В 1966 г. было реабилитировано научное наследие историка – выпущен четырехтомник его трудов. В 1970-х гг. были написаны две монографии о М.Н. Покровском. Отличительной особенностью работ стало разведение политических и научных взглядов историка, признание ряда заблуждений методологического плана. При этом разбор был лишен агрессивности по отношению к историку и единичные отмечаемые недостатки в его политической и научной деятельности скорее оттеняли безусловно положительную роль М.Н. Покровского в становлении советской исторической науки. При этом авторы понимали архаизм и неприемлемость для современного состояния советской науки многих построений историка. Скорее это был интерес в качестве материала для истории науки, чем непосредственного использования методологического багажа.

Вне этих этапов лежит перестроечный период, когда произошел новый всплеск интереса к Покровскому. При этом положительно оцениваемая возможность использования построений Покровского служению делу обновления советского общества, возрождения ленинской концепции социализма к началу 1990 г. становилась все более прозрачной и окончательно выдохлась с крушением советской системы.

Сегодня историческая концепция М.Н. Покровского представляется своеобразной, но не намного более лучшей или худшей в отношении остальных построений в отечественной историографии XX в. Безусловно и то, что она придала значительное своеобразие советской исторической науке, особенно в первые десятилетия ее становления и существования.

Рассмотрим подробнее некоторые работы о деятельности Михаила Николаевича Покровского. Одной из фундаментальных является работа Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). В ней автор приходит к выводу, что Покровский, несмотря на то, что использует в своих трудах диалектический метод, все же не является в полной мере истинным марксистом: «Сближение с марксизмом определяло идейную направленность его научной мысли, хотя он никогда не был настоящим марксистом».

Рубинштейн указывает, что в своих многочисленных работах Покровский не раз отходит от позиций марксизма: «Формально Покровский исходит из учения о формациях, в своей периодизации он говорит о феодализме, о капитализме. Но в действительности он далеко стоит от марксизма в понимании формаций. Сущность марксистского учения об общественно-экономических формациях заключается в раскрытии единства общественной жизни в системе ее внутренних противоречий, в том, чтобы раскрыть в самом этом единстве. Покровский это диалектическое единство заменяет механическим сведением всей общественной жизни к одному условному принципу или началу, из которого логически выводится формальное единство всего содержания данного общественного строя». Это не единственный пример, который приводит Рубинштейн. Он также подробно рассматривает проблемы натурального хозяйства и торгового капитала в работах Покровского.

Особое внимание стоит уделить проблеме исторической личности: «В представлении Покровского, исторический процесс, поскольку он причинно обусловлен, совершается через голову самих людей, помимо их участия. Отсюда то нигилистическое начало, которое господствует в исторических работах Покровского и по отношению к

крупным историческим личностям и по отношению к тем идеалам, которые, овладевая сознанием людей, могут двигать отдельными людьми или массами людей, превращаясь тем самым в материальную силу исторического развития. Отрицание буржуазного идеализма превращалось механически в отрицание и самих идеалов, порождаемых исторической действительностью и тем самым входящих в ее реальное, конкретное содержание.

В этом суженном, искусственно обедненном содержании вошла историческая действительность в историческую концепцию Покровского».

Еще одним из выдающихся исследователей творчества М. Н. Покровского является А.А. Чернобаев. В своем труде «Историки России XVIII – XX веков» автор так характеризует историка и его деятельность: «Покровский принадлежит к тем русским историкам, споры о творческом наследии которых не утихают в течение десятилетий. При этом одни авторы пишут главным образом о выдающемся вкладе ученого в отечественную историографию, его оригинальной концепции исторического развития России, другие — всячески подчеркивают негативные моменты деятельности Покровского, несостоятельность его «опутанного псевдомарксистскими догмами» классового, партийного подхода к изучению прошлого». Чернобаев показывает эволюцию взглядов Покровского от «убежденного демократа» до «диктатора на историческом фронте», не обладавшего реальной властью, но являвшегося идеологом русского марксистского движения.

Чернобаев особо подчеркивает то, как Покровский, пересматривал выводы, убедившись в их несостоятельности: «Говоря о поправках, вносимых им в ту или иную работу, он однажды образно сравнил труд историка с положением путешественника, восходящего на гору; чем выше поднимаешься, тем лучше видно; а диалектик-историк не может не замечать своих же недостатков».

Так же, в работе рассматривается разработка Покровским проблем методологии исторического исследования. Основную задачу историк видел не в собирании, пополнении исторических материалов, фактов, а в их истолковании, овладении содержанием исторического процесса, он стремился понять историю в ее целостности и сообщить это понимание другим.

Рассмотрев эволюцию взглядов и основные проблемы деятельности Покровского Чернобаев подводит итог его творчеству: «Далеко не все в творческом наследии Покровского выдержало проверку временем. Догматические и утилитаристские установки, в определенной мере характерные для его трудов, создавали почву для схематизации и социологизирования в исторической науке. К искусственному сужению исторического процесса вел узкоклассовый подход, взятый им за основу изучения прошлого. Однако не это определяет место Покровского в отечественной историографии. Несмотря на ошибки и противоречия, его произведения имеют немалую познавательную ценность, сыграли важную роль в позитивном решении ряда сложных научных проблем».

Один из современных исследователей творчества Покровского является Владимир Борисович Кобрин. В своей работе «Кому ты опасен историк?» он пишет: «Покровский был блестяще одаренным человеком: его работы написаны ярко и даже местами хлестко, читаются легко и с интересом, в них нередко чувствуется нестандартная живая мысль. Но он никогда не был строгим исследователем: начав как популяризатор, он сразу перешел к созданию концепций, широких обобщений. Да, он очень много прочел, очень много знал, но его эрудиция была эрудицией знатока, а не исследователя. Когда знакомишься с его трудами, возникает впечатление, что Покровский искал в трудах своих предшественников и в источниках факты, подтверждающие уже сложившиеся у историка концепции. Именно так открывался путь для того, чтобы историк стал не искателем истины, а слугой идеологии и тем самым перестал быть ученым».

*Евменова О.Н. Марксистская концепция в трудах М.Н. Покровского // <http://www.moscowia.ru/projects/konkurs/raboty/2007/945-marksistskaya-kontseptsiya-v-trudakh-m-n-pokrovskogo>

Гришаев О.В. Состояние исторического образования и исторической науки в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. (извл.)*

Сразу, после победы Октябрьской революции в России и прихода большевиков к власти, в стране началась коренная ломка исторического образования и исторической науки. Перед советским правительством встал вопрос идеологического воспитания населения в социалистическом духе, что невозможно было без пропаганды марксизма в массах. В этих условиях особое значение получили общественные науки. Изучение отечественной истории во все времена и во всех странах способствовало патриотическому воспитанию. Однако в ходе революции, гражданской войны идея патриотизма отошла на второй план, уступив место интернационализму. Во многом этому способствовала теория перманентной социалистической революции.

Постановка исторического образования в дореволюционной России никоим образом не отвечала запросам новой власти. Высшее гуманитарное образование до революции носило элитарный характер. Подготовка историков осуществлялась на историко-филологических факультетах университетов, где, как и на юридических, большинство преподавателей являлись «государственниками». Такой же порядок сохранялся некоторое время и после Октября 1917 г. Поэтому в первые годы Советской власти были предприняты шаги к разрушению кастового характера высшего образования, открывшие дорогу в вузы рабочей и крестьянской молодежи.

В то же время профессорско-преподавательский состав остался прежним, а большинство профессуры встретило победу социалистической революции настороженно, а то и враждебно. Среди большевиков лишь немногие до революции занимались исследовательской работой по истории России: И.Н. Батурин, В.А. Быстрянский, М.Н. Лядов, М.С. Ольминский, М.Н. Покровский и др. В этих условиях ликвидация исторических отделений историко-филологических факультетов и юридических факультетов выглядит вполне закономерным шагом со стороны Совета Народных Комиссаров.

3 марта 1919 года Наркомпросом РСФСР было принято постановление, по которому в Московском и Петроградском университетах были созданы факультеты общественных наук (ФОНЫ) с отделениями: экономическим, политико-юридическим и историческим. Это было началом перестройки преподавания общественных наук в целом и истории в частности, Реорганизационные преобразования нашли свое отражение в изменении кадрового состава преподавателей ФОНов. Усилилась роль ученых, выразивших желание сотрудничать с Советской властью. Среди них были известные историки А.Н. Савин, А.Г. Пресняков, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, В.И. Пичета и др. Впервые получили право преподавать на исторических факультетах историки-марксисты М.Н. Покровский, В.П. Волгин, В.В. Адоратский, М.П. Павлович, А.Д. Удадьцов, что позволило уже в 1919-1920 учебном году в планы ФОНов включить «марксистские курсы: история социализма, К. Маркс и марксизм, учение о происхождении общественных форм. Стали читать лекции по истории рабочего класса, по истории колониальной политики». Однако большинство курсов читалось «старой профессурой». Так на ФОНе МГУ А.А. Кизеветтер вел курс «Общие построения русской истории в русской историографии», И.С. Гроссман-Роцин – «Задачи понимания основ субъективной этико-социологической школы», которые имели большое значение для формирования мировоззрения историков.

После окончания гражданской войны правительство большевиков приступило к реорганизации высшей школы. Этим вопросам было посвящено первое партийное совещание по вопросам народного образования в Москве 31 декабря 1920 г. – 4 января

1921 г. В основу решений партийного совещания легли материалы, подготовленные Комиссией по коренной реорганизации преподавания общественных наук в высших школах Республики (председатель – Ф.А.Ротштейн), созданный при Совнаркомом 19 ноября 1920 г.. Собственно, решения этого совещания и определили постановку преподавания общественных наук, в том числе и истории, в вузах страны в 1920-е годы. К преподавательской работе допускались лишь лица, сдавшие экзамен по марксизму. Исторические отделения ФОНов преобразовались в общественно-педагогические, где готовили педагогов-обществоведов. К этому времени были отменены школьные курсы истории. То есть, фактически с 1921 года в РСФСР историческое образование целиком заменилось курсом обществоведения.

Анализ программ по обществоведению для школ I и II ступени, опубликованных в 1923 году в «Бюллетене Наркомпроса», позволяет констатировать, что история играла иллюстративную роль по отношению к обществоведению. Фактически такое положение сохранилось до конца 1920-х годов.

В годы советской власти появляется и новый крупнейший центр подготовки марксистских кадров историков высшей квалификации – Институт Красной профессуры (ИКП). 2 февраля 1921 года со страниц «Известий ВЦИК» Комиссия по коренной реформе преподавания общественных наук (председатель Ф.А. Ротштейн) обратилась ко всем партийным комитетам и политотделам Красной Армии с предложением рекомендовать из числа партийной молодежи, имеющей научную подготовку, 150 кандидатов для создания «красной профессуры». 11 февраля 1921 года декрет СНК «Об учреждении институтов по подготовке Красной Профессуры» предписал: «учредить в Москве и Петрограде институты по подготовке «красной профессуры» для преподавания в высших школах Республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства».

Слушателями института могли стать коммунисты со стажем не менее трех лет (с 1925 г. – не менее пяти лет) и, имеющие способности научного исследования. Было подано в 1921 г. 289 заявлений, из которых в число слушателей института после вступительных экзаменов приняли 93 человека. Из-за недостатка преподавателей марксистских кадров ИКП был открыт лишь в Москве. До 1924 года в его составе существовали три отделения: экономическое, историческое, философское. Историческое отделение имело секции всеобщей истории и русской истории. Председателем временного правления, а затем первым ректором Института был назначен М.Н. Покровский, который руководил также историческим отделением. На преподавательскую работу в ИКП были направлены крупные партийные работники: М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Ю.Ю. Мархлевский, В.П. Волгин, А.Д. Удадьцов, Ф.А. Ротштейн, С.С. Кривцов и др., а также видные специалисты: Е.А. Косминский, П.И. Лященко, В.С. Сергеев, А.Н. Савин.

Программа подготовки историков в Институте до 1924 года была рассчитана на три года. Учебные планы исторического отделения строились в соответствии с главной целевой установкой ИКП: подготовка кадров, сочетающих знание предмета с марксистской позицией. Главное внимание уделялось политэкономии, историческому и диалектическому материализму. Вместе с тем, с первого курса начиналась специализация слушателей в области русской, всеобщей истории и научного социализма, а со второго – основной становилась работа в исследовательских семинарах по избранной теме. Уже в июле 1924 года состоялся первый выпуск исторического отделения: 11 историков получили право вести преподавательскую работу в вузах. Всего за десять лет было подготовлено в Институте свыше 100 историков.

Постепенно структура ИКП усложнялась, и в 1929 году был создан институт истории по подготовке «красной профессуры» с четырьмя отделениями: истории России и СССР, истории Запада, истории Востока, истории рабочего и профсоюзного движения. Наряду с ним созданы были еще три самостоятельных института «красной профессуры»: истории партии, философии и естествознания, экономики.

Институт «красной профессуры» был не только учебным заведением нового типа, но и научным марксистским центром. Так, подводя итоги научной работы института в 1929 году, М.Н.Покровский отметил, что его силами было подготовлено около 800 исторических работ, включая статьи и рецензии, около 300 более крупных работ, около 50 книг. Предметом исследования являлись: русская историография, аграрная история и крестьянские движения, декабристы, народники, история пролетариата, история трех русских революций.

ИКП подготовил немалое количество известных впоследствии советских историков: Д.А. Баевского, И.Д. Белкина, Э.Б. Генкину, С.М. Дубровского, И.Н. Минца, М.В. Нечкину, А.М. Панкратову, А.Л. Рубинштейна, А.В. Шестакова и др. Фактически в его рамках в 1920-е годы велась подготовка профессиональных историков-исследователей.

Изменения в системе исторического образования, произошедшие после Октябрьской революции, тесно связаны с реорганизацией самой исторической науки. От дореволюционной России большевикам в наследство досталось много архивов, книгохранилищ, специалистов-историков, журналов. Однако, использовать все это без радикальных изменений они не могли, так как перед советской властью вставали новые задачи. В этих условиях большевистское правительство начало коренную перестройку существовавших тогда научных и учебных центров: Академии наук, Археографической комиссии, университетов, научных обществ, музеев, краеведческих организаций.

Новая власть нуждалась в кадрах историков, стоящих на марксистских методологических позициях и новых марксистских научных и учебных исторических центров, которыми стали: Коммунистическая Академия, институт Маркса-Энгельса, Институт Ленина, Институт красной профессуры, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и другие.

Первым советским научно-исследовательским учреждением по гуманитарным наукам стала Социалистическая академия общественных наук, созданная в 1918 г. по инициативе М.Н. Покровского и М.А. Рейснера, при активной поддержке В.И. Ленина. 25 июня 1918 г. было утверждено положение о Социалистической академии. Оно определило задачи Академии, характер ее деятельности, состав, структуру и управление. Социалистическая Академия должна была пропагандировать марксизм и способствовать подготовке марксистских кадров. Действительными членами Академии стали В.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Скворцов, М.Н. Покровский, А.В. Луначарский, М.П. Павлович-Вельтман, Н.К. Крупская, профессорами - В.П. Волгин, М.С. Ольминский, Н.М. Лукин, В.П. Милютин и другие. Председателем Академии стал М.Н.Покровский. С момента открытия, 1 октября 1918 года в состав Академии входило четыре отделения: социально-историческое, политико-юридическое, финансово-экономическое и технико-экономическое. Здесь должны были готовить преподавателей-марксистов по общественным наукам.

До 1919 г. Академия была преимущественно учебно-просветительским учреждением. Это положение изменилось с принятием нового устава в 1919 г. и созданием кабинетов (рабочего и социалистического движения, марксизма, по истории революций на Западе, социалистического строительства и др.), которые должны были способствовать усилению исследовательской работы. В 1921 – 1922 годах были разработаны планы научной деятельности, и началось их осуществление. В центре внимания марксистских ученых стояли актуальные для тех лет проблемы: международные отношения и внешняя политика, положение рабочего класса и его борьба, развитие народного хозяйства до революции и в условиях диктатуры пролетариата, история общественной мысли. В 1923 году на базе кабинетов были созданы секции: истории революционного движения, экономическая, аграрная, советского строительства, методологии и др. В секциях заслушивались доклады, готовились к публикации сборники документов и статей, проводилась большая библиографическая работа. Об усилении

внимания к исследовательской работе в Социалистической академии свидетельствовало начало издания с 1922 года «Вестника Социалистической академии», который после переименования Социалистической академии в Коммунистическую 17 апреля 1924 года стал называться «Вестник Коммунистической академии». В нем публиковались статьи и доклады по различным проблемам истории.

С целью поднятия уровня исследовательской работы в области истории, пропаганды марксистской исторической концепции и борьбы с немарксистскими историческими концепциями 1 июня 1925 года в составе Академии было образовано Общество историков-марксистов, председателем которого стал М.Н. Покровский. В работе этого общества приняли участие историки-большевики: Н.М. Лукин, А.В. Шестаков, П.О. Горин, Г.С. Фридлянд, В.Г. Кнорин и другие. 15 февраля 1926 года был утвержден устав, определивший задачи и структуру Общества, права и обязанности его членов. Общество широко развернуло научную и популяризаторскую деятельность. Основной формой деятельности стало заслушивание и обсуждение докладов, посвященных теоретико-методологическим вопросам истории или важным конкретно-историческим проблемам. Большое внимание уделялось юбилейным датам в русском революционном движении.

На 1 января 1926 года Общество историков-марксистов насчитывало всего 40 человек, тогда как к 1 января 1929 года его численность достигла 345 человек. С увеличением численности и расширением деятельности Общества создавались секции по истории России, ВКП(б), Запада, Востока, социологическая и методологическая. В основе Общества работали также комиссии по истории революционных войн и вооруженных восстаний, по истории пролетариата в России, истории империалистической войны 1914-1918 гг. А Обществе историки-коммунисты составляли большинство – 80 %, беспартийные же ученые, входившие в него, стояли на марксистских позициях.

16 мая 1916 г. с целью популяризации исторических знаний Общество начало издавать журнал «Историк-марксист». На страницах этого журнала обсуждались наиболее важные проблемы, стоящие перед марксистской исторической наукой того времени.

В 1929 – 1930 гг. была проведена реорганизация Коммунистической академии, в ее состав были включены институты Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Ленинградского института марксизма, Научной ассоциации востоковедения и другие. Была создана новая структура Академии. В нее входили: Институт истории с Обществом историков-марксистов, Аграрный институт с Обществом аграрников-марксистов, Институт советского строительства и права с Обществом марксистов-государственников, Институт мирового хозяйства и мировой политики, Секция по изучению проблем войны и др. В 1929 г. было организовано Ленинградское отделение Коммунистической академии.

Институт Коммунистической академии, открытый 18 ноября 1929 г., стал важным научно-исследовательским центром, где были поставлены важные исторические исследования. В Институте истории изучались вопросы истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории рабочего класса, империализма и мировой войны, крестьянства, профессионального движения и др. По всеобщей истории стояли проблемы, связанные с прошлым западноевропейского пролетариата и его революционной борьбой – Парижская коммуна, экономическая история США, международные отношения, история II Интернационала и германской социал-демократии.

Таковым было состояние Коммунистической Академии к 1930 г. Другим важным научным марксистским историческим центром в 1920-е годы являлся Институт Маркса-Энгельса-Ленина, а также сеть инпартовских учреждений, которые сыграли большую роль в становлении как организационном, так и теоретическом советской исторической науки.

8 декабря 1920 г. на базе кабинета теории, истории и практики марксизма Социалистической академии был создан Музей по марксизму, переименованный 30

декабря 1920 г. в институт К.Маркса и Ф.Энгельса и ставший автономным учреждением при соцакадемии с января 1921 г.

Особенно активизировалась научная работа с появлением печатных органов института: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» (1924 г.) и «Летописи марксизма» (1926 г.). В этих журналах публиковались документы, сообщения, а также исследовательские статьи по вопросам истории международного рабочего движения и марксизма. На страницах журналов выступали В.П. Волгин, А.М. Деборин, А.К. Дживелегов, Е.А. Косминский, В.П. Потемкин, Д.Б. Рязанов, Е.В. Тарле, Г.С. Фридлянд и другие. Тематика исследований сотрудников института лежала, главным образом, в области марксологии. Изучались также проблемы развития социалистической мысли в России и других странах.

В августе 1920 г. при Госиздате по предложению В.И.Ленина была создана Комиссия по истории партии. Она приступила к разработке истории Октябрьской революции, и на ее базе был создан Истпарт. 25 сентября 1920 г. за подписью В.И.Ленина был опубликован декрет СНК «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории коммунистической партии. В состав Истпарта вошли: В.В. Адоратский, Н.Н. Батулин, А.С. Бубнов, В.А. Быстрянский, В.И.Невский, М.С. Ольминский, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский, несколько позднее – Ц.С. Бобровская, А.И. Елизарова, О.В. Варенцова, М.Н.Лядов и др. Председателем Комиссии был М.С. Ольминский, заместителем – М.Н. Покровский, секретарем – В.В. Адоратский. Созданная при Наркомпросе, а с 1 декабря 1921 года переданная на правах отдела в ведение ЦК РКП(б), Комиссия сыграла большую роль в сборе документальных материалов и разработке истории партии и октябрьской революции, в развитии советской исторической науки. В течение 1920-1923 годов была создана широкая сеть истпартов по всей стране. Местные бюро должны были собирать и хранить материалы по истории РКП(б) и Октябрьской революции в данном районе, изучать, обрабатывать и систематизировать их. За время своего существования Истпарт собрал ценнейшие материалы, в Москву доставили заграничные партийные архивы, были собраны личные фонды многих видных большевиков. До организации института Ленина истпарт занимался собиранием и опубликованием ленинских документов. Специальный отдел под руководством А.И. Елизаровой подготовил к изданию и выпустил в 1920-1926 гг. первое собрание сочинений В.И. Ленина в 20-ти томах.

Истпарт и его местные отделения проводили широкую научно-исследовательскую и издательскую деятельность, чему способствовало появление таких печатных органов, как: с 1921 г. в Москве – журнала «Пролетарская революция», с 1922 г. в Петрограде – «Красной летописи», в Казани – «Путей революции» и других изданий на местах. Истпарт осуществлял издание протоколов партийных съездов и конференций, мемуарной литературы участников революции и др. Кроме того, в рамках Истпарта был подготовлен ряд трудов по истории революционного движения, Коммунистической партии и Октябрьской революции как популярного, так и исследовательского характера.

В 1920 г. подобно Истпарту были созданы Комиссии по истории профессионального движения в России (Истпроф) и по изучению истории молодежного движения (Истмол) с соответствующими местными отделениями. Их деятельность оказала заметное влияние на разработку проблем, которыми они занимались и популяризацию материалов по истории молодежного и профессионального движения.

8 июля 1923 г. в газете «Правда» было опубликовано сообщение об учреждении Института имени В.И. Ленина. Институт Ленина стал не только центром хранения документов и материалов о В.И. Ленине, но и вел большую работу по их систематизации и подготовке к изданию. Им было подготовлено 2 и 3 издание сочинений В.И.Ленина. В ходе собирательской работы в Институте Ленина было выявлено много иллюстративных материалов, что позволило 1 января 1925 г. открыть музей В.И. Ленина. В создании и деятельности Института Ленина огромная роль принадлежала Н.К. Крупской, И.И. Скворцову-Степанову (директору Института в 1926-1928 гг.), С.И. Гусеву, А.С. Бубнову,

А.Я. Аросеву, М.А. Савельеву, В.В. Адоратскому, М.Н. Покровскому, М.И. Ульяновой, Е.М. Ярославскому, С.И. Канатчикову и др.

Созданная в конце 1927 г. специальная комиссия ЦК ВКП(б), уточняя характер и цели Коммунистической академии, Института К.Маркса и Ф.Энгельса и Института В.И.Ленина поставила перед Институтом Ленина ряд новых задач: изучение истории революционного движения, марксизма и социал-демократии в России, а также истории международного коммунистического и рабочего движения в 1914 г.. Тем самым сближались задачи Истпарта и Института Ленина, а потому закономерно, что 10 мая 1928 г. Центральный Комитет партии признал целесообразным объединить их в единое учреждение – институт Ленина при ЦК ВКП(б). Это объединение позволило сосредоточить марксистские кадры. Однако некоторый параллелизм в работе у Института Ленина прослеживался с Институтом Маркса и Энгельса. Поэтому закономерным представляется их последующее объединение в 1931 г. в Институте Маркса-Энгельса-Ленина.

Довольно интересное явление в советской исторической науке середины-второй половины 1920-х годов представляет Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Научно-исследовательские институты общественных наук начали возникать в 1921 г. согласно декрету СНК от 4 марта. Так, 4 августа 1921 г. НКП РСФСР принял решение об организации Исторического института при факультете общественных наук МГУ, а 12 августа – при Петроградском университете. Отличительной особенностью от Комакадемии, Института Красной Профессуры и других марксистских центров, во вновь созданных институтах, было широкое привлечение старых специалистов. Так, Исторический институт при ФОНе МГУ состоял из пяти секций: древней, средневековой, русской истории и истории внеевропейских общества и колониальной политики, где работали: М.М. Богословский, Д.Н. Егоров, М.К.Любавский, В.И. Пичета, А.Н. Савин, В.С. Сергеев, А.А. Кизеветтер, Г.М. Пригоровский, А.Д. Удальцов, Н.М. Лукин, В.И.Сторожев, Д.М. Петрушевский (директор Института). То есть, здесь успешно сотрудничали историки-марксисты и специалисты старой школы.

15 мая 1924 года решением Государственного ученого совета Наркомпроса все научно-исследовательские институты социально-экономического профиля были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук ФОНа МГУ. 24 сентября 1926 г. декретом СНК Ассоциация была выведена из состава МГУ и переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Спектр научных исследований РАНИОН был чрезвычайно широк. Так, М.Н.Покровский в московском Институте истории возглавлял секцию истории русской революции, В.И. Невский – подсекцию новейшей истории, в то же время в планы работ входили такие проблемы, как хозяйственная и социальная история средневековья, критика современной буржуазной историографии средних веков, история вотчинного хозяйства и крестьян в России XVI – XIX вв., дипломатическая история и международные отношения XIX – XX вв. и др. Существенное место в работе занимало изучение и публикация документов.

За счет молодых аспирантов, обучавшихся в аспирантуре при РАНИОН, таких как: А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, Н.М. Дружинин, И.А. Машкин, А.С. Ерусалимский, А.В. Ефимов, А.И. Неусыхин, А.З. Манфред, М.М.Смирнов, С.А.Токарев, Л.В. Черепнин и другие – произошло к концу 1920-х годов усиление марксистского направления. Как результат этого в 1929 г. историческая аспирантура РАНИОН была переведена в Коммунистическую Академию, а Ассоциация в течение 1929 – 1930 гг. ликвидирована.

Однако, после Октябрьской революции была сохранена и Академия наук, бывшая ранее самым крупным научным центром России. На историко-филологическом отделении АН работали видные ученые: А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург,

Н.Я. Марр, Ф.И. Успенский, И.Ю. Крачевский, В.П. Бузескул и другие. То есть, в Академии наук работали представители «старой дворянско-буржуазной школы».

В 1920-е годы в АН разработкой проблем отечественной и всеобщей истории, а также вспомогательных исторических дисциплин занимались Постоянная историческая Комиссия, Археологическая комиссия, Русско-Византийская историко-славянская комиссия, Музей палеографии, Славянская научная комиссия, Музей антропологии и этнографии, Азиатский музей, Коллегия востоковедов, Кавказский историко-археологический институт, Комиссия по изучению племенного состава народов России и сопредельных стран.

Работа Академии наук в области истории в 1920-е годы была в общем продолжением ее дореволюционных планов. Основная проблематика исследований охватывала период феодализма, в то время как совсем не разрабатывалась история XIX века, не говоря уже о XX веке и революционной тематике. Однако здесь были сосредоточены наиболее профессионально квалифицированные кадры.

Переломным моментом в работе исторических учреждений АН стал 1929 г., когда в ее состав был избран М.Н. Покровский, а затем и другие историки-марксисты: Н.М. Лукин (1929 г.), В.П. Волгин (1930 г.), В.В. Адоратский (1932 г.), А.И. Тюменев (1932 г.), М.А. Савельев (1932 г.). Именно с 1929 г. началась реорганизация исторических учреждений АН СССР, продолжавшаяся в 1930-е годы.

Особое место в исторической науке 1920-х годов занимала Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), основанная в 1919 г. ГАИМК находилась в Ленинграде, и в ее составе работали такие ученые как П.П. Ефименко, В.Б. Струве, Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский, В.Д. Данилевский и другие. В ней, подобно АН СССР историки-марксисты занимали весьма скромные позиции. Даже на 1935 г., когда в состав ГАИМК вошел А.И. Тюменев и другие историки-марксисты, из 107 академиков, старших и просто сотрудников лишь 10 являлись членами ВКП(б).

Таким образом, к концу 1920-х годов преподавание истории в школах было полностью вытеснено обществоведением. Фактически исчезли исторические факультеты университетов, которые заменили ФОНы. Сама исследовательская проблематика в области истории претерпела существенные изменения в сторону революционной тематики. В исторической науке сложилось своеобразное троцентрие: с одной стороны, Комакадемия и другие марксистские центры, пользующиеся всяческой поддержкой Советской власти, с другой стороны – исторические учреждения АН в Москве и ГАИМК в Ленинграде. Такое положение дел неизбежно требовало реформ, которые и последовали в 1930-е годы.

*Гришаев О.В. Состояние исторического образования и исторической науки в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. // http://www.rusnauka.com/NIO_2007/Istoria/18059.doc.htm

Степанов М.Г. Феномен советской историографии в современных исторических исследованиях (извл.)*

Основные тенденции в развитии отечественной исторической науки, начиная с 1930-х гг., получили освещение в многочисленных публикациях отечественных историков. На наш взгляд, историографический анализ вышедших работ, в которых затрагиваются проблемы развития отечественной исторической науки, следует начинать с исследований второй половины 1980-х гг., когда в условиях перестройки начинается постепенный пересмотр советских исторических концепций, сформировавшихся к середине 1980-х гг.

В перестроечной историографии отмечались тенденциозный и политизированный подход исследователей к анализу различных «направлений и течений исторической мысли», а также «валовый» принцип (по количеству вышедших работ) при оценке

результатов научного творчества отечественных историков и состояния исторической науки в целом. Были высказаны и сугубо негативные оценки советской историографии, вплоть до трактовки ее как «средства расправы с инакомыслящими, с творческими направлениями в науке», как «своеобразный трибунал, выносящий приговоры честным историкам». Этим, в частности, аргументировалась необходимость новых историографических исследований, в которых была бы представлена «реальная» и «объективная» оценка состояния исторической науки.

В конце 1980 – 1990-х гг. появляются работы, авторы которых пытаются охарактеризовать состояние современной историографии с учетом факторов, оказывающих влияние на ее развитие. При этом авторов привлекали отдельные этапы развития советской исторической науки. Характеризуя их, они попытались объяснить «кризисное» состояние отечественной исторической науки. Следует выделить работы А.И. Алаторцевой, А.С. Барсенкова, Г.А. Герасименко, Л.А. Сидоровой, А.В. Юдельсона, Ю.Н. Афанасьева, Н.В. Иллерицкой, В.В. Поликарпова, в которых были высказаны различные оценки советской историографии.

Статья А.И. Алаторцевой была посвящена изучению «внешних» факторов по отношению к советской исторической науке. В ней представлен анализ общей атмосферы в партийной и общественно-политической жизни на рубеже конца 1920-х - начала 1930-х гг., в которой происходила реорганизация управления советской исторической наукой. Результатом этой реорганизации стало, по мнению автора, установление жесткого контроля партийного аппарата и лично И.В. Сталина за деятельностью всех ведущих научно-исследовательских институтов и научных печатных изданий. В результате «...Сталин утвердил свою исключительную роль в толковании ленинизма, Октябрьской революции, свое право на монополию в исторической науке».

Аналогичный взгляд на проблему у Г.А. Герасименко: «Формирование идеологии и практики сталинизма шло одновременно с приручением историков, приспособлением истории к его нуждам и потребностям». Далее автор продолжает: «Историки оказались в положении людей, которым связали руки: им установили границы познания, ограничили доступ к архивам и поставили их деятельность под строжайший административный контроль. Положение, в которое они попадали, не имело аналогов в прошлом. К концу 1930-х гг. Сталин окончательно подмял советскую историческую науку и поставил ее на службу правящей верхушке».

Анализируя развитие советской исторической науки в 1930-х – первой половине 1950-х гг., А.Н. Мерцалов заметил следующее: «Сталинизм лишил научной основы историографию и популяризацию исторических знаний, безнравственно манипулировал массовым сознанием.... Антинаучная методология, обслуживавшая сиюминутные интересы автократии, заслоняла от общества будущее... Сталинизм привел к деградации личности многих ученых. Возник конфликт между тем, что они думали и писали».

Можно согласиться с точкой зрения О. Волобуева и С. Кулешова о том, что именно «Краткий курс истории ВКП(б)» в известном смысле завершил процесс подгонки революционной истории под стандарт концепции Сталина. Появление данного учебника закрепило схематизацию и субъективистское искажение истории.

В.А. Савин и Я.Ю. Виноградова в своей статье отметили, что процесс засекречивания архивной информации достигает апогея в 1936 г. – циркуляром Центрального архивного управления СССР и РСФСР запрещалось «выдавать на руки читателям материалы, исходившие от врагов народа: Троцкого и ныне расстрелянных Каменева, Зиновьева и их приспешников». Эти документы и директивы должны были быть засекречены и доступ к ним прекращался.

Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов в работе «История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества» (1992) поставили перед историками задачу сохранения своей профессиональной автономии от политической конъюнктуры. Кроме того, исследователи пишут, что «личная ответственность Сталина за допущенные во

второй половине 1920-х ошибки состояла в том, что он всецело подчинил процесс выработки политических решений борьбе за власть».

В 1988 г. была опубликована монография А.С. Барсенкова «Советская историческая наука в послевоенные годы (1945 – 1955)». Работа вышла в тот момент перестройки, когда в общественном мнении в связи с политикой гласности уже стали доминировать оценки советской историографии как фальсификаторской науки, находившейся длительное время в состоянии полного застоя. С учетом этого книгу Барсенкова можно было рассматривать как вызов этим широко распространенным представлениям. В рецензиях, опубликованных в двух советских ведущих исторических журналах, автор обвинялся в догматизме и «неосновательных претензиях на изучение важной темы». По нашему мнению, А.С. Барсенкова в значительной степени неправомерно упрекали в том, что он сделал акцент на изучении факторов, которые хотя и влияли на состояние и развитие советской исторической науки, но были внешними по отношению к ней. Так, в исследовании, по мнению критиков, был сделан упор на количественную сторону таких изменений, как расширение сети научных центров, рост исследовательских кадров, расширение проблематики исследований, введение в научный оборот новых источников. Е.Н. Евсеева указывала «на исключительное внимание количественной стороне происходивших процессов» в ущерб анализу «концептуальных основ исторических исследований».

Несмотря на то, что методологическая основа монографии А.С. Барсенкова – «труды классиков марксизма-ленинизма, документы и материалы КПСС», стержневым вопросом у историка стала тема о степени изученности основных проблем истории советского общества, в том числе в 1930-е гг., в советской историографии первого послевоенного десятилетия. Автор отметил изменения в условиях, в которых осуществлялась научная деятельность советских историков, расширение проблематики исследований и их источниковой базы, а также попытки совершенствования методологии исторических исследований. В результате глубокого анализа широкого круга историографических источников автору удалось сделать много верных и не утративших до настоящего момента своего научного значения наблюдений и выводов. Так, автор отмечает начавшуюся в 1950 г. по инициативе кафедры истории СССР исторического факультета Московского государственного университета и продолжавшуюся до 1954 г. дискуссию о периодизации истории советского общества. Речь шла о попытках историков «отделить» историю советского общества от истории ВКП (б). По справедливому утверждению А.С. Барсенкова, «постановка вопроса о периодизации советского общества свидетельствовала о позитивных сдвигах в его осмыслении».

Вместе с тем автор недостаточно четко показал данные позитивные сдвиги, по непонятным причинам так и не решился сказать, что речь идет о начале пересмотра концепции «Краткого курса истории ВКП (б)». Именно этот факт мешает историку в полной мере оценить важность и истинное значение тех сдвигов, которые происходили в 1946-1954 гг. в советской историографии, особенно в изучении предвоенного периода истории советского общества.

А.С. Барсенков в своей монографии достаточно убедительно показал движение советской исторической науки в переломный период развития советского общества и поставил ряд важных проблем для методологии историографических исследований, в том числе влияние расширения проблематики и источниковой базы исторических исследований на оценку или даже переоценку устоявшихся в историографии концепций. Он также показал, как стремление ряда историков к углубленному изучению теоретических работ В.И. Ленина позволило советским ученым поставить и начать разработку ряда новых проблем истории СССР.

Л. А. Сидорова в монографии «Оттепель в исторической науке: советская историческая наука первого послесталинского десятилетия» попыталась проанализировать идеологический климат, в котором работали во время «оттепели» советские историки. В

центре исследования – проблема взаимоотношений историков с государственными и партийными органами. Автор отметила, что годы между XX и XXII съездами КПСС были временем, когда границы «санкционированной свободы науки» были достаточно подвижными. И именно в этот период возродилось «стремление к научности в исследованиях», что и было «высшим достижением тех лет». В то же время Л.А. Сидорова так и не показала, что она понимает под термином «научность».

Состояние и развитие советской историографии в 1960 – 1970-е гг. рассматриваются в статьях А.В. Юдельсона, выводы которого в большей степени спорные. В частности, анализируя работы М.А. Барга, М.Я. Гефтера, Е.Г. Плимака, И.Ф. Гиндина, Л.Н. Суворова, Б.В. Емельянова, А.П. Пронштейна, он приходит к выводу, что в них содержался ряд положений, которые противоречили «убежденности в том, что марксизм открыл законы движения общества, и вооруженная его методологией историческая наука способна точно выявлять и оценивать тенденции развития общества в прошлом и исходя из этого прогнозировать будущее...». Теоретические поиски рассматриваемого периода «так или иначе затронули все важнейшие составляющие официальной концепции объективного, поступательно-однолинейного, закономерного, формационного развития-прогресса общества». Советские историки подошли к постановке тех же кардинальных проблем исторического исследования, которые встали и перед историками других стран. Попытка разрешить их не удалась, хотя и подвела советских историков к необходимости пересмотра теоретико-методологических основ их науки.

В другой своей статье А.В. Юдельсон поднимает вопрос о характере развития отечественной исторической науки и о факторах, оказавших влияние на это развитие. Он отмечает еще одно существенное отличие «в процессе поиска и обоснования нового образа исторической науки» в России, состоявшее в том, что роль отечественных историков в этом процессе «была в значительной степени вынужденной, поскольку им приходилось реагировать на внешнее для науки социально-политическое давление».

Отличительную черту российской науки Юдельсон видит в том, что «поиск «нового» идеала науки велся историками прежде всего вне сформированной научной корпорации... При этом историков интересовала не столько возможность творческого развития их взглядов (подобные попытки, как правило, осуждались и осуждаются), сколько возможность апеллировать к признанным вне и внутри науки авторитетам». В 1920-е и 1960-е гг. такими авторитетами были классики марксизма-ленинизма и партия, в 1980-е гг. русские дореволюционные и зарубежные обществоведы.

Юдельсон делает вывод, что случившиеся в отечественной историографии «проводы» нового времени, по-видимому, означали не смену «парадигм», а нахождение новой формы для давно устаревших взглядов».

Таким образом, А.В. Юдельсон наделяет не только советскую, но и российскую дореволюционную и постсоветскую историографию врожденным неприятием всего нового, что зарождается и развивается в зарубежной историографии. В законченном виде эта точка зрения представлена в сборнике статей «Советская историография», опубликованным в 1996 г. Российским государственным гуманитарным университетом.

Ю.Н. Афанасьев определяет советскую историографию «как научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей». Контроль над деятельностью историков со стороны институтов АН и органов госбезопасности привел к тому, что «советскую историографию, как своеобразный феномен, характеризуют сращивание с политикой и идеологией и превращение в органическую составную часть тоталитарной системы».

Ю.Н. Афанасьевым были выделены следующие подходы к анализу и оценкам советской историографической традиции, которые реализуются и в настоящий момент. Исследователь пишет: «Согласно одному из них советская историография на протяжении семидесяти лет развивалась по восходящей. Опираясь на марксистские идеи, она

смогла якобы успешно избежать кризиса, в котором оказалась мировая историческая мысль на рубеже XIX—XX вв., самоутвердилась как наиболее передовое научное направление и последовательно решала крупнейшие теоретические, методологические и конкретно-исторические проблемы. Опыт и достижения отечественной историографии получили признание и поддержку у многих передовых представителей зарубежных исторических школ. Правда, сторонники данной точки зрения допускают, что поступательный процесс развития не был избавлен на отдельных этапах и от недостатков.

Для приверженцев данной версии является характерным резкое противопоставление ленинского (1920-е гг.) и сталинского периодов в развитии науки, подчеркивание особого значения решений XX съезда КПСС и сожаление, что критика воздействия культа личности на историческую науку не была максимально последовательной.

Для другого подхода характерно признание необходимости дифференцированного отношения к советской историографии. Сложилась и определенная вариация подобной дифференциации. Например, негативные проявления в разной степени затронули различные отрасли исторической науки, в частности отмечается, что многие беды исторической науки советского периода проистекали из прежнего засилья историков партии и их привилегированного положения, в то время как другие направления, особенно связанные с изучением проблематики дооктябрьского периода, развивались достаточно эффективно и плодотворно. Кроме того, в каждом конкретном случае надо учитывать, что в исторических исследованиях искажено, деформировано, а что и по сей день отвечает строгим критериям научности. На деле же часто все сводится к оценкам историографической практики по принципу «с одной стороны – с другой стороны».

Наконец, можно выделить и более радикальный подход к развитию историографии в советской России, в рамках которого ставится вопрос, в какой мере историография отвечала (и отвечала ли вообще) требованиям научности, имея в виду не только современные представления о науке, но и представления 20 – 70-х гг.

Исследование советской исторической науки как феномена предполагает ее постижение в двух разных (хотя и взаимосвязанных) измерениях. Первое – место, роль и основные функции исторической науки в советском обществе. Такое измерение можно определить как внешнее по отношению к историографии. Здесь первостепенными оказываются проблемы соприкосновений, взаимообусловленности двух сущностей — науки и общества и взаимоотношений между ними. Второе измерение — внутренняя жизнь и состояние самой науки, ее структура, правила, предпочтения, тематика, методики, стиль.

Боязнь самостоятельных выводов и оценок сопровождалась часто искренним чувством вины перед партией, причем ощущение характера «проступка» всякий раз определялось содержанием тех указаний, которые имелись в партийных документах.

Количество вариаций в отношении марксизма как общей и единственной методологии было чрезвычайно ограничено. Фактически в трудах по истории речь могла идти только о том, что значит решать ту или иную проблему по-марксистски. При этом, начиная с 20-х и до конца 50-х гг. прошлого столетия теоретические подходы к решению частных исследовательских проблем сводились по сути к подбору необходимых цитат из произведений основоположников и классиков марксистского учения или из партийных документов, а вся практическая исследовательская работа ограничивалась поиском конкретных фактов для иллюстрации соответствующих положений. Эта особенность уже объяснялась в советской историографии воздействием на науку жесткого схематизма, заданного «Кратким курсом».

Период со второй половины 50-х до начала 70-х гг. официально был объявлен как время восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, как избавление истории от сталинских ошибок и извращений. По существу, в эти десятилетия происходила модернизация сталинских идей, их очищение от особенно одиозных формулировок. Наиболее наглядными в этом отношении стали издания учебника по

истории КПСС под редакцией Б.Н. Пономарева. В последних изданиях практически в полной мере была восстановлена модель «Краткого курса» и в содержании, и в характере интерпретации основных проблем советской истории.

Во второй половине 70-х гг. в очередной раз стало ясно, что историческая наука вращается в кругу традиционных представлений, на основе которых невозможно осмыслить и истолковать отдаленное и недавнее прошлое. Не случайно поэтому даже в самых консервативных кругах историков партии разворачивается обсуждение методологических проблем историко-партийной науки.

Ю.Н. Афанасьев приходит к следующему выводу: «Теоретическая и методологическая скудость историографии стала причиной того, что в исторических исследованиях не допускались относительность, вариативность, вероятность. Такие вполне естественные элементы любого научного процесса рассматривались как недостатки и, больше того, как следствие политических ошибок в результате отступления от марксизма-ленинизма и проведения чуждой, буржуазной точки зрения».

Противоречивый характер оценок присутствует в статье А.Н. Сахарова. Это касается, прежде всего, характеристики методологических основ советской исторической науки. Отметив, что «в 50 – 60-х гг. в профессиональной исторической среде стали преобладать благонамеренные научные сессии», а «идеология продолжала закостеневать, из марксизма уходило все живое, творческое», автор заключает: «Наследие основоположников марксизма в ходе бесконечной борьбы за него было, наконец, освоено так, как это понимал устоявшийся в 60-е – начале 80-х гг. режим». В результате «возникла стройная система исторических представлений. Она стала канонической... Историческая наука создала довольно странное для всего мира, но вполне закономерное для своей страны видение исторического пути, весьма далекого от реальности. И та же наука добилась впечатляющих успехов на пути исследования ряда конкретно-исторических проблем отечественной истории. Но такова была наша жизнь и такова была наша историческая наука».

Против огульной критики советской историографии выступили те историки, которые вслед за Н.Л. Рубинштейном признают «движение исторической науки». При этом речь идет о науке, которая прошла в своем поступательном развитии ряд этапов. В.И. Кузищин выделил в истории отечественной исторической науки в советские годы «несколько кризисных узлов, которые определяли ее движение: начало 30-х гг. – восстановление системы исторического образования и исторического исследования; середина 50-х гг. – пересмотр догматов, связанных с культом личности; рубеж 70 – 80-х гг. – новый взгляд на природу социально-экономических формаций». При этом он отмечал, что «состояние историографии на рубеже 80 – 90-х гг. принципиально отличается от всех предшествующих. Но было бы некорректным изображать состояние марксистской профессиональной историографии как исключительно болотно-застойное, а не пережившее ряд циклов внутреннего развития».

Выступая в 1992 г. на заседании президиума РАН и признавая кризис отечественной исторической науки, И.Д. Ковальченко предостерегал против только отрицательной оценки ее развития.

Можно констатировать, что, начиная с 1917 по 1991 г. в России существовал общественно-политический строй с соответствующей ему идеологией. В рамках этой официальной идеологии, объявленной «научной», возникла и просуществовала советская историография. Условия ее существования, ее место и роль в обществе были достаточно жестко регламентированы. Кроме того, она находилась под тотальным контролем со стороны государственных и партийных органов. Обществоведы, в том числе и историки, были призваны выполнять те задачи, которые ставила перед ними правящая партия. Исторические работы, созданные ими, были разного научного уровня и качества. В профессиональном отношении советская историческая наука была не столь ущербной, или «провинциальной», как пишет А.Я. Гуревич. Можно задаться вполне правомерным

вопросом: откуда в годы перестройки и после 1991 г. появились в один момент исследователи, которые начали публиковать работы на уровне мировых научных стандартов и которые профессионально могут оценить все новейшие тенденции и направления западной историографии в области теории и методологии исторических исследований?!

*Степанов М.Г. Феномен советской историографии в современных исторических исследованиях.

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ДИСКУССИИ ПО НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ СССР

Во втором разделе представлены исследования по наиболее дискуссионным вопросам в советской российской истории, споры по которым продолжаются и по сей день.

Прежде всего, это вопросы о развитии средневековой Руси, роли отдельных исторических деятелей. Студентам будет полезно прочесть мнения известных советских и российских историков А.А. Зимина, В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, А.Л. Юрганова, С.В. Перевезенцева о личности и деятельности царя Ивана Грозного, проанализировать общее и особенное, разобраться в причинах таких разных подходов к оценке его деятельности.

На менее спорным является вопрос о революции 1917 г., ее движущих силах и значении для России и мира. В хрестоматии представлены материалы дискуссии, участниками которой были А. Сахаров, директор Института российской истории, А. Ципко, главный научный сотрудник Института экономики РАН, В. Никонов, президент фонда "Русский мир" и другие известные политики и историки.

В ряде статей рассмотрены вопросы развития историографии в 40-х – первой половине 50-х гг. XX в. интересной, на наш взгляд, является статья С.В. Исаченко о развитии неофициальной культуры в СССР в регионах.

Мнения о личности и деятельности царя Ивана Грозного. Сост. С.В. Перевезенцев*

Общая оценка мнений

За многие столетия, прошедшие со дня смерти царя Ивана IV Васильевича Грозного, ни в отечественном общественном сознании, ни в научной литературе так и не установилось какого-либо однозначного, тем более единого мнения о личности и деятельности государя. Разные точки зрения возникли уже при жизни царя. Так, князь А.М. Курбский, бежавший в 1564 г. из России в Литву, стал первым обличителем Ивана IV. Именно Курбский оказался автором концепции «двух Иванов»: в 1550-е гг. – благочестивый православный царь, участник созидания Святорусского царства; в 1560 – 1570-е гг. – предатель христианских истин, разрушитель Святорусского царства, тиран, убийца. В официальном летописании царь, наоборот, прославлялся как великий христианский государь.

Подобное двойственное восприятие личности и деятельности Ивана Грозного сохраняется до сих пор. Поэтому на сегодняшний день можно выделить три основных направления в оценке Ивана Грозного:

1. Обличительное (А.М. Курбский, П.И. Ковалевский, С.Б. Веселовский, А.Г. Кузьмин и др.);
2. Апологетическое (официальные летописи XVI в., К.Д. Кавелин, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, И.П. Фроянов и некоторые другие);

3. Объективистское, сторонники которого, с одной стороны, признают значительный вклад царя в созидание Российского государства, с другой стороны, обличают его деспотические наклонности (В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, Б.Н. Флоря, А.Л. Юрганов, С.В. Перевезенцев и др.).

Большинство специалистов все же обличают царя Ивана или полностью, или же по отдельным моментам. Таким образом, позиции сторонников обличительного и промежуточного направления во многом совпадают (особенно, это касается характеристики опричнины, казней, разгрома Новгорода и Пскова и др.). Поэтому можно сказать, что критическое восприятие деятельности царя является господствующим. Однако необходимо отметить, что подавляющее большинство точек зрения продолжает основываться на выдвинутой А.М. Курбским концепции «двух Иванов». Как отметил современный историк А.И. Филюшкин, «историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет» глазами Курбского. Иначе говоря, мы и сегодня воспринимаем и личность царя Ивана Грозного, и его деятельность, и все процессы второй половины XVI века исключительно через призму восприятия опального князя А.М. Курбского. Одновременно взгляд самого Ивана Грозного, отраженный в его многочисленных посланиях, в летописных источниках, автоматически считается необъективным, а то и откровенно лживым. Насколько это правильно, насколько такое восприятие способствует верному восприятию исторической действительности – это большая проблема.

При этом в каждом из направлений есть свои ответвления, свои позиции, сторонники которых по-разному объясняют причины тех или иных поступков Ивана Грозного. Отметим отдельные, наиболее влиятельные позиции:

1. Психологические объяснения. Начало этому положил Н.М. Карамзин, считавший, что Иван Грозный был подвержен, во-первых, значительному влиянию своего окружения (в детстве – «плохих» бояр, в 1550-е гг. – «хороших» Сильвестра и Адашева, позднее – опять «плохих развратников»), во-вторых, собственным страстям и порокам. Немного позднее, медик Я.А. Чистович и психиатр П.И. Ковалевский пришли к выводу, что Иван Грозный был психически больным человеком, страдавшим паранойей. С этим согласны и некоторые современные историки, в частности А.Г. Кузьмин.

2. Социологические объяснения. Начало этому положил крупнейший русский историк XIX в. С.М. Соловьев, считавший, что в деятельности Ивана Грозного нашла отражение борьба нового государственного порядка со старым родовым строем. Объективно неизбежной борьбой государства с боярством объяснял деятельность царя и В.О. Ключевский. В свою очередь, К.Д. Кавелин был уверен в положительном значении деятельности Ивана Грозного, более того Кавелин утверждал, что Иван Грозный боролся с западным влиянием, проникавшим на Русь. Позднее С.Ф. Платонов утверждал, что целью всех репрессий царя были «старые княжата». Мнения этих и других историков стали очень влиятельны. К примеру, в 1930–1940-е гг. и фигура Ивана Грозного, и его репрессии воспринимались однозначно положительно.

Позднее было доказано, что в ходе опричных расправ пострадали не только бояре и старые княжата, но и многие дворяне, более того боярское землевладение только расширилось. Академик С.Б. Веселовский был уверен, что Иван Грозный действовал исключительно в интересах укрепления собственной власти, совершенно не заботясь о каких-то других интересах. Появилась точка зрения А.А. Зимины, который указывал на то, что царь боролся с Церковью. В целом, в 1950 – 1980-е гг. утвердилось то самое «объективистское» направление: объективно царь способствовал усилению Российского государства, но субъективно был тираном и убийцей.

3. Религиозные объяснения. Начало этому положил опять же А.М. Курбский, который был уверен, что причины изменений, произошедших в Иване Грозном, лежат в области его религиозных предпочтений: царь изменил христианскому долгу, предал христианские истины, его поработил Сатана. Впрочем, в измене христианству обвинял

самого Курбского и Иван Грозный в своих посланиях. Видимо, дело заключалось в различном толковании христианских истин царем и опальным князем.

Позднее значение религиозного фактора для Ивана Грозного особо отметил В.О. Ключевский, но не сконцентрировал на этом своего внимания. Уже в XX в. Г.П. Федотов, крупный мыслитель Русского Зарубежья, выделил религиозные идеи Ивана Грозного, как одни из ведущих в его деятельности. Однако Федотов, вслед за Курбским, был уверен, что царь изменил христианству, а его деяния были, скорее, антихристианскими. В советской историографии роль религиозного фактора отрицалась.

Только в последние годы значительная часть специалистов и публицистов стали обращать внимание на роль религиозного фактора в деятельности царя Ивана Грозного (А.Л. Юрганов, С.В. Перевезенцев, А.И. Филюшкин, митрополит Иоанн, И.П. Фроянов и др.). Более того, стремление объяснить деяния Ивана Грозного через призму его религиозных воззрений – это сегодня, наверное, самая популярная и самая влиятельная точка зрения.

Особо следует сказать о мнении Русской Православной Церкви. Дело в том, что в последние пятнадцать лет было развернуто массовое общественное движение за канонизацию Ивана Грозного. Церкви пришлось отвечать на эти требования — Архиерейский Собор 2004 года решительно отверг возможность канонизации первого русского царя.

Таким образом, стоит еще раз подчеркнуть, что ни в научной, ни в художественной литературе, ни в публицистике до сего дня нет общепринятой точки зрения на личность и деятельность царя Ивана Грозного.

Характеристика личности и деятельности

Н.П. Лихачев (академик, нач. XX в.). Н.П. Лихачев решительно отказывался считать Грозного душевнобольным. На основе трудов известного психиатра С.С. Корсакова историк указал на разные подходы медиков к диагностике паранойи и подверг суровой критике построения Ковалевского и Глаголева: «Царь Иван Грозный был человеком своего века, и обвиняя его в ненормальности, надо предварительно стать на точку зрения его современников и его самого».

В.А. Кобрин (советский историк). «Первое, что обращает на себя внимание при чтении произведений царя Ивана, – это его широкая (разумеется, на средневековом уровне) эрудиция. Для доказательства своих положений он совершенно свободно оперирует примерами не только из истории древней Иудеи, изложенной в Библии, но и из истории Византии. Все эти многочисленные сведения у него как бы естественно выплескиваются. Он прекрасно знает не только Ветхий и Новый Завет, но и жития святых, труды «отцов церкви» – византийских богословов. <...> Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти.

Думается, сочетание больших природных способностей, интеллектуальной и литературной одаренности с властолюбием способствовали развитию в царе Иване некоего «комплекса полноценности», превосходства над жалкими «людишками», не знающими того, что ведомо царю, не умеющими так выражать свои мысли, как умеет царь. Не только отсюда, но, возможно, и отсюда проистекало глубокое презрение царя к людям, стремление унижить их достоинство».

А.Г. Кузьмин (советский историк). «К 1560 году царь разорвал отношения с правительством «Избранной рады» и в начале 60-х годов попытался обвинить своих бывших советников в «изменах» и «волшебстве». Некоторые авторы считают, что психические аномалии, которыми царь, похоже, страдал с детства, теперь прорываются наружу в форме неумной ярости. За опалами следуют казни, которые особенно свирепыми становятся после кончины митрополита Макария в 1563 году».

А.Л. Юрганов (современный историк). «Как это ни покажется удивительным, но в научной литературе не обращалось внимание на то, что ни один из современников царя не называет его «Иваном Грозным». И даже в фольклоре XVI–XVII вв., допускающем вольные переосмысления, четко выдерживается определенное, очень продуманное отношение к этому слову. «Грозный» в фольклоре – это прилагательное, не превращенное в имя собственное.

Судя по всему, причина запрета заключается в том, что слово «Грозный» как предикат уже употреблялось, и достаточно широко, но применительно к небесным силам вообще и Архангелу Михаилу в частности. Как бы ни уподоблялся царь Богу, но небесная иерархия была выше любой земной. <...> По всей видимости, именно из фольклора слово это, при посредничестве В. Н. Татищева, переключивается в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя».

С.В. Перевезенцев (современный историк). «Вот и сочетались, столь странно и причудливо, в мистическом сознании Ивана Грозного идеалы православного иноческого подвига и неодолимая тяга к языческому знанию, вера в собственную богоизбранность и сомнение в истинности избранного пути, жажда нравственной чистоты и необузданность желаний. А над всем этим сложнейшим душевным симбиозом стояла гордыня, которая безраздельно владела его сердцем. Так ведь и кажется, что с самого начала царствования и до конца дней своих испытывал царь Иван Васильевич – какую власть даровал ему Господь на земле? Где пределы царского своеволия? Что еще будет позволено совершить?»

Но, объявив самого себя центром земной жизни, «богоизбранным иноком-самодержцем», он, скорее всего, не рассчитал своих сил. Потребовав от себя соответствия образу идеального государя, он себе же предложил нерешаемую, в принципе, задачу. И дело было даже не в сопротивляющемся окружении. Его, Ивана Грозного, натура сопротивлялась. Его тело, его душа не могли выдержать столь грандиозных психических и физических нагрузок. И, справившись с многочисленными врагами-изменниками, он не справился сам с собой».

Иван Грозный и идея власти

Я.С. Лурье (советский историк). «Своеобразие идеологической позиции Ивана Грозного в том именно и заключалось, что идея нового государства, воплощающего правую веру, «изрушившуюся» во всем остальном мире, начисто освобождалась у него от прежних вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства». Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «нестроением и междоусобными бранями». Разделяя пересветовскую враждебность к «вельможам», царь делал отсюда один важный вывод: негодных и «изменных» бояр должны были сменить новые люди».

В.Б. Кобрин. «Главная ценность для него – ничем не ограниченная самодержавная власть. Думается, нет более лаконичного, четкого и даже талантливо определенного деспотизма, чем то, которое дал Иван Грозный: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же...» В этих словах выражена суть именно деспотизма, а не абсолютной монархии, хотя эти два явления подчас путают. <...> Царь Иван был уверен, что служить ему – нравственный и христианский долг его подданных. Сам Господь поручил их ему в «работу», то есть в рабство. <...> Самодержавную власть Грозный считал единственно возможной формой правления. С презрением пишет он о тех «безбожных» государях, которые «царствии своими не владеют, како им повелят работные их, так и владеют». Вспомним, что и английскую королеву Елизавету он порицал за некоторую ограниченность ее власти: «...у тебя мимо тебя люди владеют». Царь и деятелей «Избранной рады» обвинял прежде всего в узурпации царской власти: они «во всем свое хотение улучиша», «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша.»»

С.В. Перевезенцев. «Послания Ивана Грозного Курбскому – это уникальный религиозно-философский памятник, ибо в них впервые в русской истории сам государь полностью, в законченном виде сформулировал, исторически и религиозно-философски обосновал основные принципы самодержавной власти русских монархов. Один из важнейших принципов – полнота самодержавной власти. Иван Грозный и утверждает необходимость и возможность только неограниченно самодержавного, единовластного правления в России, если Российское царство хочет исполнить возложенную на него вселенскую миссию по утверждению истинного православия. В этом заключался кардинальный политический разрыв Ивана Грозного и с «Избранной радой», и с «нестыжательской» традицией.

Государь формулирует и второй принцип — Божественное происхождение самодержавной власти. Более того, Иван Грозный обосновывает тезис богоизбранности самого государя. И никто не имеет права покушаться на его власть. «Кто противится такой власти – противится Богу!» – восклицает он.

И, наконец, третий принцип самодержавной власти: главный смысл власти русского самодержавного государя состоит в том, чтобы нести свет истины по всему миру, устроить и свою страну, а то и весь мир по Божественным Заповедям. Иван Васильевич писал: «Я же усердно стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного Богом государя...» <...>

Итак, в Первом послании Курбскому Иван Грозный впервые свел в единую систему основные принципы самодержавной власти русских государей. Но понимание *методов* воплощения этих принципов в реальную историческую практику связано уже исключительно с *личными* качествами Ивана Грозного, с его *личным* мировоззрением, как политическим, так и религиозно-мистическим. Иван Грозный понимал суть царской власти — как *разновидность монашеского подвига*. Вот и приоткрывается, как кажется, тайна Ивана Грозного. Все его деяния, все его поступки объясняются в первую очередь своеобразным религиозно-мистическим мировоззрением первого русского царя».

Опричина

С.Б. Веселовский (советский историк). «На первый взгляд между требованием царя неограниченной власти и учреждением Опричного двора нет никакой связи. Летописец не находил нужным разъяснять этот вопрос, так как для современников было ясно, что упразднить разом все старые обычаи и произвести переворот можно было, только опираясь на физическую силу, стоящую вне старого Государева двора.

Намеревался ли царь Иван действительно отказаться от власти, сказать невозможно. Во всяком случае, когда он дал согласие остаться царем всего государства на условии учреждения для него особого двора, то создалось совершенно необычное положение. Удел обыкновенно получал младший представитель великокняжеского дома и, получив удел, становился в подчиненное положение к великому князю. Теперь царь, оставаясь государем всего государства, одновременно становился хозяином удела». <...> Итак, после учреждения Опричного двора царь остался государем всего государства с прежними органами центрального управления и одновременно на правах удельного князя стал хозяином части государства, выделенной в ведение Опричного двора. <...>

В учреждении опричины многое казалось историкам непонятным именно потому, что они считали ее направленной против княжат и боярства, т. е. верхнего слоя Государева двора. В годы, предшествовавшие учреждению Опричного двора, царь пытался удалить из старого двора неугодных ему людей, но в результате борьбы с [отдельными] лицами восстановил против себя старый Государев двор в целом. Выход из положения он нашел в том, чтобы выйти из старого двора и устроить себе новый, «особный» двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином. Так как уничтожить старый двор, сложившийся веками, и обойтись без него в управлении государством не было возможности, то царь предложил ему существовать по-старому, а параллельно ему устроили Опричный двор. И всю дальнейшую историю Опричного двора следует

рассматривать в свете одновременного и параллельного существования двух дворов – старого и «опричного». На деле Опричный двор получил значение базы для борьбы царя со старым двором, и этим объясняется то, что современники видели в учреждении Опричного двора разделение государства, «аки секирою, наполю» и натравливание одной части населения на другую.

Каковы бы ни были первоначальные замыслы царя, на практике существование двух дворов вызвало такие последствия, которых царь, несомненно, не предвидел и не желал. В этом обстоятельстве, как мне кажется, лежит причина, по которой Платонов и другие историки не могли правильно понять указ об опричнине, известный нам в пересказе летописца».

Я.С. Лурье. «Своеобразие идеологической позиции Ивана Грозного в том именно и заключалось, что идея нового государства, воплощающего правую веру, «изрушившуюся» во всем остальном мире, начисто освобождалась у него от прежних вольнодумных и социально-реформаторских черт и становилась официальной идеологией уже существующего «православного истинного христианского самодержавства». Главной задачей становились поэтому не реформы в государстве, а защита его от всех антигосударственных сил, которые «растлевают» страну «нестроением и междоусобными браньми». Разделяя пересветовскую враждебность к «вельможам», царь делал отсюда один важный вывод: негодных и «изменных» бояр должны были сменить новые люди».

А.Г. Кузьмин. «Ливонская война началась до опричнины и закончилась после ее крушения. Между тем они были тесно связаны в различных отношениях. Они были порождены одними и теми же причинами – явным расколом царя со своими ближайшими советниками и стремлением его к безграничной власти. Именно поражения на фронтах Ливонии побудили царя окончательно отказаться от земского строя и придумать для себя «опричнину». Введение же опричнины в конечном счете привело к поражению России в Ливонской войне».

«Опричнина – одна из самых трагических страниц русской истории. После колоссального десятилетнего взлета в 50-е гг. XVI века следствием опричнины стало падение экономических, политических, социальных показателей жизни страны на многие десятилетия, и, главное, были утрачены многие перспективы будущего развития. Формально опричнина занимает 1565 – 1572 годы. За это время на Россию обрушился террор, какового не бывало, по крайней мере, после татаро-монгольского нашествия: беспрестанные и бессмысленные казни людей, служивших государству; десятки тысяч новгородцев, спущенных в Волхов, – такового не было ни при одном ливонском, литовском или шведском нашествии».

А.Л. Юрганов. «Анализ смысловых структур средневекового сознания показывает, что опричнина в восприятии Ивана Грозного была синкретическим явлением: не столько политического, сколько религиозного характера. Люди XVI в. не различали эти две сферы: «политика» для них – осуществление христианских задач и целей. Не случайно слова «политика», «политический» появляются в русском языке только в самом конце XVII в. Христиане воспринимают апокалиптические образы в символическом смысле. «Буквальная картина – плоскостна, не имеет мифического рельефа, не овеяна пророческим трепетом, не уходит своими корнями в непознаваемую бездну и мглу судеб Божиих ». А потому – звезды будут падать на землю и саранча будет величиною с коня и т. д. и т. п.: этот символический смысл не был для людей средневековья голым знанием. Опричнина – своеобразная мистерия веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом. Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия » не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть. И только в последние годы жизни царь стал каяться, возможно, осознавая, что прельстился. Завещание 1579 г. отразило духовный

кризис. Идеи, которая бы вдохновила его, не было, оставалось одно: ждать Суда Христова».

С.В. Перевезенцев. «Иван Грозный стремился распространить на мирскую жизнь идеал жизни монашеской, собираясь решать мирские проблемы методами монашеского подвижничества, и, прежде всего, методом «истязания плоти».

Создается впечатление, что, считая себя воплощением Божественного Замысла на земле, Иван Грозный внутренне уверился и в том, что он имеет полное и несомненное право относиться к собственному государству и к собственному народу, как к телу, которое необходимо истязать, подвергать всяческим мучениям, ибо только тогда откроются пути к вечному блаженству. И только пройдя через страх Божий в его самом непосредственном, телесном выражении, Российское государство, ведомое своим государем-иноком, придет к «истине и свету».

Вот и должен он вести святую войну против всех врагов правой веры, и прежде всего против бояр-зlobесников, посягающих на его Богом данную власть. Поэтому казни и преследования, совершаемые государем, вовсе не плод его больной воспаленной фантазии, не следствие самодурства и нравственной распущенности. Это — совершенно сознательная борьба с изменниками Богу, с теми, кем овладел бес, кто предал истинную веру. Иван Грозный, карая измену, последовательно и целенаправленно отсекал от «плоти» Русского государства все греховное.

И разделение государства на две части — земщину и опричнину — объясняется помимо всего прочего еще и тем, что земщина представляет собой часть «плоти» единой Русской земли, которую государь подверг жесточайшему истязанию, дабы проучить врагов православия и поселить в их душах страх Божий. Потому и войско опричное изначально строилось по принципу военно-монашеского ордена, главой которого является сам царь, исполнявший обязанности игумена».

И.П. Фроянов (современный историк). «Исторические корни опричнины уходя во времена правления Ивана III, когда Запад развязал идеологическую войну против России, забросив на русскую почву семена опаснейшей ереси, подрывающей основы православной веры, апостольской Церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия. Эта война, продолжавшаяся почти целый век, создала в стране такую религиозно-политическую неустойчивость, которая угрожала самому существованию Русского государства. И опричнина стала своеобразной формой его защиты. <...>

Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Иоанна IV. Опричные полки сыграли заметную роль в отражении набегов Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах... С помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от Московии под власть Литвы... Московское государство окончательно и безповоротно встало на путь служения, очищенная и обновленная опричниной...»

Иван Грозный: историческая память и значение

А.А. Зимин, А.Л. Хорошкевич (советские историки). «Для России время правления Ивана Грозного осталось одной из самых мрачных полос ее истории. Разгром реформационного движения, бесчинства опричнины, «новгородский поход» — вот некоторые вехи кровавого пути Грозного. Впрочем, будем справедливы. Рядом вехи другого пути — превращение России в огромную державу, включившую земли Казанского и Астраханского ханств, Западной Сибири от Ледовитого океана до Каспийского моря, реформы управления страной, упрочение международного престижа России, расширение торговых и культурных связей со странами Европы и Азии».

Б.Н. Флоря (современный историк). «Если конкретная роль Ивана IV в развитии древнерусского общества и древнерусской государственности рисуется вполне ясно и определено, то историческая оценка этой роли требует внимательного изучения широкого круга проблем не только русской, но и европейской истории. К исследованиям такого рода отечественные ученые лишь начинают обращаться.

Но даже если такая работа в ее полном объеме будет когда-то проделана и ее итогом станет признание социально-политического устройства России второй половины XVI века наиболее оптимальной, обеспечивавшей возможности поступательного развития в данных исторических условиях формой организации общества, то все равно исследователи встанут перед решением вопроса: обязательны ли для достижения такого итога были все те кровавые жертвы, которыми ознаменовалось правление Ивана IV и которые привели в конечном итоге к разорению всей страны, сделав ее неспособной отразить наступление своих противников? В нашем распоряжении до сих пор нет серьезных доказательств, что царь в своей политике сталкивался с непримиримой, готовой на крайние меры оппозицией, и продолжают сохраняться серьезные сомнения в существовании целого ряда заговоров, которые Иван IV подавлял с такой жестокостью.

Приходится честно сказать читателю, что на вопрос об историческом значении деятельности Ивана IV мы до сих пор не имеем окончательного ответа. Остается лишь надеяться, что его могут принести труды новых поколений исследователей».

С.В. Перевезенцев. «Иван Васильевич Грозный – это великая и трагическая фигура русской истории. И тайна Ивана Грозного скрывается в его духовной и душевной трагедии, подлинной трагедии человека, истово стремящегося к истине и свету, но так и не обретшего их в земной жизни. Фактически сформулировав принципы российской самодержавной власти, Иван Васильевич довел их до крайнего предела, до абсолюта, поставив лишь самого себя в центр чуть ли не всего мироздания. И в результате он начал войну с собственной страной, ибо не верил, что подданные его способны понять и исполнить его устремления.

Время правления Ивана Грозного – великое и трагическое. Но именно в царствование Ивана IV Васильевича осмысление роли и места Российского царства в мировой истории достигает высочайшего напряжения. Именно в годы его правления были сформулированы важнейшие смысловые и целевые установки движения Российского государства и русского народа по историческим дорогам».

*Мнения о личности и деятельности царя Ивана Грозного. Сост. С.В. Перевезенцев // <http://www.portal-slovo.ru/history/40183>

Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России (извл.)*

1917 год – особый период в истории России. В сравнительно узких хронологических рамках произошли масштабные события, потрясшие, перевернувшие, кардинально изменившие историю нашего государства. Буквально во всех сферах жизни страны в целом и каждого человека в отдельности произошли перемены. С одной стороны, Россия пережила период материальных разрушений, гибели людей, утраты традиционных духовных ценностей. С другой стороны, в это время произошла попытка реализовать извечную мечту о равенстве и свободе. Революционные события 1917 г. оказали огромное воздействие на многие страны мира, либо стимулируя подъем революционной и национально-освободительной борьбы народов, либо активизируя деятельность правительств, направленную на реформы, в целях смягчения социальной напряженности. Неудивительно, что столь сложные, неоднозначные, имеющие эпохальное значение события получили широкое отражение как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Дискуссионность оценок определяется как различными методологическими подходами исследователей, так и субъективным взглядом на прошлое страны. Не претендуя на всеобъемлющий охват идей и мнений, нашедших отражение в публикациях последних лет, остановимся на некоторых, наиболее неоднозначно оцениваемых в современной историографии проблемах. Прежде всего, необходимо определиться в том, сколько же революций было в 1917 г.?

В советской историографии основным был вывод о том, что в 1917 г. в России было две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая. Основной акцент делался на событиях Октября 1917 г., когда, с точки зрения историков-марксистов, произошла первая в мире социалистическая революция, в ходе которой класс рабочих в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков завоевал политическую власть и создал государство пролетариата, обеспечившее прогресс страны. Октябрьская социалистическая революция имела всемирно-историческое значение, так как она открыла эпоху перехода от капитализма к социализму (коммунизму) во всем мире.

Выделение двух революций, без идеологизации событий, присутствует и во многих современных вузовских учебниках. Полагаем, в учебном плане это допустимо, так как позволяет основательно изучить причины и следствия каждого явления в отдельности. Вместе с тем нет определенности в терминологии. Так, при определении типа февральской революции используются термины «либерально-демократическая», «буржуазно-демократическая» или «демократическая» революция.

Подавляющее большинство ученых-историков сейчас склоняются к тому, что в 1917 г. была одна революция. Так, например, В.П. Дмитренко выделяет две фазы революции – политическую и социальную, перспективы развития которых зависели от взаимодействия различных социальных сил.

Действительно, события Февраля 1917 г. дали толчок революционному процессу. Было свергнуто самодержавие, но в стране не оказалось политических сил, которые могли бы дать ответ на вызов времени, решить назревшие проблемы. В результате один за другим последовали три кризиса Временного правительства и возникли различные варианты развития страны – от социал-демократического правительства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов до военной диктатуры Л.Г. Корнилова. В конце концов, в Октябре 1917 г. к власти пришли большевики, и в стране установилась однопартийная диктатура.

Далее следует рассмотреть вопрос о хронологических рамках революции. Историки-марксисты, как уже отмечалось, главным событием 1917 г. считали Октябрьскую социалистическую революцию, происшедшую в течение нескольких дней. В современной исторической литературе хронологические рамки «Великой революции» все более и более расширяются. По мнению А.И. Солженицына, революция продолжалась в течение 15 лет. Она «закончилась лишь с искоренением крестьянства в 1930-1932 гг. и перетряхом всего уклада в первой пятилетке». На наш взгляд, данный подход недостаточно обоснован, так как НЭП, индустриализация и коллективизация – это уже конкретная политика новой, советской власти после завершения революции. Разделяя позицию В.П. Дмитренко и А.А. Корникова, полагаем, что революция, начавшаяся в 1917 г., завершилась в 1920 или 1922 г., т.е. после гражданской войны и иностранной интервенции, когда власть большевиков окончательно утвердилась.

Одним из наиболее болезненных для российской истории является вопрос о сущности событий 1917 г. Позиции исследователей, в соответствии с методологическими подходами, противоположны.

Многие современные исследователи продолжают рассматривать революцию 1917 г. как рабоче-крестьянскую, приведшую к утверждению в России социализма.

Вместе с тем точку зрения о том, что русскую революцию нельзя отождествлять с социалистическим движением, высказали В.П. Булдаков и П.В. Волобуев. По их мнению, ни у рабочих, ни у крестьян или солдат и матросов не было устремлений к социализму. Это была «борьба низов за выживание». После революции 1905-1907 гг. в результате неспособности правительства решить вопросы внешней и внутренней политики в годы первой мировой войны, «распутинщины» народ «...утратил веру в «свою власть». «Униженные и оскорбленные» остались наедине со своим историческим опытом, в котором не было места ни парламентаризму, ни правам личности. В 1917 г. в

массах господствовал идеал общественного устройства, основанный на нормах демократии, исторически укоренившихся в России, - нормах общинной демократии. При этом надо иметь в виду, что общинные идеалы господствовали не только среди крестьян. Их влияние на российское общество было глубоко и многогранно. Это не только народные традиции, но и нравственные, духовные приоритеты, особенности духовной культуры, интеллектуальной деятельности. Поэтому, по мнению В.П. Булдакова, было бы справедливо назвать события 1917 г. «общинной революцией».

С конца XX в. распространенной, особенно в публицистике, является характеристика Октябрьской революции как военного переворота (заговора), совершенного большевиками с опорой на революционную часть армии и флота. Эта позиция опирается на реальные факты: во-первых, роль армии и флота в момент взятия власти большевиками была велика; во-вторых, действительно, в момент вооруженного восстания элементы заговора были налицо: разработан план восстания, созданы и распределены вооруженные силы из революционных солдат, матросов и отрядов рабочей Красной гвардии и т.д. Однако нельзя не согласиться с Л.И. Семенниковой в том, что, во-первых, продержаться сколько-нибудь долго в 170-миллионной мозаичной стране на штыках было невозможно. Большевики же продержались почти 75 лет. Во-вторых, элементы заговора, сговора есть в любой революции в момент взятия власти. Власть никогда «не падает в руки» случайно, ее берут: вооруженным ли путем или мирным - другой вопрос. «Однако заговор, захват власти узким кругом лиц, - пишет далее Л.И. Семенникова, - может быть успешным лишь в условиях стабильности общественной системы или при наличии широкой массовой поддержки (но тогда это уже не заговор). <...> В условиях нестабильности заговор обречен на поражение, так как заговорщики, не имея прочной массовой базы, не смогут обеспечить переход к стабильности. <...> Следовательно, отражая определенные реалии 1917 г., эта точка зрения не объясняет в целом крутого поворота в судьбе страны». Можно добавить также, что противопоставлять понятия «революция» и «переворот» не целесообразно. Это слова-синонимы, поскольку в переводе с латинского слово «революция» означает «переворот».

Можно также сослаться и на мнение известного русского писателя А.И. Солженицына, написавшего: «...несомненно, что в XX веке в России произошла величайшая революция всемирного значения. Необратимостью и радикальностью перемен только и определяется революция».

Своеобразный и нетрадиционный подход к революции 1917 г. сложился у философа Г.С. Смирнова. Он полагает, что ее нужно рассматривать с культурологических позиций, и тогда будет видно, что русская революция - величайшая культурологическая революция.

В русле институционального подхода пытается определить сущность событий 1917 г. А.Н. Медушевский. С его точки зрения, февральская революция – это первая фаза массовой демократической революции XX в., продолжавшаяся в 1920-е гг. Исходя из теории демократических переходов, он выделяет вторую демократическую волну после Второй мировой войны, и наконец, третья волна, по его мнению, поднимается уже в конце XX в. «Перестройка и демократизация в Советском Союзе означали только то, что наша страна, как и другие народы и государства, снова решала те задачи, которые были поставлены, но не решены Февральской революцией».

Анализируя сущность революции, необходимо иметь в виду, что как любое сложное социальное явление революция 1917 г. была многогранна. Кроме того, она имела ряд специфических черт, связанных с такими особенностями России, как пестрый национальный состав страны, многоукладность ее социальной структуры, различные культурные ориентации населения и т.д. Большую часть населения страны составляли крестьяне и рабочие, уровень жизни которых был намного ниже, чем на Западе. В результате и те и другие являлись «горючим» материалом для революции. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые оценивают события 1917 г. как

рабоче-крестьянскую революцию, хотя, конечно, дополнительного изучения требуют мотивы, психология масс в 1917 г. Что касается определения революции как «социалистической», то и здесь нет противоречия. Ни одна из возможных альтернатив развития страны в 1917 г., кроме прихода к власти большевиков, не состоялась. Большевики же, провозгласившие программу построения социализма, приступили к ее реализации сразу после прихода к власти.

Различные мнения существуют и по поводу причин и предпосылок революции 1917 г. Советские ученые выделяли объективные предпосылки и субъективные факторы Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революции. К объективным социально-экономическим предпосылкам они относили противоречия капиталистической общественно-экономической формации, на смену которой неизбежно должен был прийти социализм. В 1917 г. в России это были, во-первых, достаточно высокий уровень развития производительных сил в стране; во-вторых, численный рост пролетариата. К субъективным – наличие партии, которая вырабатывала стратегию и тактику революции. Причинами революции считались противоречия между трудом и капиталом и между общественным характером производства и частной формой присвоения. Гегемоном (лидером) Октябрьской социалистической революции был пролетариат, а его союзником – беднейшее крестьянство.

Причиной революции называют первую мировую войну российские ученые В.М. Лавров, А.И. Уткин. Современные исследователи Э. Радзинский, Г.О. Павловский, А.В. Шубин, признавая огромное воздействие первой мировой войны на историю России, в качестве важнейшей причины падения монархии считают также слабость власти при последнем Романове. С этими выводами трудно не согласиться, но русская революция 1917 г. столь сложное и многогранное явление, что требует изучения с точки зрения различных методологических подходов.

Н.А. Нарочницкая предложила рассматривать события 1917 г. в России в мировом контексте. «Она отметила большую роль внешнего фактора в событиях Февраля 1917 г., когда Центральные державы сделали все, чтобы подорвать Россию изнутри, а союзники России по Антанте не были заинтересованы в ее усилении».

Действительно, война оказала огромное воздействие на положение всех слоев общества. Однако не меньшие бедствия населению страны принесла Великая Отечественная война, но они не вызвали революции.

На наш взгляд, причины революции 1917 г. необходимо анализировать на макро- и микроуровнях. Макроэкономические процессы - это модернизация России, переход страны от феодального к индустриальному обществу. Как известно, переходный период в любой стране чреват социальными кризисами и революциями. В России ситуация усугублялась острыми противоречиями старого феодального общества (помещичье землевладение, крестьянская община, царское самодержавие, отсутствие реальных демократических свобод и т.д.) с новыми капиталистическими отношениями (появление крупных монополий, банков, рост политической культуры населения и др.). Микроэкономические процессы – это противоречия, пользуясь марксистской терминологией, между трудом и капиталом. Как известно, Россия была страной догоняющего типа развития, а для таких стран характерна сверхвысокая эксплуатация трудящихся. Первую мировую войну следует считать ускорителем революции. Она привела, во-первых, к изменению кадрового состава армии, которая перестала быть опорой самодержавия. По данным А.А. Корникова, в ходе Первой мировой войны почти вся кадровая армия, включая офицерский корпус, была уничтожена. К 1917 г. кадровые офицеры составляли в русской армии только 4 %, остальные 96 % – прапорщики военного времени из бывших крестьян, рабочих и мещан. Практически полностью был выбит в боях кадровый состав гвардии. В ней исчез быллой корпоративный дух. Война также вызвала и глубочайший экономический кризис. Она тяжело отразилась на промышленности и сельском хозяйстве, так как было мобилизовано 15 млн. человек

наиболее работоспособного населения, реквизировано 2,5 млн. лошадей. Сократились посевные площади, в результате сбор хлеба уменьшился на 20 %, производство мяса упало в 4 раза. Возник топливный и транспортный кризис. В стране начался голод. В 1916 г. царское правительство ввело в стране продразверстку - обязательную сдачу крестьянами государству зерна, но это не решило проблемы. В конце 1916 г. покупательная способность рубля упала до 27 коп. Цены на мясо увеличились по сравнению с 1914 г. на 200 - 220 %. Заработная плата рабочих выросла на 100 %, а цены, в среднем, - на 300 %. Отсутствовало топливо, повсюду стояли очереди за продуктами. Летом 1917 г. в Петрограде были введены карточки на хлеб. Фактором, ускорившим революцию, была неспособность последнего русского царя и его окружения адекватно оценить ситуацию в стране и принять действенные меры для выхода из кризиса.

Требуется более глубокое изучение и выявление других причин и особенностей революции, в частности, субъективных факторов, мотивов и поступков людей, психологии масс в условиях кризиса политических структур и др. Возможно, более тщательного изучения требует и теория о масонском заговоре. Перспективным, на наш взгляд, является также подход ученых, изучающих историю революции на уровне провинции. События здесь, как весьма аргументировано доказал английский исследователь С. Бэдкок, имели существенные отличия от аналогичных процессов в столицах. Так, например, вместо двоевластия в провинции было распыление власти. Здесь было многообразие местных властных структур.

Еще одной дискуссионной проблемой является определение значения революции, в первую очередь - определение значения Октябрьской революции. В советской историографии Октябрьская революция считалась величайшим событием в истории России и мира. В настоящее время эта позиция историков-марксистов справедливо поддерживается целым рядом российских и зарубежных исследователей.

Ряд исследователей негативно оценивают события Октября. Так, Л. Семеникова считает, что развитие России в 1917 г. могло пойти по западному, демократическому пути, «если бы не Октябрьская революция». По ее мнению, Россия не пошла по западному пути, который олицетворяли кадеты, так как у кадетов не хватало социальной базы; Запад в это время не мог быть образцом. Россия пошла по пути Востока: общины (разного рода - клановые, кастовые, родовые и т.п.) объединялись мощным деспотическим государством, которое контролировало все стороны общественной жизни.

Оценивая сегодня события 1917 г., нельзя забывать, что они произошли в огромной многонациональной, раздираемой жесточайшими социально-экономическими противоречиями, втянутой в пучину мировой войны стране. Поэтому и принимаемые участниками революции решения мы должны оценивать исходя из реалий первой четверти XX в.

Если последствия Октября 1917 г. для России вызывают бурные дебаты ученых, то его мировое значение признается многими исследователями как у нас в стране, так и за рубежом. Действительно, напуганные Октябрьской революцией правительства капиталистических стран пошли на значительные уступки трудящимся: была улучшена социальная сфера, поднято благосостояние рабочих, крестьян и служащих.

Что касается причин прихода большевиков к власти, то здесь мнения ученых во многом совпадают. Так, американский исследователь Л. Хеймсон писал, что «главной причиной успеха большевиков было то, что из-за внутренней динамики развития стачечного движения, ... их лозунги и воззвания все более и более совпадали с умонастроениями самих рабочих. <...> Второй фактор, по мнению исследователя, - это систематическое и последовательное использование большевиками всех легальных организаций рабочего класса и контроль над ними, ... агитационная и организаторская деятельность шестерки большевистских депутатов... ». С этим можно согласиться, добавив лишь, что успех большевиков был обеспечен также разобщенностью антисоветских сил и

поддержкой партии Ленина жителями национальных окраин, которые мечтали о суверенитете и праве на самоопределение, обещанных большевиками.

В исторической литературе последних лет в качестве причин победы большевиков называется и материальная помощь партии Ленина со стороны немецкого правительства. Вероятно, она была, но ее значение не стоит переоценивать. Причины революции и победы в ней большевиков имеют «русские корни».

Итак, единых подходов к оценке причин, сущности, значения революции 1917 г. нет, и это не удивительно, так как революционная ситуация в России в 1917 г. была вызвана комплексом причин внутри- и внешнеполитического и социально-экономического характера.

Возможно, «белые пятна» в событиях 1917 г. будут обнаружены в ходе научных конференций, которые пройдут в год 90-летнего юбилея революции 1917 г. Толчок к новому осмыслению событий дадут также вышедшие в последнее время сборники воспоминаний участников событий.

*Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. Вып. 1. // http://ispu.ru/files/str._40-44.pdf

После 7 ноября. Какие уроки мы извлекли из событий 1917 года*

Гражданская война, которую спровоцировал в России Октябрь 1917 года, закончилась много лет назад. А гражданское противостояние? Удалось ли за прошедшие девяносто лет, включая постсоветский период, преодолеть раскол в обществе? Об исторических уроках революции и 70-летнего социального эксперимента за "круглым столом", организованным в "Российской газете", размышляли известные ученые, преподаватели истории, политологи, публицисты.

Чем был для нас Октябрь 17-го – искривлением истории или объективной закономерностью? С такого вопроса, в котором были намеренно сведены две крайние позиции, открылась дискуссия.

Андрей Сахаров, директор Института российской истории: «На мой взгляд, это объективная закономерность и искривление истории одновременно. Что понимать под закономерностью истории? Это некие общие каноны. Развитие личности человека, совершенствование в духовном и материальном отношении, улучшение качества жизни человека. Миллионы людей были унижены, существовали в совершенно варварских условиях. Озверевший, доведенный до отчаяния народ пошел в эту революцию и определил ее характер на первом и втором этапах.

А почему искривление? Потому что события 1917 года не привели к тем закономерностям развития человеческого общества в нашей стране, которые были бы основаны на собственности, на рынке, на личных свободах. Все это было свернуто, искривлено.

Да, колоссальное количество работающих людей, крестьян воспряли духом, развернули плечи, они лично стали свободными. Повсюду шла наверх низовая часть общества. Но такое общество было обречено. Поскольку не могли эти люди создать те образцы цивилизации, о которых они бредили, о которых они мечтали и которые были в лозунгах Октябрьской революции. И в конце концов все рухнуло, потому что шло в тупик».

Александр Ципко, главный научный сотрудник Института экономики РАН: «Я лично не считаю, что Октябрь был спровоцирован так называемым социальным недовольством трудящихся масс, жаждущих справедливости. Все было проще и банальнее. Во имя чего восстали? Большевики на самом деле пришли к людям не с идеалами коммунизма, а со шкурными буржуазными лозунгами.

Вместе с тем у Октября 1917-го, на мой взгляд, были объективные причины. И у каждого была своя правда. У тех, кто был соблазнен большевистской идеологией, кто хотел освобождения. И у белых, которые хотели сохранения России. В истории нашей страны в тот трагический период произошло столкновение двух правд.

Но сегодня, когда мы оцениваем историю, я не могу лично стать на позицию двух правд. Оценка Октября зависит и от нашего умения отличать анализ причин явления от его моральной оценки.

Оценка так называемого «величия» и исторической значимости Октября зависит от того, какой смысл вы вкладываете в понятие «величие». Надо отличать позитивное воздействие на мировой процесс от негативного, ибо на самом деле с нашим Октябрем и с нашим коммунистическим экспериментом связаны многие ужасы и уродства XX века.

У Путина в его статье «Россия на рубеже тысячелетий» есть слова о том, что 70 лет мы двигались в стороне от столбовой дороги цивилизации, что «власть Советов не сделала страну процветающей, общество – динамично развивающимся, человека – свободным». И эта позиция мне близка».

Вячеслав Никонов, президент фонда «Русский мир»: «Я не знаю ни одну революцию, которую сделал народ. Любая революция абсолютно рукотворна. Я не знаю ни одной революции, которая была бы вызвана тяжелыми условиями жизни. Любое озверение – это все-таки производная от целенаправленных усилий, которые предпринимаются определенными политическими силами, определенными личностями. Революции делаются. Был сделан Февраль. Его я, кстати, считаю более значимым событием, чем Октябрь. Потому что именно в феврале было сломлено тысячелетнее российское монархическое государство. И роль в этом Александра Ивановича Гучкова была больше, чем роль всех трудящихся масс, вместе взятых.

Революции невозможны, как показывает опыт всей мировой истории, если не происходит раскол элит. Когда элиты расколоты и одна группа организует заговор против другой – все революции происходят именно по этому сценарию. Никаких других сценариев революции нет».

Дмитрий Орлов, директор агентства политических и экономических коммуникаций: «Недооценивается, на мой взгляд, роль национального фактора – и в февральских, и в октябрьских событиях. Распад элит возник в том числе, а может, и в большей степени потому, что национальные элиты раскололись и потеряли общую лояльность имперскому центру. Власть валялась под ногами. Но и, конечно, воля Ленина сыграла здесь колоссальную роль. Ведь и социалистам, и даже самим большевикам, не говоря уже о деятелях Временного правительства, казалось абсурдом выступление Владимира Ильича с броневика. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую – это бред. Она не может перерасти в соответствии с марксистской теорией. Но, как говорил Ленин, для него всегда важна была практическая цель. И, преследуя эту цель, всегда ясную, определенную и далекую от идеологии, он добивался результатов.

Какие уроки? Власть не должна находиться в таком состоянии, в каком находилась в феврале и октябре 1917 года».

Оксана Гаман-Голутвина, вице-президент Российской ассоциации политической науки: «Отделить случайное от закономерного в историческом процессе – задача исключительной сложности. Нам в помощь я хотела бы привлечь тех, кто уже не может присутствовать за этим столом. Вот голоса свидетелей эпохи. Федор Степун: «трупный запах заживо разлагавшейся власти»... Это о последних днях империи. Георгий Федотов: революция «совершилась без революционеров – как обвал, как стихийная катастрофа... Странная это была революция, где революционерам приходилось тушить, а не раздувать»... Василий Розанов: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего». Лев Шестов: «Огромная страна,

раскинувшаяся на сотни тысяч квадратных километров с почти двухсотмиллионным населением, – и без всякой власти...»

Несомненно, события и февраля, и октября 1917 года были инициированы небольшими социальными общностями. Широкие слои населения оставались немymi свидетелями происходившего. Но, думаю, не к разрушению Российской империи стремились те, кто совершал Февральскую революцию. Сказалась энтропия элиты, утрата ею способностей рациональной рефлексии, волевого управления, что всегда является признаком упадка правящего слоя. Иван Ильин одну из причин революции 1917 г. усматривал в упадке «волевого начала в русском православии». Думаю, что эту характеристику можно отнести ко всей российской элите той эпохи.

Максим Шевченко, политолог: «Обе русские революции были объективной закономерностью. Ведь государство оставалось, по сути, кастовым и сопротивлялось модернизации всеми силами правящего слоя. Модернизацию подменяло реформами, которые постоянно запаздывали. Какую бы реформу ни припомнить царской империи, она всегда приходила позже, чем она должна была прийти. И она всегда порождала скорее больше проблем, нежели перспективных трендов развития.

Поэтому революция, естественно, была неизбежной – как кризис управления. Моя версия состоит в том, что Россия вдруг летом 1917 года раскрыла свои внутренние сути. И те люди, которые тогда наблюдали за Россией, увидели много народов, живущих в одной стране. Народов несогласных. Эта невидимая Россия создала Красную армию. Она создала левый ответ элите, которая не могла управлять страной».

Леонид Радзиховский, политолог, обозреватель «РГ»: «"Десять дней, который потрясли мир" – это святая правда. И не метафора, не преувеличение. Тряска войной шла весь двадцатый век. Что такое итальянский фашизм? Муссолини прямо говорил, что он считает себя учеником Ленина. Гитлер, который, как известно, не слишком любил большевиков и не слишком любил Советский Союз, говорил: «Что такое национал-социализм? Это большевизм, очищенный от абсолютно чуждого ему интернационализма и псевдогуманистической фразеологии». Возможны бы они были без влияния Октябрьской революции? Конечно, нет.

В чем, по словам Чаадаева, «наша задача»? Преподнести какой-то страшный урок человечеству. Вот и преподнесли. «17-й год», «Ленин» так с нами и останутся. С отрицательным ли, с положительным смыслом – просто останутся. Это гигантское историческое значение, абсолютно несравнимое, конечно, с реформами Петра. Потому что реформы Петра – это догоняющая цивилизация, это была попытка создать империю на окраине Европы. Но, как выразился Достоевский, «нового слова Петр не сказал». Здесь было сказано новое слово».

Леонид Поляков, заведующий кафедрой общей политологии ГУ-ВШЭ: «У меня такое впечатление, что чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. Но уж если мы воспринимаем себя как людей, обремененных степенями научными, то наш долг создать в рамках своей науки, ее кодекса интеллектуальной чести, непротиворечивую модель случившегося. Хотелось бы, чтобы вот этот запрос на научную истину не был упущен из виду. Чтобы здесь не было дикой конкуренции версий, вырастающих из непонятных методологических предпосылок. В этом смысле мы абсолютные чемпионы по инновациям.

То есть у всех своя правда. У всех. А с управленческой точки зрения это катастрофа. Когда один властный центр должен взять на себя дискурс создания коллективной правды. А по известной традиции изначальное недоверие к правде, навязанной сверху, не цементирует общество. И сегодня это остается центральной проблемой».

*После 7 ноября. Какие уроки мы извлекли из событий 1917 года. Дискуссия в «Российской газете» // <http://www.rg.ru/2008/11/10/diskussiya>.

Минц М.М. Начало Великой Отечественной войны в современной историографии (Реферативный обзор)*

Тематика исследований

Центральными проблемами предыстории и начала Отечественной войны остаются советская внешняя политика и военное строительство в предвоенный период, ход боевых действий летом – осенью 1941 г., причины неудач Красной армии в первые месяцы войны. Продолжается дискуссия о целях военных приготовлений СССР в первой половине 1941 г. («проблема превентивного удара»). Среди исследований, посвященных истории первых месяцев войны, следует выделить ряд работ, описывающих действия отдельных видов вооруженных сил и родов войск (танковые войска, авиация, флот). К числу сравнительно недавно появившихся тем относятся проблемы несобытийной истории и близкие к ним: история повседневности, представления советской политической и военной элиты о будущей войне, военно-доктринальные установки сталинского руководства, история советской пропаганды.

Одним из наиболее всесторонних исследований кануна Отечественной войны является монография М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (М., 2008). В книге рассматривается целый комплекс проблем: международные отношения в Европе в 1920-1930-е годы и назревание новой мировой войны; внешняя политика СССР в 1939 – 1941 гг.; военная политика Советского Союза в этот же период; советская экспансия в 1939 – 1940 гг.; нарастание советско-германских противоречий в 1940 – 1941 гг.; подготовка СССР к войне с Германией (в том числе оперативно-стратегические и мобилизационные планы, строительство вооруженных сил); соотношение сил на Восточном фронте к 22 июня 1941 г. и т.д., а также историография этих проблем.

Л.А. Безыменский в книге «Сталин и Гитлер перед схваткой» (М., 2009), написанной на стыке нескольких жанров (монография, документальные очерки, воспоминания; в работе приводятся даже фрагменты интервью, взятых самим автором у некоторых участников описываемых событий), пытается найти ответ на наиболее болезненный вопрос: почему Сталин так и не поверил в подготовку немцев к вероломному внезапному нападению на СССР. В книге подробно анализируются различные аспекты советско-германских отношений до и особенно после пакта Молотова – Риббентропа, а также реакция советского руководства на ухудшение этих отношений и на германские военные приготовления в 1940 – 1941 гг.

Вопросы методологии

С точки зрения методологии значительная часть исследований, особенно отечественных, по-прежнему относится к чисто событийной истории – политической (история международных отношений) и военной в ее «оперативно-стратегическом» варианте (силы и планы сторон, ход и результаты боевых действий, потери). В наибольшей степени это характерно для любительских работ по военной истории. К числу несомненных новшеств относится скорее выбор новых тем для исследования, а также более тщательная увязка между собой имеющихся знаний по разным аспектам предыстории и начала Отечественной войны.

Среди относительно новых тем исследований следует отметить историю повседневности, а также эволюцию представлений советской политической и военной элиты о будущей войне и взаимосвязи этих представлений с практической деятельностью советского военно-политического руководства по подготовке к будущей войне, с боевой и оперативной подготовкой Красной армии. К последнему вопросу примыкает и история советской пропаганды, изучение которой позволяет, помимо всего прочего, проследить военно-доктринальные взгляды советских лидеров и их оценки складывающейся международной обстановки через те идеологические концепции, которые продвигались официальной пропагандой в разные периоды.

Хорошим примером комплексного подхода к изучаемым проблемам является книга М.И. Мельтюхова, в которой анализ военной политики Советского Союза тщательно

увязывается с анализом его внешней политики и общим контекстом начавшейся Второй мировой войны. Подобный подход, к сожалению, остается редкостью в отечественной историографии, чаще по-прежнему встречаются исследования, целиком посвященные либо внешнеполитической, либо военной проблематике.

Внешняя политика СССР в предвоенный период

Наиболее подробно советская внешняя политика 1939-1941 гг. рассматривается в монографии А.О. Чубарьяна «Канун трагедии» (М., 2008). На протяжении 15 глав автор анализирует историю советско-германского партнерства 1939 – 1941 гг., присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, советско-финского конфликта, нарастания советско-германских противоречий в 1940-1941 гг. Работу отличают скрупулезный анализ доступных источников, тщательный разбор сложнейших дипломатических игр и маневров, комплексный подход к изучаемой проблеме, внимательное рассмотрение самых разных, порой противоречивых факторов, оказывавших влияние на описываемые события.

К несомненным достоинствам книги относится и личная исследовательская позиция Чубарьяна – особенно если учесть усилившуюся в последние годы активность ряда авторов, стремящихся оправдать такие шаги Советского Союза, как пакт Молотова – Риббентропа и последующая «добровольно-принудительная» аннексия Прибалтики, которые якобы были вынужденными мерами, призванными отсрочить вовлечение СССР в большую войну, укрепить безопасность советских границ и т.п. В противовес этим идеям Чубарьян последовательно обосновывает аморальность действий советского руководства, посчитавшего себя вправе решать судьбы соседних народов и государств, игнорируя их собственную позицию и интересы. Нельзя не отметить и исключительно терпимое отношение автора к своим оппонентам. Хотя Чубарьян отвергает гипотезу о том, что СССР весной – летом 1941 г. готовился к нападению на Германию, все его критические замечания в адрес сторонников этой теории в высшей степени корректны и выдержанны.

Л.А. Безыменский также не склонен оправдывать политику Сталина. Хотя он и считает, что советский диктатор действительно боялся войны и стремился оттянуть ее начало, заключение договора с Германией в 1939 г. и тем более секретного протокола о разделе Восточной Европы, по его мнению, нельзя считать вынужденной мерой: напротив, в сложившейся тогда обстановке Сталин вполне осознанно выбрал сближение с Германией как наиболее выгодное для себя решение.

Схожие идеи развивает и А.С. Орлов в книге «Сталин: в преддверии войны» (М., 2003). Основным предметом его исследования являются международные отношения в период между двумя мировыми войнами. Орлов утверждает, что СССР в эти годы проводил сугубо миролюбивую политику. Западные же страны (главным образом, Англия и Франция), уклоняясь от предложений советского правительства о создании системы коллективной безопасности в Европе, всячески потворствовали обиженной Версальским договором Германии, помогая ей поднимать свою промышленность и вооружаться. Когда вследствие этого Германия достаточно окрепла и стала представлять серьезную угрозу всей Европе, Англия и Франция, пытаясь умиротворить Гитлера, шли на всяческие уступки, чтобы отодвинуть войну от себя и направить германскую экспансию на восток, так как большевизма боялись больше, чем нацизма. Сталин же, в представлении автора, напротив, понимал всю угрозу гитлеризма и пытался избежать войны или хотя бы отодвинуть ее начало, чтобы подготовить к ней советские вооруженные силы и промышленность. Именно с этой целью 23 августа 1939 г. был заключен с Германией Пакт о ненападении.

В диссертации А.Л. Сафразьяна «Идеология и внешняя политика СССР, 1939 – 1941 гг.» (М., 2008), основанной на широкой документальной базе (документы РГАСПИ, ГАРФ, АВП РФ, документальные публикации, советская и зарубежная пресса 1930-х годов, мемуаристика – советская и немецкая), рассматривается влияние коммунистической идеологии на внешнюю политику Сталина в 1930-х – начале 1940-х годов, прежде всего на советско-германские отношения в 1939-1941 гг. Автор не согласен с представлением о Сталине и Гитлере

как о прагматичных политиках и настаивает, что внешняя политика как СССР, так и Третьего рейха была идеологически детерминирована. Это не исключало прагматические решения, наиболее значительным из которых был советско-германский пакт 1939г., представлявший собою геополитический компромисс между советским и германским экспансионизмом. Однако именно несовместимость этого компромисса как с нацистской, так и с советской идеологией предопределила его непрочность и недолговечность. В то же время упрощенные «классовые» интерпретации нацизма в Советском Союзе, основанные на марксистской доктрине в ее сталинском варианте, не позволили советскому руководству оценить степень влияния идеологии на внешнюю политику Берлина. Следствием этого были недооценка военной опасности со стороны Рейха и неудача переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. По мнению автора, советская сторона оказалась неготовой к предложениям немцев о новом разделе сфер влияния. Отвергнув эти предложения, вместо того чтобы втянуть германскую дипломатию в их обсуждение, СССР упустил наиболее серьезную возможность отсрочить войну с Германией, убедив Гитлера в невозможности дальнейшего мирного сосуществования двух тоталитарных режимов.

В.Н. Свищев в своей монографии «Начало Великой Отечественной войны» (М., 2003 – 2005) настаивает, что СССР в 1930-е годы проводил мирную политику, предлагая европейским государствам разработать систему коллективной безопасности, однако не находил у них отклика. Тем временем к власти в Германии пришел Гитлер, и угроза войны резко возросла. Как считает исследователь, сам по себе договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. был необходим обоим государствам. Что же касается секретных протоколов, то II Съезд народных депутатов СССР уже осудил их заключение, признав их юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Однако в 1939 г. «они существовали и координировали действия правительств СССР и Германии на международной арене».

Германия получала свободу для реализации своих агрессивных планов, тогда как Советскому Союзу пакт позволял выиграть время для укрепления своей обороноспособности.

Вопросы советской внешней политики затрагивает и М.И. Мельтюхов. Он настаивает, что в 1920-е – начале 1940-х годов СССР фактически проводил экспансионистскую политику, прикрываясь лозунгом о «мировой революции». Заключение договора с Германией в 1939 г. не было связано со стремлением укрепить безопасность советских границ; Сталин просто посчитал условия, предложенные Гитлером, более выгодными по сравнению с тем, что могли предложить Великобритания и Франция. С лета 1940 г. в советско-германских отношениях стали нарастать противоречия, а после берлинских переговоров в ноябре того же года, показавших невозможность нового взаимовыгодного компромисса, стороны развернули непосредственную подготовку к войне.

Подготовка Советского Союза к войне

Наиболее подробно и всесторонне подготовка СССР к войне с Германией также описывается в работе М.И. Мельтюхова: на протяжении нескольких очерков (глав) он рассматривает строительство советских вооруженных сил в конце 1930-х – начале 1940-х годов, советское оперативно-стратегическое планирование в 1939-1941 гг., деятельность советской разведки накануне германского нападения и т.д. М.И. Мельтюхов приходит к выводу, что поступавшие в Москву сведения о германских военных приготовлениях были довольно фрагментарны и, вопреки распространенным представлениям, допускали различную интерпретацию. «Германским и советским спецслужбам, – заключает он, – лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие».

Главной причиной уверенности Сталина в том, что войны удастся избежать, Л.А. Безыменский считает то обстоятельство, что советский диктатор в созданной им же самим тоталитарной системе неизбежно оказался в своеобразном информационном вакууме и

жил в своем мире, имевшем мало общего с реальностью, что лишало его возможности адекватно реагировать на возникающие вызовы.

В работе Д.Б. Лошкова «Система подготовки и совершенствования профессионального уровня командных кадров РККА в преддверии войны» (М., 2003) и его диссертации анализируются основные тенденции в подготовке командных кадров РККА среднего звена в 1939 — первой половине 1941 г. Автор рассматривает, в частности, состояние командного состава Красной армии накануне войны, последствия репрессий в вооруженных силах, систему подготовки командных кадров, эволюцию военной пропаганды, в том числе после выступлений Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий.

Исследование В.А. Арцыбашева «Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931 – 1941 гг.» (М., 2004) посвящено представлениям командного состава Красной армии (главным образом, старшего и высшего) о начальном периоде будущей войны, их эволюции на протяжении межвоенного периода и реализации в практической деятельности военного ведомства (разработка нормативных документов, организация военных игр, учений и маневров, оперативно-стратегическое планирование). Автор, таким образом, стремится исследовать несобытийную основу советского военного строительства. Он затрагивает также вопрос об адекватности существовавших представлений о начальном периоде войны и их влиянии на исход боевых действий РККА в июне-июле 1941 г. Арцыбашев приходит к выводу, что советское военно-политическое руководство, по-видимому, так и не отказалось полностью от уже устаревшей к тому времени концепции «вползания в войну», вследствие чего Красная армия оказалась не готовой к отражению внезапного нападения немцев, в котором сразу же приняли участие главные силы Вермахта, заранее отмобилизованные и развернутые на советской границе.

Монография В.А. Невежина «Если завтра в поход...» (М., 2007) посвящена деятельности советских пропагандистских органов в 1930-е-начале 1940-х годов.

Планировал ли Сталин нападение на Германию?

Предметом оживленных дискуссий остаются цели советских военных приготовлений в первой половине 1941 г. Поскольку многие важные документы по данному вопросу до сих пор остаются засекреченными, историкам поневоле приходится сосредоточить основные усилия на осмыслении источников, уже введенных в научный оборот, прежде всего документов, рассекреченных в период «архивной революции» 1990-х годов, а также на анализе советской военной политики в комплексе с другими проблемами кануна Отечественной войны. Среди авторов, не согласных с тем, что Советский Союз планировал нападение на Германию, - В.А. Арцыбашев, Л.А. Безыменский, А.С. Орлов, В.А. Рунов, А.О. Чубарьян.

По мнению А.С. Орлова, СССР в 1939—1941 гг. агрессивной войны против Германии не готовил, а известный проект стратегического плана от 15 мая 1941 г. не был утвержден Сталиным, т.е. появление этого документа свидетельствует лишь о том, что его авторы предлагали осуществить в целях самообороны «упреждающий удар (а не превентивный) по изготовившейся к нападению на нашу страну гитлеровской армии вторжения. Цель такого удара (в отличие от превентивного) – не разгромить Германию, а сорвать подготавливаемое противником наступление». Да и в любом случае «нанести крупное поражение Вермахту теми силами, которые находились в приграничных округах, при той степени боеготовности, которую они имели, не представлялось возможным». Автор объясняет это тем, что СССР готовился к войне, основываясь на устаревших стратегических концепциях, тогда как новые методы развязывания и ведения войны в 1930-е годы освоила только Германия. Как следствие, «наш план предусматривал в течение 10 – 15 суток, а то и 25 – 30 суток вести активную оборону, давая время на всеобщую мобилизацию. Время, которого противник не давал. Да к тому же этот вид боевых действий почти не отрабатывался, все внимание уделялось второму этапу – наступлению на противника».

Л.А. Безыменский также отвергает гипотезу о подготовке СССР к нападению на Германию: по его мнению, Советский Союз был не готов к войне и Сталин не мог этого не

знать. В.А. Рунов одним из доказательств сугубо оборонительных намерений СССР считает строительство укрепленных районов («линия Молотова») на новой государственной границе.

Проведенный М.И. Мельтюховым анализ опубликованных к настоящему моменту советских стратегических и оперативных планов 1940-1941 гг., напротив, показывает, что все они с самого начала были выдержаны в наступательном духе и рассчитаны не столько на отражение агрессии, сколько на начало войны по инициативе СССР. В наибольшей степени это относится к плану от 15 мая 1941 г. Начавшееся весной 1941 г. скрытное развертывание советских войск на Западном театре подтверждает, что этот план был утвержден Сталиным и введен в действие. В то же время анализ ряда материалов, преимущественно пропагандистского характера, иллюстрирующих общее настроение советских руководителей накануне войны, показывает, что в Кремле не испытывали страха перед военной мощью Германии и были вполне уверены в боевых возможностях Красной армии.

Следует также учитывать, что, как показывает в своей диссертации В.А. Арцыбашев, советские стратегические планы вплоть до марта 1941 г. включительно строились на основе концепции «вползания в войну» и на начальный период войны предусматривали оборонительные действия войск прикрытия с опорой на укрепленные районы. Только майский стратегический план 1941 г. предполагал вторжение на территорию противника главных сил Красной армии, скрытно отобилизованных и развернутых на границе еще в мирное время. Таким образом, само по себе строительство «линии Молотова» еще не означает, что в Москве не планировали нападения на нацистский Рейх.

В связи с вопросом о целях советских военных приготовлений первой половины 1941 г. продолжает обсуждаться и проблема применения термина «превентивная война». Дискуссия по данному вопросу осложняется неопределенностью самого этого понятия, а также тем, что тезис о превентивной войне против СССР в свое время активно использовался гитлеровской пропагандой; как следствие, многие авторы по сей день обвиняют В.А. Суворова в попытках оправдать нацистскую агрессию против нашей страны, тогда как на самом деле автор «Ледокола» скорее обвиняет сталинское руководство в том, что оно своей экспансионистской политикой спровоцировало нападение немцев и таким образом несет свою долю ответственности за трагедию 1941 – 1945 гг. Кроме того, с появлением в открытой печати советских стратегических планов, особенно майского плана 1941 г., возник вопрос о применимости термина «превентивная война» к действиям самого СССР.

Одно из возможных решений описанной проблемы предлагает М.И. Мельтюхов: нацистская агрессия против Советского Союза не может считаться превентивной войной, а советские военные приготовления в первой половине 1941 г. – подготовкой к упреждающему удару с целью сорвать германское вторжение, поскольку в Берлине не ожидали нападения со стороны СССР в 1941 г., равно как и в Москве не опасались нападения немцев в ближайшие месяцы.

Боевые действия летом – осенью 1941 г.

Приграничным сражениям в июне – июле 1941 г. посвящен второй том монографии В.Н. Свищева «Начало Великой Отечественной войны». Автор последовательно и в деталях описывает бои на всех пяти фронтах. Вопреки утверждениям об успешных действиях советского флота в начале войны в книге показаны его неудачи (особенно при обороне Лиепайи) и значительные потери. Особенно подробно рассматриваются события на Западном фронте, специальный параграф посвящен обороне Брестской крепости. В первом томе своей работы Свищев выделяет несколько основных ошибок Сталина, обусловивших неудачное для Красной армии начало войны с Германией: неверный прогноз направления главного удара немцев (предполагалось, что он будет нанесен на юго-западе); уверенность в том, что войну удастся оттянуть до 1942 г.; неготовность к тому, что нападение будет внезапным, без объявления войны. Кроме того, не учитывался должным образом опыт начавшихся боевых действий в Европе в 1939-1940 гг., и напротив, как утверждает автор, повторяя слова Жукова, был «слишком канонизирован опыт первой мировой войны». «Большим просчетом и недостатком планов прикрытия границы, – продолжает он, – явилось то,

что они не обеспечивали дивизиям первого эшелона занятия назначенных им оборонительных позиций у границы при внезапном нападении врага. Враг практически беспрепятственно пересек границу и захватил почти все укрепленные районы, с таким трудом создаваемые на народные деньги. Дивизии первых эшелонов, получив приказы, после быстрых сборов, часто без артиллерии, двинулись к границе и вступали в бой разрозненно в случайных местах». Причиной катастрофы Западного фронта, по мнению Свищева, являлись: «внезапное нападение врага; плохая работа средств связи; нерациональное построение войск фронта; малая активность авиации; неэффективное боевое применение мощных бронетанковых войск; отсутствие в войсках зенитной артиллерии, вызванной на сбор в район 115 км восточнее Минска, откуда [она] не вернулась; сдача противнику исправных мостов через многочисленные реки; размещение 6-й и 42-й стрелковых дивизий в Брестской крепости; недостатки руководства войсками Д.Г. Павловым, В.И. Кузнецовым, А.А. Коробковым».

В книге В.А. Рунова «1941. Первая кровь» (М., 2009) анализируются бои на западном направлении в первые дни войны; отдельно описываются действия каждой из армий Западного фронта. Особое внимание уделяется причинам неудач РККА: по заключению автора, они «в основном являлись следствием ошибок и просчетов при подготовке страны к отражению агрессии. Политическое руководство СССР откровенно заигрывало с потенциальным агрессором, чем дезориентировало и деморализовало значительную часть руководства РККА. Наркомат обороны и Генеральный штаб, игнорируя реальное развитие военно-политической обстановки, не обеспечили готовность западных военных округов к отражению агрессии противника».

Следует отметить также труды А.В. Исаева. В монографии «От Дубно до Ростова» анализируются боевые действия Красной армии на юго-западном стратегическом направлении с июня по декабрь 1941 г. Сильной стороной работ А.В. Исаева является прежде всего скрупулезное рассмотрение фактического материала: в двух книгах подробнейшим образом проанализирован целый ряд важнейших операций 1941 г. на Восточном фронте. Автор активно привлекает немецкие источники, что является важным шагом на пути к преодолению известной однобокости, свойственной нашей военно-исторической литературе. В книге «От Дубно до Ростова» на примере Юго-Западного и Южного фронтов весьма наглядно показана механика приграничных сражений Красной армии, в том числе и причины их неудачного для СССР исхода, несмотря на подавляющее превосходство РККА над Вермахтом по числу самолетов и особенно танков. Говоря о причинах разгрома советских механизированных корпусов, автор прежде всего выделяет их неэффективную организацию и непродуманное применение, сделавшие огромные бронированные армады легкой целью для неприятельских танков и артиллерии.

Интересно, что Исаев настойчиво пытается объяснить неудачи Красной армии в 1941 г. главным образом объективными факторами – в первую очередь слишком запоздалым решением о начале стратегического развертывания и тем, что активное применение немцами крупных танковых объединений якобы полностью лишало советскую сторону какой-либо возможности заранее спрогнозировать направление главного удара противника в очередном сражении и делало окружения советских войск под Киевом, Вязьмой, Брянском и т.д. практически неизбежными.

Была ли Красная армия готова к войне?

Вопрос, была ли Красная армия в 1941 г. готова к войне с Германией, остается предметом оживленных дискуссий, особенно в связи со спорами о «проблеме превентивного удара». Ситуацию осложняет неопределенность самого понятия готовности к войне, критерии и методология оценки которой до сих пор не были предметом специального анализа. В этих условиях любые суждения по данному предмету страдают неизбежным субъективизмом. На эту проблему обращает внимание, в частности, М.И. Мельтюхов, по мнению которого «вопрос о реальной боеспособности Красной армии накануне войны еще ждет своего исследователя». Следует учитывать и то обстоятельство, что наши сегодняшние оценки боеготовности РККА в 1941 г. базируются, помимо всего прочего, на наших знаниях о ходе и результатах боевых

действий в 1941 – 1945 гг. и, следовательно, вовсе не обязательно должны совпадать с оценками, бытовавшими в Кремле и среди советских военачальников в предвоенные годы. Тем не менее в литературе до сих пор распространена точка зрения, согласно которой Сталин не мог не осознавать, что Красная армия к войне не готова, и, следовательно, не мог планировать нападение на Германию; эту точку зрения отстаивают, к примеру, Л.А. Безыменский и А.С. Орлов.

В.Н. Свищев, напротив, считает неправильными (и даже вредными) попытки некоторых исследователей представить нашу страну неготовой к войне, слабой, отсталой и плохо вооруженной. В своей книге он доказывает, что Красная армия к 1941 г. по технической оснащенности не уступала Вермахту, а во многом (в первую очередь, по количеству и качеству самолетов и танков) даже превосходила его. В то же время обороноспособность страны сильно подорвали репрессии в армии: «В результате репрессий у руководящего состава не только ослаблялись такие качества, как инициатива и творческий подход к делу, но возникали и естественные чувства неуверенности, подозрительность к своим сослуживцам, обнаруживалась боязнь проявить высокую требовательность к подчиненным». Результатом репрессий автор считает и нехватку квалифицированных командиров к июню 1941 г.

Д.Б. Лошков также оспаривает представление о неготовности СССР к войне с Германией: и в экономическом, и в техническом, и в моральном отношениях уровень подготовленности к большой войне к июню 1941 г. был довольно высоким, а пропаганда среди командного состава армии в 1939 – 1941 гг. была организована в «наступательном» духе. Причинами неудач РККА в первые месяцы войны, по его мнению, необходимо признать политические и стратегические просчеты Сталина накануне ее начала, а также принципиальный недостаток сталинской системы, в которой решение всех важнейших вопросов замыкалось на одного человека.

Общая оценка политики Сталина

Дискуссии об общей оценке политики Сталина в предвоенный период и в начале Отечественной войны развиваются в основном по двум направлениям: вокруг вопроса об интерпретации ее целей и мотивов (был ли Сталин коммунистом, прагматиком-националистом, традиционалистом и т. д.) и вокруг вопросов собственно оценочного характера (была ли внешняя и военная политика Сталина оправданной или ошибочной, преступной, аморальной или же, напротив, отвечала, по крайней мере, интересам населения СССР). Естественно, что ответы на эти вопросы зачастую определяются не только (и даже не столько) исследуемым фактическим материалом, сколько особенностями мировоззрения и ценностными установками отдельных авторов.

К числу исследователей, считающих советского «вождя» скорее прагматиком-националистом, нежели фанатиком-марксистом, принадлежит, в частности, М.И. Мельтюхову, по мнению которого определяющим мотивом в действиях Сталина являлись прежде всего геополитические соображения, тогда как коммунистическая идеология играла второстепенную роль.

А.Л. Сафразьян, напротив, настаивает, что политика как Советского Союза, так и Третьего рейха была обусловлена именно идеологическими соображениями; это не исключало прагматические решения (например, пакт Молотова – Риббентропа), но лишь как временную меру на пути к достижению конечной цели.

Некоторые авторы критикуют лишь отдельные решения Сталина. Так, А.С. Орлов соглашается, что секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа «аморальны, незаконны и недействительны». Тем не менее в целом договор о ненападении с Германией, по его мнению, являлся благом для СССР, поскольку отодвигал границы страны дальше на запад. Уравнивание сталинского режима с нацистским Орлов считает необоснованным. В.Н. Свищев в своей работе отмечает, что именно на Сталине в первую очередь лежит ответственность за репрессии в армии, сильно подорвавшие обороноспособность СССР в преддверии войны. Кроме того, к причинам неудач РККА в летне-осенней кампании 1941 г. он относит целый ряд допущенных «вождем» политических и стратегических ошибок. Тем не

менее, по мнению Свищева, «виновность Сталина в массовых репрессиях по отношению к партийным, советским и военным кадрам не умаляет его роли в создании первого в мире социалистического государства и достижении победы в Великой Отечественной войне, начавшейся так неудачно». «Эта двойственность личности Иосифа Виссарионовича, – продолжает автор, – является проявлением особенностей того сложного времени».

А.О. Чубарьян, анализируя советскую внешнюю политику в 1939- первой половине 1941 г., последовательно обосновывает аморальность действий сталинского руководства. В своей работе он доказывает, что решение Сталина заключить договор с Германией не было продиктовано опасениями быть вовлеченным в большую войну; напротив, мотивы советской стороны были вполне циничными: Гитлер, стремясь любой ценой обеспечить нейтралитет СССР в предстоящей германо-польской войне, предложил Москве заведомо более соблазнительные условия. Договор с Германией в такой ситуации просто показался Сталину наиболее выгодным и надежным.

На многочисленных примерах Чубарьян показывает, что прогерманская ориентация советской внешней политики в 1939-1940 гг. была явно избыточной; такие меры, как заключение договора о дружбе с нацистским Рейхом, свертывание антифашистской пропаганды, более того – переход к публичному оправданию нацизма как идеологии и переориентация зарубежных компартий на фактическую поддержку германской политики, не были необходимыми даже с точки зрения сохранения нейтралитета СССР в начавшейся Второй мировой войне. Напротив, налаживая все более тесные связи с Германией, Советский Союз в известной мере оказался заложником ее политики, упустив возможность своевременно «уравновесить» улучшение отношений с ней развитием связей с англо-французским блоком и США.

*Минц М.М. Начало Великой Отечественной войны в современной историографии (Реферативный обзор) // Начало Великой Отечественной войны: современная историография. Сборник обзоров и рефератов. М., 2011

Развитие отечественной историографии в 40-х - первой половине 50-х гг. XX

В.*

Даже после смерти И. Сталина партия не намерена была отказываться от «руководства» исторической наукой. Подтверждением этого можно считать постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале "Вопросы истории"», в котором подчеркивалось значение принципа партийности в исторических исследованиях, а редакция журнала во главе с А.М. Панкратовой и Э.Н. Бурджаловым обвинялась в уступках проявления буржуазной идеологии.

В сложной историографической ситуации проходила одна из наиболее интереснейших дискуссий тех лет – о периодизации феодальной и капиталистической формаций, в центре которой оказался вопрос о критериях хронологических рамок внутри общественно-экономического строя. Достаточно четко определились и точки зрения:

1) критериями периодизации внутри формации следует считать факты социально-экономического развития (К.В. Базилевич);

2) вехи хронологических этапов внутри формации определяются факторами политической надстройки общества – классовой борьбы (Н.М. Дружинин), политической истории (И.И. Смирнов);

3) периодизация феодальной и капиталистической формаций должна опираться на совокупность факторов социально-экономической и политической истории (Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто, А.В. Предтеченский).

Дискуссия вскрыла слабые и спорные моменты общей концепции отечественной истории и способствовала дискуSSIONному обсуждению частных проблем.

Работы историков по дореволюционной отечественной истории. Историки второй половины 40-х – середины 50-х гг. достигли наиболее ощутимых результатов при

рассмотрении вопросов отечественной истории дооктябрьского периода. Как и прежде, в центре их внимания находились проблемы происхождения феодального строя на Руси. Исследователи сходились во мнении о феодальной основе Киевского государства, однако вопрос о темпах и формах феодализации решался по-разному.

В 1946 г. Б.Д. Греков опубликовал свое капитальное исследование "Крестьяне на Руси", в 1949 и 1953 гг. переиздал монографию "Киевская Русь". В совокупности эти труды излагали его видение проблемы. По мнению Б.Д. Грекова, восточнославянское общество пришло к феодализму минуя рабовладельческую формацию. Феодальные отношения, утвердившиеся на Руси примерно в XI в., привели к глубоким социальным изменениям, в первую очередь внутри основного производительного класса. Б.Д. Греков углубил выдвинутые им ранее положения о двух категориях смердов – зависимых от отдельного феодала и эксплуатируемых феодальным государством.

В работах С.В. Юшкова «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949 г) и «Русская Правда» (1950 г) излагался иной подход, суть которого заключалась в признании Киевской Руси обществом не феодальным, а переходным от первобытно-общинного строя к классовому, где соседствовали три уклада: феодальный, рабовладельческий и первобытно-общинный. В целом общественно-политический строй Киевской Руси расценивался как феодальное, или «варварское» государство.

Новые аспекты генезиса феодализма были исследованы М.Н. Тихомировым в монографии «Древнерусские города» (1946 г), в которой была показана органическая связь между феодальными отношениями и ростом городов.

Иной аспект поднятой темы разработал Б.А. Рыбаков, 1948 г. выпустивший книгу «Ремесло Древней Руси». Им были раскрыты такие вопросы, как технический уровень ремесла, экономическая структура ремесленного производства, район: его распространения и т.п. Он предполагал, что процесс генезиса феодализма уходит в глубь веков, в более ранние времена; чем это было принято считать. Археологические исследования, связанные в какой-то мере с гипотезой Б.А. Рыбакова, позволили во время дискуссии о периодизации украинским ученым В.И. Довженко и М.Ю. Брайчевскому предложить передвинуть дату утверждения феодализма на Руси с XI на IX в. По их мнению, дофеодальным обществом была не Киевская Русь, а антский союз племен VI в. Их поддержал Б.Д. Греков, заявив, что государство с центром в Киеве не могло возникнуть без соответствующего базиса.

Существенные успехи были достигнуты при исследовании культуры Киевской Руси. Сложилось два подхода к этому историческому явлению. Первый связан с анализом литературных памятников, определением культурно-исторического значения памятников древнерусской литературы (Д.С. Лихачев). Второй базировался на археологическом материале. Стоит отметить, что в эти годы были произведены выдающиеся археологические исследования. В 1951 г. в Новгороде экспедицией под руководством А.В. Арциховского была обнаружена первая в истории науки берестяная грамота. Смоленской экспедицией под руководством Д.А. Авдусина был найден сосуд с древнейшей русской надписью (X в). Находки археологов перевернули представления о грамотности и письменности в Древней Руси.

Своеобразным продолжением военно-патриотической тематики, сложившейся в годы войны, явились работы Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского о Золотой Орде (1950 г) и В.Т. Пашуто об Александре Невском и о борьбе русского народа за независимость в XIII в. (1951 г). Различные аспекты внешнеполитического положения Руси были отражены в работах В.В. Мавродина.

Важнейшей проблемой, исследуемой во второй половине 40-х – середине 50-х гг., был процесс образования и развития Русского централизованного государства. В 1946 г. журнал «Вопросы истории» начал дискуссию по данной проблеме. Первым выступил П.П. Смирнов, который попытался отыскать социально-экономические предпосылки образования централизованного государства в уровне развития производительных сил

XIV – XV вв. Он утверждал, что в начале XIV в. московские князья для выплаты ордынской дани стали проводить политику расширения и улучшения сельскохозяйственного производства, что привело к «аграрному перевороту». Подобные изменения в базисе, по мнению П.П. Смирнова, привели автоматически к трансформации надстройки. С резкой критикой подобных утверждений выступили В.В. Мавродин, С.В. Юшков, К.В. Базилевич, показавшие ложность тезиса об «аграрном перевороте» в XIV в.

Дискуссия 1946 г. способствовала углубленному рассмотрению ряда общих социально-экономических проблем, в ходе которого утвердилось мнение о зарождении товарно-денежных отношений в конце XV в. и их развитии в XVII в. до степени образования всероссийского рынка (Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин). Через его призму рассматривалась и история русского города, который по мнению исследователей, с конца XV в. начал освобождаться от феодального ярма и превращаться в ремесленно-торговый центр (П.П. Смирнов, С.В. Бахрушин).

В конце 40-х – начале 50-х гг. стала складываться иная точка зрения на социально-экономическое развитие русских земель эпохи феодализма. Ее оформление связано с выходом в свет работ Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова. Им удалось показать, что товарное обращение возникло раньше конца XV в. и существовало уже в Киевской Руси. Кроме того, они доказали, что понятие рынка связано с товарным производством, а не с товарным обращением. Поэтому XVII в. следует рассматривать не как завершение, а как начало формирования всероссийского рынка.

В складывании нового понимания истории России периода феодализма особую роль сыграл Л.В. Черепнин, издавший фундаментальную двухтомную монографию "Русские феодальные архивы XIV - XV вв." (1948 – 1951 гг.). Им была дана обобщающая картина социально-экономического развития русских земель в процессе объединения. В качестве социально-экономических предпосылок объединительной политики он предложил рассматривать рост крепостнических отношений в XIV – XV и зарождение поместной системы. Политика же отражала, в трактовке Л.В. Черепнина, стремление феодалов к созданию сильной государственной власти, способной удержать в повиновении непосредственных производителей. Сам процесс образования централизованного государства был ускорен потребностями обороны от внешних врагов.

Мысль Л.В. Черепнина о неразрывной связи объединительного процесса с внешней политикой была обоснована и развита в работах К.В. Базилевича об отношениях Российского государства с соседями во второй половине XV в. (1952 г) А.А. Новосельцева о борьбе России с татарами в первой половине XVII в. (1948 г).

Особое место в отечественной историографии периода феодализма второй половины 40-х – середины 50-х гг. занимает литература об эпохе Ивана IV Грозного (С.В. Бахрушин, И.И. Смирнов, С.Б. Веселовский, П.А. Садиков и др.). Авторы указывали на историческую обусловленность реформ середины XVI в. и все заметнее идеализировали Ивана IV Грозного.

В конце 40-х – начале 50-х гг. продолжились давние споры по поводу генезиса капитализма в России, в ходе которых с наибольшей остротой встал вопрос о мануфактурном производстве. Точки зрения оказались различными:

1) С.Г. Струмилин утверждал, что мануфактурное производство по природе своей может быть только капиталистическим, а применение принудительного труда на русских мануфактурах XVII – XVIII вв. принципиально ничего не меняет;

2) Н.Л. Рубинштейн считал мануфактуры XVII – первой половины XVIII в. явлением крепостническим, генезис капитализма он относил к более позднему времени;

3) Е.И. Заозерская, исследуя мануфактуры петровского времени, усмотрела в них лишь ряд черт, свойственных капитализму.

В более общем виде эти проблемы были сформулированы в 1954 г. М.В. Нечкиной в докладе о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Восходящей» стадией она назвала эпоху, когда производственные отношения

соответствуют производительным силам, а «нисходящей» – когда наметилось несоответствие между ними. В качестве хронологической грани феодализма и капитализма в России она назвала XVII в. когда появились первые мануфактуры. Многие исследователи выступили с критикой подобных утверждений. Например, Н.М. Дружинин утверждал, что феодализм не исчерпал себя в XVII в. и развивался по восходящей линии до 60-х гг. XVIII в.

Вопрос о переходе к НЭПу в историографии второй половины 40-х – начала 50-х гг. трактовался в какой-то мере традиционно. Писалось о неизбежности отказа от политики "военного коммунизма", достаточно сложная ситуация 1921 г. значительно упрощалась. Примером может служить опубликовании 1952 г. обзорный курс лекций А.А. Матюгина и Д.А. Чугаева.

Перелом в подходах к НЭПу произошел в середине 50-х: когда вышли монография Э.Б. Генкиной о переходе к НЭПу (1954 г) и коллективный труд «СССР в период восстановления народного хозяйства» под редакцией А.П. Кучкина, Ю.А. Полякова, С.И. Якубовской (1955 г). В них впервые была принята попытка комплексного исследования всего этапа 1921 – 1925 гг.

Большие сдвиги произошли в изучении истории образов СССР. В 1947 г. были изданы взаимодополняющие друг друга книги С.И. Якубовской об объединительном движении за образование СССР в 1917 – 1922 гг. и Э.Б. Генкиной о самом процессе союзного строительства. В середине 50-х гг. с историко-правовых позиций данную проблему попытались осветить Д.Л. Златопольский (1954 г), О.И. Чистяков (1955 г). Причем в работах юристов наметилась более свободная трактовка ряда моментов процесса образования СССР, что обусловлено, конечно, изменением историографической ситуации. Например, О.И. Чистяков отмечал условность принятой терминологии, в частности, терминов «военный союз», «военно-хозяйственный союз». В то же время проблему периодизации отношений между республиками до образования СССР авторы решали в духе резолюции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу.

В послевоенные годы на передний план в исследованиях стала выдвигаться проблема индустриализации страны. В основу ее разработки легла высказанная в 1946 г. И.В. Сталиным мысль о коренных отличиях советского метода индустриализации от капиталистического. «Вождь народов» назвал одно из таких отличий: в капиталистических странах индустриализация обычно начиналась с легкой промышленности. Партия отвергла «обычный» путь и начала с развертывания тяжелой индустрии. Данный тезис фактически иллюстрировался в работах второй половины 40-х – начала 50-х гг. (А. Леонтьев, Э.Ю. Локшин, К.А. Петросян, И.М. Бровер).

Положительным моментом стоит назвать изучение индустриализации в отдельных регионах: С.Н. Малинин – Белоруссия; С. Зиядуллаев, И. Монохин – Узбекистан; С.Б. Баишев, Н. Кийкбаев. Г.Н. Чуланов, Г.Ф. Дахшлейгер – Казахстан. Однако при этом исследователи не видели различия между понятиями «индустриализация СССР» и «индустриализация республики».

Исследование истории коллективизации сельского хозяйства было основано на положениях «Краткого курса» истории ВКП (б) и работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Поэтому тематика работ сводилась в основном к характеристике «года великого перелома» (П.Н. Черноморский, П.Н. Шарова, С.П. Трапезников, Г.М. Овсянников). Особое место в историографии того периода занимала монография М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» (1954 г), явившаяся наиболее полным описанием аграрной истории первых двадцати лет советской власти.

Серьезные шаги были предприняты по изучению истории Великой Отечественной войны, в ходе которого была выработана периодизация военных действий: с 22 июня 1941 г. до начала разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом (18 ноября 1942 г) – период активной обороны; с 19 ноября 1942 г. до конца 1943 г. – период коренного перелома в ходе войны; 1944 г. – период решающих побед, "десяти сталинских ударов"; с

января по сентябрь 1945 г. – завершающий период Великой Отечественной войны. Она была основана на высказываниях и оценках И.В. Сталина. В мае 1955 г. в «Очерках истории Великой Отечественной войны» было внесено уточнение наименования начального этапа войны – он был назван периодом срыва плана "молниеносной" войны фашистской Германии, подготовки условий для коренного перелома в ходе войны.

В первое послевоенное десятилетие в литературе преобладали работы военно-исторического характера, анализировавшие отдельные операции войны (В.С. Тельпуховский, В.А. Захаров, В.В. Возненко, Г.М. Уткин, М.М. Минасян, Н.Д. Степанов, М.И. Гольшев). В 1948 г. вышла книга заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», содержащая глубокий анализ функционирования экономики страны в годы войны. Однако в связи с репрессированием автора ее историографическое значение было заметно снижено. Н.А. Вознесенский был обвинен в попытке подогнать цифры под уже имевшееся мнение.

В конце 40-х – середине 50-х гг. были предприняты первые шаги по изучению послевоенной советской истории. Основное внимание было уделено социально-экономическому развитию страны (А. Викентьев, Ф. Кошелев). Большое число работ было посвящено сельскохозяйственному производству (Ю.В. Арутюнян, М.А. Вылцан, М.А. Краев, Н.И. Анисимов), что объяснимо воздействием сентябрьского (1953 г) Пленума ЦК КПСС, указавшего на причины отставания сельского хозяйства.

*Развитие отечественной историографии в 40-х – первой половине 50-х гг. XX в. // <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=448830>

Исаченко С.В. Неофициальная культура в СССР: региональное измерение (историографический обзор)*

Неофициальная (альтернативная, параллельная, «другая», неподцензурная и т.д.) культура применительно к позднесоветскому социуму в широком смысле слова может быть определена как совокупность процессов и проявлений, формировавших андеграундно-диссидентскую зону. Неофициальная культура является важным компонентом позднесоветской культуры. Её изучение позволяет рассмотреть культурный процесс в СССР во всей целостности и многообразии.

Изначально неофициальная культура в СССР была предметом изучения западных исследователей и советских диссидентов, в т.ч. эмигрировавших из страны. Среди последних – активные участники культурной и политической жизни 1960-х – 1970-х годов И. Голомшток и А. Глезер, З. Зинник и Б. Гройс, Ю. Мальцев, Слава Лен (Епишин), Ж. Медведев и др. Их труды печатались в тамиздате и самиздате, часть была переведена на европейские языки.

После советской «перестройки» начался новый этап в исследовании темы. Долгое время исследователи альтернативной культуры ограничивались территориальными рамками Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда), т.е. главных центров альтернативных движений и объединений. Региональная альтернативная культура воспринималась как коллатеральный элемент, не заслуживающий внимания и должной оценки. Сегодня можно констатировать растущий интерес исследователей к альтернативной культуре регионов. География исследования регионального измерения охватывает Поволжье, Урал, Восточную Сибирь, Дальний Восток, Центральный и южные регионы России. Характеризуя расширяющуюся проблематику альтернатив в культурном пространстве периферий, авторы активно используют понятия и термины «неофициальная культура», «диссидентство», «самиздат», «неофициальное искусство», «андеграунд», «бардовское движение» и фиксируют своеобразие процесса становления альтернативного пространства провинции в целом.

Предметом специального изучения стали сферы и виды региональной протестной активности. Проявления инакомыслия в среде учёных, преподавателей вузов на Урале (Свердловской, Челябинской, Пермской областях) в середине 1940-х – 1980-х годах рассмотрены А. Прищепой. Оппозиционная активность учёных новосибирского Академгородка подвергнута анализу Е. Водичевым и Н. Куперштох .

Большой интерес представляют труды, созданные на региональном материале по истории иркутского (В. Скращук), сибирского и дальневосточного (М. Богданова самиздата).

Активно разрабатывается история провинциального художественного андеграунда – уральского, ивановского. Процесс формирования поэтического андеграунда в Перми освещает А. Сидякина. Авторы обосновывают близость процессов становления неофициальной культуры в столицах и провинции, исследуют жанровый репертуар новаций, функционирование региональных неофициальных творческих сообществ, модели творческого поведения отдельных представителей регионального художественного андеграунда в рамках сосуществования и взаимодействия официальной и неофициальной культурных систем. В оборот вводятся новые источники.

Представляет интерес диссертация А. Федулова «Неофициальная культура в СССР во второй половине 60-х – 80-х годах XX века» (Элиста, 2010), в последней главе которой раскрывается специфика развития неофициальной культуры в Калмыцкой АССР.

Отдельные аспекты истории альтернативной культуры Краснодарского края нашли отражение в научных трудах и публицистике. Проблеме создания и циркуляции самиздатовских текстов посвящены работы А.Н. Еремеевой. Ею, в частности, воссоздано содержание студенческого машинописного журнала «Шестиголосие». Бытование общественно-политического, религиозного и художественного самиздата частично реконструировано автором данной статьи. Кубанский период биографии основателя и редактора неподцензурного журнала «Континент» (Париж, 1974-1992) В. Максимова нашёл отражение в статье Н. Ламосовой .

В ряде работ рассматривается деятельность известного российского мыслителя М. Петрова (1923 – 1987) во время его работы в Ейском высшем военном училище лётчиков, в частности, написание им повести «Экзамен не состоялся» (1959 г).

Развитие во второй половине 1950-х годов студенческого самиздата и студенческих творческих кружках в Краснодарском пединституте отражено в работе Е. Ряполовой. Атмосфера поэтического бума начала 1960-х годов в студенческой среде Краснодарского пединститута воссоздана в статье В. Огрызко. Автор отмечает важные факты деятельности молодёжного литературного кружка на историко-филологическом факультете.

В середине 1970-х годов в Ейске издавался неподцензурный литературно-художественный журнал «Транспонанс». Генезис творчества его основателей – С. Сигея и Р. Никоновой от зауми к визуопоэзии и поэзии пустоты описан в работе Е. Ревинной.

Силами активистов бардовского движения Краснодарского края формируется источниковая база для будущих исследований. Сделаны первые шаги по воссозданию истории бардовского движения: изучены его зарождение, основные тенденции развития.

Творческому наследию самого яркого представителя неофициального изобразительного искусства на Кубани Е. Цея посвящены труды М. Меретуковой, Л. Бондаренко, С. Исаченко. Авторами отмечен особый ритм творческого развития Е. Цея: от абстракции к реализму, затем к сюрреалистическим композициям, от них к романтической живописи, от плаката к примитиву. Рассмотрено роль и место Е. Цея в развитии новых направлений и новых тенденций в художественной жизни Краснодара.

Общий культурный контекст изобразительного искусства Кубани позднесоветского периода изучает Т. Соколинская. Это касается как реалистов и соцреалистов, так и представителей местного андеграунда.

В целом изучение истории неофициальной культуры в советских регионах, в т.ч. Краснодарском крае, нуждается в дальнейшем изучении. Это будет объективно работать на формирование представления о советской культуре как территории «разномыслия», сложнейшем культурном комплексе, на коррекцию упрощенного мнения об СССР как исключительно монологичном варианте цивилизации.

*Исаченко С.В. Неофициальная культура в СССР: региональное измерение (историографический обзор) // http://www.online-science.ru/m/products/istori_science/gid904/pg0/

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИОГРАФИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В третьем разделе собраны статьи по наиболее актуальным и перспективным темам современной российской историографии. Прежде всего, это проблемы модернизации, ее причин, периодизации для истории России. Не менее интересно студентам будет познакомиться со статьей З.Г. Сактагановой и К.К. Абдрахмановой «История повседневности» в современной российской историографии.

Новыми и значимыми для истории страны темами стали история российского православного зарубежья, о чем пишет в своей статье А.В. Попов, история казачьего зарубежья, которое рассматривается в статье О.В. Ратушняка.

В последние десятилетия часто говорят о «кризисе историографии». Студентам необходимо познакомиться и проанализировать разные точки зрения на эту проблему и прогнозы на будущее, представленные в статье Н.В. Иллерицкой.

Бронников А.А. Теория модернизации в постсоветской историографии Сибири*

Предпосылки становления теории модернизации были заложены в XIX в. в рамках эволюционизма, функционализма и учения М. Вебера. Теория социальной эволюции, представленная трудами Э. Дюркгейма и Г. Спенсера, обогатила модернизационную парадигму идеей однонаправленности социальных изменений, означающей, что человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии от примитивного к развитому государству. Большое значение для формирования модернизационной концепции имела идея М. Вебера о рационализации, являющейся основным понятием анализа европейского капитализма и превращающей каждое человеческое действие в предмет расчета и измерения. Влияние функционализма на модернизационную теорию заключается в использовании категорий типовых переменных, разработанных Т. Парсонсом для обозначения традиционных и современных обществ. Типовые переменные – это ключевые социальные отношения, изменение которых является основным показателем начала модернизации.

В мировом гуманитарном знании XX в. классические положения модернизационной теории активно разрабатывались западными обществоведами в 1950-1960-х гг. для объяснения перемен, происходивших в странах Запада и Востока. Данные исследования основывались на том, что модернизационное изменение – линейный процесс, включающий преобразование традиционных аграрных обществ в современные индустриальные путем развития процессов структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, секуляризации, национальной идентификации, грамотности и образования. В экономической сфере это означает трансформацию способа производства, в социальной – специализацию людей и

общественных институтов по видам деятельности, зависящую от квалификации и уровня образования. Культурная модернизация предполагает секуляризацию образования, распространение грамотности, религиозную терпимость и дифференциацию ценностных систем. При этом создается определенный тип культуры, называемый «модернити», который отличает приверженность европейскому сциентизму, демократическим идеалам, стремление к техническому прогрессу.

Модернизация – протяженный во времени процесс, следовательно, общество проходит ряд стадий, каждая из которых отражает определенный уровень экономического развития. Большинство авторов придерживаются стадийного деления, предложенного У. Ростоу. Согласно разработкам этого исследователя выделяется пять стадий общественно-экономического развития: стадия традиционного общества с низкопродуктивными технологиями; стадия переходного общества, в котором создаются предпосылки для экономического подъема; стадия взлета, когда начинается индустриализация; стадия зрелости национальной многоотраслевой экономики с доминантой машиностроения; стадия общества массового потребления, в котором преобладает сфера услуг и рынок высококвалифицированной рабочей силы. В своих предельных основаниях теория модернизации довольно близка марксизму: обе концепции являются линейными моделями общественных изменений, однако формационный подход и теория модернизации расходятся в трактовке механизмов общественных перемен, т.к. первый относится к конфликтным познавательным моделям, а концепция модернизации – к эволюционным. Важной познавательной проблемой является оценка критериев модернизации, поскольку данная теория рассматривает западноевропейскую общественную систему как идеальный ориентир для тех народов, которые, по мысли западных обществоведов, далеко отстали на пути модернизации. Следовательно, происходит ранжирование различных обществ, возникает стратегия догоняющего развития. В связи с этим при использовании теории модернизации необходимо учитывать национальные особенности, т.к., по мнению российского обществоведа В.А. Красильщикова, без их учета незападные народы отчуждаются от хода исторического процесса, становятся маргиналами истории.

В российской исторической науке концепция модернизации стала активно осваиваться с начала 90-х гг. XX в. Важным показателем усиления интереса отечественных ученых к модернизационной парадигме можно считать издание в 1993 г. на страницах журнала «Вопросы философии» материалов круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы». Данная публикация содержала большое количество различных точек зрения на особенности модернизации России, при этом пристальное внимание уделялось особенностям данного процесса, в частности его периодизации и движущим силам. В период с начала 1990-х гг. и до наших дней отечественными историками было выработано несколько авторских концепций изучения российской истории с помощью модернизационной теории. Одной из первых подобных трактовок была версия, предложенная А.С. Ахиезером, который исходил из общего положения о том, что Россия является «расколотой цивилизацией». Социокультурный раскол, по мнению автора, представляет собой противоречие между пониманием целей модернизации различными социальными группами. Правящий слой видел в ней средство для умножения ресурсов, а большинство населения – условие, навязанное властью сверху и противоречащее традиционному укладу жизни, следовательно, в России имела место псевдомодернизация, имитировавшая реальную с помощью неадекватных средств и целей.

Весьма ценной в методологическом плане является модель догоняющей модернизации, представленная в концепции С.Я. Матвеевой. Взяв за основу анализ механизма заимствования инокультурного опыта, она получила интересные выводы о том, что западные идеи, попадая в российскую культурную среду, играют в ней противоположную своему содержанию роль при видимом сохранении идентичности.

Важным является тезис автора о длительном сохранении в условиях модернизирующегося города России значительных массивов архаичной крестьянской культуры, обусловивших критическую глубину социокультурного раскола.

Дальнейшее освоение модернизационной теории пришлось на начало XXI в. и характеризовалось более высоким уровнем ее теоретической разработки. Так, например, Л.И. Семенникова характеризует российскую модернизацию как процесс, состоящий из ряда стадий: петровской, имперской XIX в., столыпинской, сталинской и современной. Россия на протяжении более двухсот лет осуществляла модернизации с сохранением восточных ориентиров, поэтому определить идеологическую базу дореволюционных модернизаций представляет сложность. Советская модернизация в оценках Семенниковой является наиболее последовательной и всесторонней.

Также широко известен фундаментальный труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVII – XX вв.)». Авторская трактовка основных институтов российской модернизации основана на целостном анализе урбанизации, рационализации, индивидуализации с акцентом на генезисе личности, демократической семьи и гражданского общества. По мнению Б.Н. Миронова, для российской модернизации характерны особые факторы: раскол культурного пространства на народную и элитарную культуры, слабая секуляризация общественного сознания и противоречия между традиционными структурами российского общества и реформаторской деятельностью правительства. В результате модернизационные изменения имели только внешний характер и привели российское общество к социальной и культурной асимметрии, выражавшейся в асинхронности развития его отдельных институтов.

Особый интерес представляет работа В.В. Керова «Се человек и дело его... Конфессионально – этические факторы старообрядческого предпринимательства в России». Автор исходит из положения о том, что в начальный период российской модернизации формируется новый тип личности – старообрядец, для которого характерны рациональное мышление, трудолюбие, следовательно, религия становится ведущим механизмом реформ и формирует рационалистический характер мышления.

Неоднозначность процесса советской модернизации представлена в работе Т.Ю. Красовицкой «Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов». По мнению автора, полиэтничное российское государство тормозило модернизационный процесс, т.к., распространяя единые базовые знания и язык, постоянно обращалось к насильственным методам. Принудительная нивелировка национальных особенностей, с одной стороны, ускоряла ход модернизационных преобразований в советский период, но с другой – негативно сказывалась на сохранении уникальных национальных культур.

Результаты анализа исследований российских обществоведов в области концепции модернизации позволяют отметить, что ученые акцентируют внимание на догоняющем характере эндогенной российской модернизации с учетом религиозных, национальных особенностей и важной роли государства в этом процессе. Освоение данного положения способствует созданию наиболее полной и методологически ценной версии концепции модернизации для изучения истории России.

Для сибирской исторической науки, испытывающей на себе те же следствия переходного периода, что и вся отечественная историография, были характерны подобные ей периоды в освоении концепции модернизации. Активизация интереса сибирских обществоведов к концепции модернизации стала очевидной со второй половины 1990-х гг., и, хотя методологическую базу историографии Сибири этого периода отличала эклектичность, исследование процесса адаптации изучаемой концепции представляется важным и интересным. Появился ряд работ сибирских историков, в которых концепция модернизации признавалась весомой познавательной стратегией. Новосибирская исследовательница Н.П. Матханова в своей работе «Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века» анализирует деятельность государственных органов в

процессе модернизационных преобразований. Важным положением данного исследования является признание ведущей роли государства в процессе модернизации Сибири. Новосибирский историк В.И. Исаев, исследуя историю молодежи Сибири в период модернизационных преобразований 1920 – 1930-х гг., основывается на тезисе об активном вмешательстве государства в процесс формирования личности, готовой воспринимать модернизационные новшества. Противоречие между традиционными ценностями и советской модернизацией автор считает ведущим при изучении данного периода.

В указанный период в сибирской исторической науке появлялись не только исследования частных сюжетов, основанные на концепции модернизации, но и обобщающие работы, целью которых является представление всего исторического процесса в Сибири с позиций модернизационных преобразований. Данные работы отличает высокий уровень теоретизации и среди них следует отметить исследования томского историка В.П. Зиновьева. Автор вводит концепцию модернизации в общую теорию постиндустриализма, согласно которой модернизационный процесс – это только переход от аграрной стадии развития к индустриальной, который обусловлен исключительно экономическими причинами. Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и Россия, имея при этом свои особенности, в частности отставание по времени от аналогичных российских процессов, связанное с зависимостью модернизации Сибири от капитала центра страны, сырьевой направленности сибирской индустрии. Ценность данной разработки очевидна, т.к. для анализа взят классический вариант концепции модернизации, проведена его адаптация для изучения истории Сибири. Однако следует отметить, что исследование В.П. Зиновьева с позиций классической концепции модернизации может быть признано односторонним, т.к. при наличии подробного анализа экономической составляющей в нем не проанализирован аспект влияния культурных, традиционных ценностей на модернизационный процесс.

Важными источниками для изучения процесса адаптации модернизационной концепции в историографии Сибири являются работы, вышедшие в свет в конце 1990-х гг. и на современном этапе. Общетеоретическое, основанное на полидисциплинарном и кросскультурном анализе, понимание модернизационных процессов предлагают ученые томской историографической школы, в частности И.Ю. Николаева. Модернизация в данном контексте определяется как изменение психосоциальных комплексов индивида в отношении власти и общества, которое является главным двигателем эволюционных преобразований.

Знаменательным событием данного периода стало проведение в Институте истории СО РАН Всероссийской конференции «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX веков». Впервые столь масштабный научный форум был посвящен проблемам изучения истории Сибири в рамках концепции модернизации. Среди наиболее значимых работ следует отметить исследования барнаульского историка Ю.М. Гончарова, посвященные истории сибирской городской семьи. Методологической базой данных исследований является классическая трактовка модернизма с ценностями современной личности, признанием гражданского общества, рыночной экономики и малой демократической семьи. Автор вводит ряд теоретических положений российских историков Б.Н. Миронова и А.Г. Вишневого. В частности, Ю.М. Гончаров использует идею А.Г. Вишневого о демографически семейной модернизации, в которой модернизация семьи влечет за собой общую демографическую эволюцию общества. Проанализировав большой объем источников в русле выбранной методологической стратегии, автор делает вывод о том, что модернизационные преобразования были более сильны в городах Сибири. Миграция в города вела к росту рождаемости, однако традиционная модель поведения не позволяла обществу полноценно осваивать новую демографическую ситуацию, следовательно, модернизационные процессы оставались незавершенными, а конфликт между традиционализмом и новаторством углублялся. Ю.М. Гончаров делает вывод, что традиционные ценности являлись причиной отставания

модернизации Сибири и России в целом. Другим интересным источником являются работы Т.К. Щегловой, посвященные истории ярмарок юга Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ценностью этих исследований является акцент на сугубо частном аспекте концепции модернизации – развитии форм товарообмена и организации структуры рынка. Данная методологическая проблема является нерешенной, в отечественной историографии существует два подхода к ее решению. Первый основан на том, что модернизация постепенно изменяет формы торговли вертикально – от архаичных развозно-разносных к развитым стационарным и от меновых к биржевым. Второй подразумевает, что модернизационный процесс включает в себя сразу все многообразие форм торговли. Автор ставит новаторскую задачу выявления связи между уровнем развития форм торговли и темпами модернизационных процессов в Сибири.

Исследование новосибирского историка А.А. Николаева, изучающего роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного перехода, также отличает положение об отставании модернизации в системе кооперации, вызванное господством традиций. Таким образом, данные историографические источники основаны на положении о догоняющем характере модернизации и тормозящей роли традиций. Однако в историографии Сибири существует ряд исследований, основанных на идеях о ведущей роли традиций в процессе модернизации, признании и учете национальных, религиозных и культурных особенностей. Среди сибирских обществоведов наиболее подробно данные идеи разработаны новосибирской исследовательницей Л.Б. Ус. Изучая влияние модернизационных процессов на формирование менталитета сибирского горожанина, она пришла к интересным выводам о том, что идеи коллективизма, соборности и общинности обеспечили сибирским купцам успешность, а модернизирующейся экономике Сибири – ускорение развития. Кроме того, важной особенностью исследования Л.Б. Ус является дальнейшее развитие методологических идей В.В. Керова. Интересной представляется работа томской исследовательницы Л.И. Шерстовой, изучающей аборигенное население Южной Сибири в контексте российской модернизации.

Основываясь на идее о противоречии между традиционным укладом аборигенов и модернизационным процессом, автор делает вывод о нивелировке национальных особенностей, которая имела как положительное, так и отрицательное значение. Переход кочевников к земледелию, принятие православия, выравнивание правового статуса крестьян и инородцев, с одной стороны, ускоряли модернизационный процесс, а с другой – способствовали стиранию национальной уникальности, что вело к попыткам аборигенов ее сохранить. Сходную точку зрения отстаивает тюменская исследовательница И.В. Удалова. Исследуя православные ценности как фактор адаптационных межэтнических отношений, она отмечает, что если ранее неадаптированность к западным ценностям считалась отсталым и ущербным явлением, то в последнее время оценки этого явления стали положительными, что связано с изменением самой модернизационной теории.

Таким образом, следует отметить, что исследования Л.Б. Шерстовой и И.В. Удаловой методологически соответствуют разработкам Б.Н. Миронова, Т.Ю. Красовицкой и продолжают развитие идей признания традиционных национальных и культурных особенностей в качестве продуктивных. Таким образом, концепция модернизации в историографии Сибири стала активно адаптироваться со второй половины 1990-х гг. При этом доминирует модернизационное учение в исследованиях частных сюжетов, а работ, целиком посвященных его теоретической разработке для комплексного изучения истории Сибири, значительно меньше. Сибирские историки предлагают разные, порой взаимоисключающие оценки концепции модернизации, которые в целом вписываются в общую исследовательскую ситуацию, сложившуюся в отношении данной теории в отечественной исторической науке.

*Бронников А.А. Теория модернизации в постсоветской историографии Сибири // <http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-modernizatsii-v-postsovetskoj-istoriografii-sibiri>

Иллерицкая Н.В. Современная историография: прогнозы на будущее*

В XX в. «история» в разных ее значениях была объектом внимания не только со стороны самих историков, но и представителей общественных наук. При таком разночтении возникает мысль, что история не просто наука, а нечто более сложное. Так, русский философ Г.Г. Шпет утверждал, что историческая наука является образцом для всех эмпирических наук и слово как знак обесмысливается вне определенного контекста, поскольку всякое сообщение предполагает реальную коммуникацию и предметность окружающего мира. Но лучше всех об этом писал М. Фуко. Говоря об истории, он подчеркивал: «...место ее не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними; можно думать, что она вступает с ними в необычные, неопределенные, неизбежные отношения, более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве... История образует «среду» гуманитарных наук... Каждой науке о человеке она дает опору, где та устанавливается, закрепляется и держится; она определяет временные и пространственные рамки того места в культуре, где можно оценить значение этих наук; однако вместе с тем она очерчивает их точные пределы».

В умственной атмосфере XX в., отмеченной глобальными социальными катаклизмами, новационными способами научного познания, произошло переосмысление образов, идей, концепций, исследовательских гипотез, составлявших багаж исторической культуры XIX – XX вв., и были сделаны открытия, ниспровергшие традиционные основы историописания. Однако отношения между историографией и философией истории были сложными: одно развивалось без другого. Историография не слишком интересовалась тем, что происходит в философии истории, а последняя была сфокусирована на историографии XVIII – XIX вв., считая этот период пиком историографических достижений. Я не философ истории, я – историограф, который старается работать в структуре интеллектуальной истории, поэтому для меня очевидно, что в XX в. исследовательские поля современной историографии чрезвычайно расширились, благодаря чему сейчас, в начале XXI в. реальные очертания принимает такое направление, как теория историографии, т.е. труды о методах и теоретических основаниях в исторических исследованиях, а также работы, исследующие саму теорию истории и ориентированные на практикующих историков.

Главным достижением XX в. явилось понимание разрыва между тем, «как история делается», как она описывается историческими памятниками и документами, и тем, как она конструируется историками.

В XX в. еще сохранялся традиционный смысл «истории-реальности» как бытия человечества во времени. Историк издавна манипулировал понятием «исторической правды», достижение которой являлось смыслом занятий историей. Следует подчеркнуть, что историческая правда подразумевала «истинную картину» прошлого. Понятие «истинной картины» при этом трактуется очень широко. По сути, речь идет об «исторической правде» в сциентистских исторических исследованиях, таких как структурная история и различные направления «новой истории»: «новая социальная история», «новая политическая история». Но в последние десятилетия прошлого столетия «история-реальность» стала наполняться новым содержанием. В основании работ представителей «новой интеллектуальной истории» лежала идея ревизии содержания исторической реальности как предмета изучения, т.е. утверждалось, что исторические тексты только создают «образ реальности» или «эффект реальности». С середины 1980-х годов поиск новых объяснительных моделей в истории расширил круг интерпретаций. Это время стало пиком интенсивности теоретических и практических усилий историков, стремящихся реализовать «директивы интегрального объяснения». Утверждалось, что все исторические интерпретации являются условными, относительными и сконструированными. Самым же существенным для будущего оказалось смещение исследовательского интереса от социальных групп к составляющим их индивидам:

сформировались «история женщин», «история меньшинств» и т.п. Они выросли из политической практики и в них реализовалась философия постструктурализма.

Другое направление связано со стремлением «погрузиться» в прошлое, восстановить его «дух». Такой способ конструирования прошлого получил развитие в середине XX в. в истории ментальностей, истории частной жизни и истории повседневности. Основная задача историка в этом подходе – дать почувствовать читателю прошлое как другую социальную реальность.

Во второй половине XX в. резко возрос престиж исторических трудов, апеллирующих к той или иной теории. Повышенная популярность теоретического знания и тяга историков к современным концепциям объясняется целым рядом обстоятельств. Присутствие теории в историческом труде проявляется не только в выборе объекта анализа, но и в признании гипотетического статуса исходных посылок. Конечный результат работы историка содержит в явном и неявном виде значительное число теоретических концепций, на которые он имплицитно опирается. В этой ситуации, стараясь обнаружить что-либо новое, современные историки становятся приверженцами теории. Не прошлое, а теория является тем зеркалом, в котором историки узнают себя. И на протяжении последних тридцати лет XX века теория оставалась наиболее эффективным средством закрепления субъекта.

Однако, начиная с середины двадцатого столетия историки практически не производят собственно «исторических» теорий. Из теоретических трудов, появившихся уже довольно давно, это: «Два тела короля» Э. Конторовича (1957), теория трех уровней социальных изменений Ф. Броделя (1958); теория детства раннего Нового времени Ф. Арьеса (1960); из относительно недавних – «долгое Средневековье» Ж. Ле Гоффа (1985). Но все эти работы – исключение из правила. А правило состоит в том, что историки, создавая крупные концептуальные труды, решали проблему методологического обновления, обращаясь к теориям разных социальных и гуманитарных наук (это получило название «стратегии присвоения»). Социальные и гуманитарные науки достаточно развились, чтобы у них можно было с большей пристрастностью выбирать теории, обещающие новые перспективы в изучении прошлого. А главное, у историков постоянно воспроизводилась необходимая для создания нового научного знания ситуация интеллектуальной неудовлетворенности, разочарования в старых подходах, чувство исчерпанности своих познавательных возможностей.

С середины XX в. в исторической теории особое место заняла проблема исторической репрезентации. Историки стремились рассматривать историю и прошлое как сложный комплекс, в котором значения зависят от формы репрезентации. Поэтому, изучая источники, историки изучают уже опосредованные дискурсы. Основной функцией историка в такой ситуации является создание нарратива, основывающегося на понимании других нарративов и уже существующих их интерпретаций. Поэтому и возможна только репрезентация прошлого, а не объективный подход к прошлой реальности.

В сложной структуре исторической мысли XX в. параллельно сосуществовали несколько направлений исследовательского поиска. В последней трети столетия методология исторического знания была потрясена «постмодернистским вызовом». Лингвистический поворот стал ключевой идеологией постмодернизма, суть которой заключалась в повороте внимания исследователя от «говорения» о реальности к «говорению о говорении» (по Рорти – от «знания, что» к «знанию, как»). В исторической науке это выразилось в установлении отношения взаимного отображения уровней «принуждения опытом» (эмпиризм) и «принуждения языком» (лингвистика). Историки стали понимать, что на уровне говорения о реальности они только описывают прошлое, т.е. историк выступает как эмпирик. На уровне же говорения о говорении историк осмысливает то, какой исторический текст лучше всего репрезентирует исследуемую часть прошлого. Лингвистический поворот показывает историку, что в языке есть различные значения и нужно использовать эти значения, для того чтобы углубить наше

понимание прошлого. Стремление выявить значение подлинного, а не декларируемого намерения историка стало крупным достижением постмодернизма в процессе самоанализа истории. С тех пор акцентирование текстуальности исторического свидетельства и текстуальности самой истории стали характерными признаками исторической дисциплины и во многом это необратимо. В целом постмодернистская критика историографии весьма серьезна, она отразила весь спектр реакций историков на те новационные трудности, с которыми им пришлось столкнуться на рубеже двух тысячелетий. Проблемные поля историографии, сформированные «лингвистическим поворотом», включали соотношения истории и литературы, исторического текста и исторической «реальности», выявление историографических стилей историков, определение убедительности конструкций историков через эффективное использование языка.

Сами по себе деконструктивистские идеи о тексте как о смысловом пространстве постоянно возобновляющихся интерпретаций принесли пользу историкам. Они освободили исследовательское сознание от стереотипов, касающихся памятников письменности как законченных произведений, имеющих раз и навсегда данную идею. Историки освоили один из последних бастионов позитивистского историописания – «историю идей». Они радикально его преобразовали и включили в число своих задач новый круг проблем: исследование мыслительного инструментария, стилей мышления исторических персонажей, конкретных моделей и приемов концептуализации социума; формальных и неформальных институтов общения в том числе и профессиональных; изучение социальных и интеллектуальных контекстов, теорий и систем представлений. Но тем самым активно трансформировалось традиционное исследовательское пространство историка. На первый план выдвинулась личность, и центр тяжести перенесся на изучение индивидуальных стратегий (отсюда новые возможности для развития исторической биографии и политической истории). Специфика историографии, отличающая ее от всех других дисциплин, состоит в том, что она не терпит никакого ущерба от того, что субъект или индивидуальный историк занимают в ней главенствующее положение. И новая философия истории рассматривает это активное присутствие историка как ценный вклад, а не как признак познавательной беспомощности исторической дисциплины. Но может ли историк вступить в реальные, опытные отношения с прошлым? Когда мы задаем себе этот вопрос, мы понимаем, что нам приходится иметь дело с субъективным опытом, т.е. принадлежащим историку опытом прошлого. Однако современное прошлое – это гораздо менее неподвижное и менее завершенное прошлое, чем оно представлялось предыдущему поколению историков.

Так что же ждет историю в будущем? Есть ли кризис истории или мы живем уже в постисторическое время? Нет, проблемы и вопросы истории живы, а значит, будет жить и историописание. Просто в наше время уже не может быть одной версии истории, а есть много историй. Сегодня в кризисе концепт истории как унифицированный, европоцентричный процесс, т.е. мы наблюдаем кризис традиционного взгляда на историю, а вовсе не кризис самой истории. В современном историческом пространстве представлено многообразие подходов к истории. Есть микроистория и гендерная история. Есть интерес к обычным людям, к их повседневной жизни, к ее экзистенциальным аспектам, к детству и смерти. Новые проблемные поля выстраивает «новая социальная» и «новая политическая» история. Весь этот интеллектуальный багаж XX века только убеждает нас в сложности технологий конструирования прошлого, но историки все-таки нащупывают пути, как приблизиться к правдоподобию своих исследовательских построений.

В современной исторической науке над логикой и технологиями историописания размышляет историография. История лежит в книгах историков, поэтому современная историография отводит центральное место дискурсивной практике историка. Развитие историографии носит кумулятивный характер: историографический дискурс постоянно

накапливает содержание. Наиболее выгодным для историографии является быстрое увеличение количества исторических интерпретаций. Историография никогда не забывает старые трактовки прошлого, она актуализирует их в настоящем, для того чтобы определить идентичность тех интерпретаций, которые предпочтительны в данный момент. Прогресс же в историописании – это рост исторических работ, которые не могут быть отвергнуты, забыты спустя время и после смены парадигм. С этих позиций в истории историописания ничто не пропадает, ничто не утрачивает своей ценности. В таком качестве современная историография функционирует как самоценная и самодостаточная историческая дисциплина, как заместитель самой истории и в этом состоит суть и назначение всех сочинений по истории.

Мы обращаемся к прошлому потому, что настоящего недостаточно для нас. Достижения историописания последнего тридцатилетия подняли историю на уровень интеллектуального предприятия, защищающего ценности жизни. «Новая историческая наука» стала рассказом о человеческой жизни, об опыте мира, обладателем которого становится человек. История, написанная историками, приобретает характер компенсаторного мифа, и это сохраняет человека, превращает реальность в возвышенный исторический опыт.

*Иллерицкая Н.В. Современная историография: прогнозы на будущее // Будущее нашего прошлого: материалы научной конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/istoriografiya/sovremennaya-istoriografiya-prognozi-na-budushee.html>

Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Содержание понятия «кризис историографии» (извл.)*

Среди дискуссионных проблем отечественной исторической науки редко какая вызывала столь неоднозначные суждения как проблема «кризиса историографии». Поставленная еще на рубеже XIX – XX вв., она не нашла однозначного решения и по сей день. Более того, события 90-х гг. XX в., развал СССР, ликвидация монополии КПСС на власть, отказ от марксизма как официальной идеологии, заставили посмотреть на проблему кризиса глазами не отстраненного наблюдателя, а участника процесса. Все эти явления и являются показательными для кризисного состояния науки, а потому интерес к теоретической постановке кризиса в историографии заметно обострился. В белорусской историографии данная проблема поставлена в статьях В. С. Кошелева, В.П. Грицкевича, А. Н. Нечухрина и др. В российской историографии завязалась целая дискуссия по современному состоянию исторической науки, а трактовка «кризиса» приобрела особую остроту. Если прежде данное понятие советскими историками применялось преимущественно для характеристики развития «буржуазной науки» XX в., то теперь ученые единодушно заговорили о глубоком теоретико-методологическом кризисе современной постсоветской историографии, даже о ее однозначном упадке. В свою очередь, применительно к западной науке, кризис некоторые авторы рассматривают как кризис ее роста. Сказанное, безусловно, требует приближенного анализа выдвинутых точек зрения, а также корреляции самого понятия «кризис». Это тем более важно, что при отсутствии обоснованной дефиниции данного понятия его нередко используют как оценочное для характеристики позиций своих оппонентов в научных дискуссиях о путях развития отечественной историографии.

В 90-х гг. в большинстве случаев кризис трактуется как явление, показательное для развития исторической науки в целом. В исследованиях М.А. Барга, А.Я. Гуревича, И.Д. Ковальченко, Б.Г. Могильницкого, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, В. С. Кошелева и других подчеркивается, что кризис охватывает не только постсоветскую науку, но и мировую и носит методологический характер. Уточняя свои позиции, что современный кризис является «такой поляризацией теоретико-методологических взглядов и подходов,

следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания», состоящей в направленности «на получение истинных знаний». Однако историком не определяется, на каком уровне развития историографии происходит «поляризация» и в каких аспектах возникает «разрыв» «единства коренной сущности исторического познания».

И.Д. Ковальченко также усматривал кризис современной историографии в ее чрезмерной специализации, ведущей, по его словам, к утере исторической наукой общих целей, своего фокуса, что препятствует коммуникативным связям историков. То есть история, по мнению методолога, утрачивает свою целостность. В данном положении отчетливо проявилось постоянное стремление И.Д. Ковальченко к историческому синтезу. Вряд ли можно согласиться с утверждением авторитетного ученого об особом обострении кризиса исторической мысли во второй половине XX ст.

Исторический синтез в качестве центральной проблемы кризиса мировой историографии выдвигался М.А. Баргом и Б.Г. Могильницким. По мнению М.А. Барга, чрезмерная специализация истории ведет к размыванию ее предмета исследования, вплоть до вопроса: «Существует ли вообще "территория историка"?». Б.Г. Могильницкий убежден, что, поставленная еще в 1900 г. проблема исторического синтеза именно в наши дни «приобретает особую актуальность, будучи непосредственно связанной с перспективами самого существования истории как научной дисциплины».

Об этом же писал и А.Я. Гуревич, одновременно предупреждая, что историософия себя дискредитировала. Признавая, что понятие «кризис» отражает развитие мировой исторической науки на определенных этапах, что кризис это нормальное явление, означающее отсутствие стагнации науки, названные авторы справедливо полагают, что кризис западной и постсоветской историографии нельзя отождествлять. В разных исторических условиях кризис приобретает различное содержание и проявляется неодинаково. Для современной историографии в целом, указывает А. Я. Гуревич, причина кризиса в «утрате мировой цивилизацией ясной перспективы, крахе идеологий, которые еще недавно давали ориентиры, угрозе гибели человечества в огне ядерного апокалипсиса или вследствие экологической катастрофы», что вызвало «растерянность многих историков». Две мировые войны, тоталитаризм, национализм, падение авторитета научного знания, все это, по мнению историка, способствовало подрыву веры в фундаментальную идею прогресса.

Что касается российской историографии конца XX в., то на ее развитии, по мнению методолога, сказался острый общественно-политический кризис и серьезное отставание от западной науки в теоретико-методологической сфере. Ученый отмечает, что марксизм в отечественной историографии сочетался с позитивизмом конца XIX в., игнорировались проблемы теории исторического познания, поставленные еще неокантианцами. Отсталость и застой усугублялись почти полной неосведомленностью относительно достижений мировой исторической мысли, что порождало духовный провинциализм. Кроме того, в советской историографии возбранялось выходить за пределы глобальной схемы прогрессивной смены формаций, а само понятие «формация» интерпретировалось в качестве объективной реальности. В итоге марксистская историография оказалась дискредитирована. Вопросы методологии и теории познания для современной российской историографии А.Я. Гуревичу представляются решающими, речь идет о «существенной ломке привычных стереотипов и устоявшихся схем», о «назревании глубокой трансформации исследовательских методов и научных подходов. В центре кризиса стоит сам историк: ему предстоит менять свои методологические и гносеологические принципы и ориентации».

Б.Г. Могильницкий, в свою очередь, указывает, что споры в российской историографии идут по ключевым теоретико-методологическим проблемам в контексте современных общественно-политических реалий. Они касаются отношения к материалистическому пониманию истории, соотношения между формационным и

цивилизационными подходами, проблем общей исторической теории и т. д. Ученый признает «крушение марксистской парадигмы истории» и связанный с этим всплеск «методологического субъективизма», однако настроен оптимистически и верит в возможность разработки новой «плюралистической парадигмы истории».

Иную научную позицию защищает А.А. Искендеров. Согласно его представлениям кризис является оценочным понятием, означающим «застой в науке», и переживает его только постсоветская историография. Существующее положение в российской историографии историк связывает «с кризисом марксизма, с материалистическим пониманием истории как единственно верным и всеохватывающим методом исторического познания», «того марксизма, который в советское время превратился в господствующую идеологию и даже мировоззрение» и который «по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды». Стремление И.Д. Ковальченко и других известных исследователей осмыслить понятие «кризис» как общенаучную категорию, связанную с изменением коренной методологической ориентации исторического познания, А.А. Искендеров назвал «проявлением консервативного мышления» и выражением «охранительной тенденции», «сторонники которой стремятся по разным причинам сохранить статус-кво, заботясь при этом не столько об интересах науки, сколько о своем положении в ней». Ученый характеризует такое стремление как попытку «приглушить остроту оценки положения, сложившегося в современной российской историографии, представить ситуацию в более выгодном свете, уйти от анализа причины и природы этого кризиса...».

Обращаясь к периоду конца XIX – начала XX в. в развитии отечественной исторической науки, А.А. Искендеров из бесспорного утверждения о том, что тогда наблюдались «интенсивные поиски новых исторических идей и новых подходов», делает весьма сомнительные выводы. По его словам, «нет оснований характеризовать состояние российской историографии конца XIX – начала XX в. как кризисное», «...сама постановка проблемы кризиса ... в значительной мере имела искусственный характер, преследовала цель полностью ее дискредитировать и доказать, что подлинного расцвета историческая мысль достигла лишь в советское время». Вряд ли есть смысл отрицать, что идеологический компонент входил в содержание дискуссий в советской историографии о природе и сущности кризиса российской исторической науки рубежа XIX – XX вв. Об этом свидетельствуют предыдущие работы самого А.А. Искендера. Однако, при известной идеологической заданности подходов к проблеме, уже в советской историографии 70 – 80-х гг. утвердилось понимание кризиса в качестве «переломного момента» в развитии науки, т. е. понятия, необходимого для характеристики внутреннего развития науки как сферы человеческой деятельности, нацеленной на получение нового знания.

Следует учесть, что понятие «кризис исторической науки» отнюдь не является злокозненной выдумкой советских ученых. Оно было выработано и получило широкое распространение в немарксистской историографии на рубеже XIX – XX вв. В отечественной науке проблема кризиса получила обстоятельную разработку в трудах Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле и других видных всеобщих историков. Они отмечали теоретико-методологический характер кризиса современной им науки и рассматривали его как нормальный процесс, характеризующий ее развитие. Преодоление кризиса они видели на пути привнесения в научно-исторический анализ теоретико-познавательной точки зрения, создания методологии истории, пересмотра укоренившихся в истории и социологии схем и терминов, отказа в итоге от позитивистской точки зрения, с присущими ей «догматизмом», «метафизичностью» и «схоластичностью». В западной историографии кризисное состояние историографии определено фиксируется с 20-х гг. XX в. Как указывает Б.Г. Могильницкий, «это был кризис ее социальной функции, проявившийся в остром осознании утраты ею своей полезности для общества».

Кризисное состояние исторической науки констатируют и западные исследователи. Например, директор Дома наук о человеке М. Эмар связывает кризис с общественным характером истории и поисками на методологическом уровне. Он отмечает, что история во многом обманула общественные ожидания – давать научную характеристику общества и прогнозировать будущее, что она ориентировала общество на ложные ценности. Кризисные явления в исторической науке связываются ученым с трудностями, переживаемыми современным обществом, утратой им социальной уверенности в правильности избранного исторического пути. В то же время подчеркивается, что речь идет о возможности преодоления кризиса, достижении позитивных результатов. М. Эмар справедливо указывает, что, благодаря глобализации самого общества, современная наука становится единой, преодолевает национальную и государственную замкнутость.

О «кризисе истории» пишут и Ж. Ле Гофф и Н. Руссель в коллективном труде «История и специальность историка во Франции. 1945 – 1995» (1995), подводящем итог 50-летнего развития французской историографии. Кризис истории связывается ими с общим кризисом социальных наук и современного общества. Признаки кризиса французской историографии они усматривают, прежде всего, в исчерпанности методологических подходов, свойственных школе «Анналов», а также марксизму и структурализму.

Вряд ли целесообразно умножать примеры и доказывать очевидное, что кризис в различной степени показателен для развития всей современной историографии, хотя несомненно, что в постсоветской науке он принял в 90-е гг. XX в. особо острую форму. По своему характеру кризис является теоретико-методологическим и связан с системным кризисом общества. Есть основания рассматривать кризис не в качестве летального, а как процесс обновления в науке, а вопросы методологии и теории истории – определяющими на этом пути.

Для понимания сущности методологического кризиса в историографии один из авторов – А.Н. Нечухрин – применяет категорию «смена парадигм». Понятие «парадигма», введенное впервые Т. Куном, употребляется А.Н. Нечухриным в качестве совокупности убеждений, ценностей и связанных с ними признанных научных достижений, дающих модель постановки и решения проблем научному сообществу. Категория «парадигма» в большей степени связывает развитие историографии с общим духовным производством, выражает влияние на историю естествознания и искусства, подчеркивает степень распространения среди профессиональных историков определенных методологических установок и общеисторических представлений и идей.

Данная категория «прижилась» в историографических исследованиях. В качестве «ключевого понятия» истории исторической мысли ее рассматривает Б.Г. Могильницкий. Ученый определяет парадигму как «совокупность общенаучных и общемировоззренческих представлений, составляющих образ истории, доминирующих в течение более или менее длительного времени». При этом он подчеркивает, «что «парадигма» и «кризис» являются фундаментальными понятиями каждой науки, на языке которых можно описывать происходящие в ней масштабные перемены». О «смене научно-методологических парадигм в конце XIX – начале XX в.» пишет О.В. Сеницын. Признается понятие «парадигма» в качестве атрибута отдельных исторических школ и Г.П. Мягковым.

Другой автор – С.П. Рамазанов – считает более удачным выделять ведущие на определенном временном промежутке методологические течения, в рамках смены которых и происходит ломка представлений о цели, форме, способе исторического знания. Такие течения, по мнению С.П. Рамазанова, объединяют в себе группу историков и философов с кардинально общими взглядами на природу, принципы и методы исторического познания. Отправными пунктами для выделения ведущих течений должно, по его мнению, стать фиксирование определяющей роли выдвигаемых

течением идей в методологических дискуссиях, силы их влияния на теоретические поиски ученых, широты их распространения в процессе обучения и учебной литературе, в которой закрепляются достижения научного творчества и формируется база его традиционных устоев.

По мнению А.Н. Нечухрина, «парадигма» как понятие не противопоставляется «течению» либо «направлению», но рассматривается как их мировоззренческая и исследовательская программа, установка, что определяет роль «парадигмы» в раскрытии содержания историографических кризисов.

Оба автора статьи согласны в том, что историческое познание обладает спецификой, обусловленной своеобразием субъектно-объектных отношений в исторической науке. Она проявляется в более тесной и широкой взаимосвязи, чем в естествознании, истории и современности, оценочном характере исторического объяснения, стремлении к целостной исторической реконструкции человеческой деятельности, большей значимости для истории интегральных связей с философско-методологическими принципами исследования. Поэтому невозможно отождествлять развитие исторического и естественнонаучного знания. Специфика исторического познания обуславливает то, что кризисы в исторической науке, разворачивающиеся даже на ее концептуальном уровне, могут охватывать лишь отдельные направления и школы и вовсе не затрагивать не принадлежащих к ним ученых. Такие кризисы представляют собой ломку прежних коренных установок, на которых основывалась историческая наука. Распространению релятивистских и иррационалистических идей в современной науке особо способствует иррациональный характер развития общества в XX – XXI вв.: непредсказуемое будущее заставляет нас сомневаться, правильно ли мы понимали и вопрошали прошлое. Что касается советской историографии, то по своей методологической сущности она принципиально не отличалась от позитивизма XIX в. и сама по себе не несла кризисных потенций. За границы научного знания советскую историческую выводила ее конъюнктурная ориентация на государственную коммунистическую идеологию в условиях тоталитарного режима.

Магистральным путем выхода из кризиса для И.Д. Ковальченко стало утверждение плюралистического подхода к истории, под которым он понимал синтез различных теорий исторического процесса, преодоление поляризации мировой исторической науки из-за ее идеологизации и восстановление в итоге «единства мирового исторического процесса». Он предложил отобрать все самое ценное у различных школ и направлений, а не отбрасывать одно видение, как правило, марксистское, взамен другого, как правило, субъективно-идеалистического. Как верно отмечает Б.Г. Могильницкий, центральной темой И.Д. Ковальченко стал методологический плюрализм в качестве исходного принципа исторического анализа.

Н.И. Смоленский также признает неизбежность перехода к плюрализму в области методологических основ исторических исследований. Однако методолог справедливо указывает, что в глаза бросается не только частота употребления данного понятия, но и то, что «его содержание лишено необходимой определенности». «В основе плюрализма, – по его мнению, – может быть то, что в качестве предмета исследования избираются разные стороны одного и того же явления или процесса или же явление исследуется с разных позиций. Так что это не может быть плюрализмом не связанных между собой интерпретаций». Плюрализм – одно из условий наиболее адекватного варианта исторической теории, но не самоцель. Н.И. Смоленский с этой точки зрения предупреждает о бесплодности попыток ряда исследователей «усовершенствовать» материалистический подход к историческому процессу путем простого заимствования из других теоретических систем либо «избавления» его от «односторонности» выделения ведущей роли в истории экономических структур. Подчеркивание теоретической значимости других факторов нематериального характера, пишет ученый, сомнительно: «такая постановка вопроса может быть продуктивной в конкретно-

историческом, а не в теоретическом плане». Сила материалистической теории в том, что она имеет «завершенный вид», включает историк, и есть только один способ ее опровержения: «найти и обосновать иную, более глубокую и общую основу общественных отношений... Современное историческое мышление нуждается в такой теоретической картине всемирно-исторического процесса, которая была бы шагом вперед в понимании этого процесса как единства многообразия... Все это подводит к моноплюралистическому варианту понимания мировой истории».

Против того, чтобы «просто выбросить марксистскую теорию за борт отечественной историографии», возражает и А.А. Аникеев. Он поддерживает стремление И.Д. Ковальченко к «синтезу философско-исторических концептуальных подходов и построений». В.Ф. Мамонов считает необходимым прежде всего серьезное исследование основополагающих проблем философии и методологии истории, «создание не просто "оригинальных", а научно состоятельных концепций российской и всемирной истории или, по крайней мере, контуров таких концепций». Он указывает, что сегодня осуществляются попытки, как разработки отдельных самостоятельных концепций — линейной (формационной), цивилизационной, евразийства, — так и их синтеза. Впрочем, по мнению В.Ф. Мамонова все эти поиски на сегодняшний день нельзя признать результативными. Ученый не без оснований заявляет, что «в обозримом будущем в российской исторической науке... будут существовать и конкурировать различные концепции, во многом даже противоположные между собой. Означает ли это, что у историков-исследователей «исчезает твердая почва под ногами»? Думается, нет. По крайней мере, если доминирующие в исторической науке течения будут строиться на основе научного подхода к исследованиям.

Идея исторического синтеза как путь выхода науки из кризиса стала наиболее популярной среди российских историков. Вслед за И.Д. Ковальченко к «плюралистическому синтезу» в истории призывает Б.Г. Могильницкий. Л.П. Репина в синтезе, «целостности исторического познания» видит ведущую тенденцию современной историографии. Ратуя за идею исторического синтеза, В.Н. Сидорцов выступил инициатором междисциплинарного подхода в белорусской историографии.

Развернутую трактовку своего видения выхода истории из кризиса представил А.Я. Гуревич. Синтез методолог понимает в качестве сверхзадачи исторической науки, определяя его как целостное, системное постижение общества. Синтез — это перспектива, к которой стремится история, причем необходим такой новый синтез, «который мог бы объединить идеальное и материальное в их взаимном переплетении». По мнению теоретика, историки не могут далее ограничиваться только рационально сформулированными идеями и недооценивать эмоциональные и иррациональные феномены. Нам необходимо, полагает А. Я. Гуревич, переориентироваться на изучение простого человека, понять феномены прошлого «изнутри», в рамках исторического контекста. Исследователь полагает вполне закономерным и необходимым вызревание в рамках традиционной исторической науки «социально-культурной антропологии», которая позволит постичь конкретно-исторического индивида, каким он был в те или иные периоды истории, каким его формировали культура и общество его времени.

Особое внимание А.Я. Гуревич обращает на необходимость разработки собственной гносеологии исторического знания. «В противоположность философии, социологии и политической экономии, — отмечает ученый, — история — наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном, уникальном и неповторимом, хотя историки по необходимости применяют общие понятия и категории, которые даны им культурой и языком». При этом он предупреждает, что «не нужно страшиться релятивизма и видеть в нем признак кризиса исторической мысли». Таким образом, историк настроен оптимистично и верит, что наблюдаемый ныне кризис историографии «есть не что иное, как кризис роста».

Свой рецепт разрешения кризисной ситуации представляет Б.Г. Могильницкий, предлагая от глобальных проблем перейти к более конкретным, но не менее важным. Продолжая свои исследования прежних лет, методолог полагает необходимым вернуться к вопросу о конкретной исторической закономерности как предмете исторической науки. Постановка данного вопроса, по мнению ученого, вытекает из современной историографической ситуации, характеризующейся «бурно прогрессирующим расширением предметного поля истории, которое ведет к его размыванию и фрагментаризации самой исторической дисциплины». Б.Г. Могильницкий убежден, что категория исторической закономерности выполняет «важную интегративную функцию в изучении прошлого». Синтезируя в себе многообразные исторические явления и процессы, она, по словам ученого, «очерчивает контуры предметного поля исторической науки» и в этом своем качестве «может служить самоидентификации истории как особой области научного гуманитарного знания». Историческая закономерность – это «своеобразная первичная клеточка универсальной синтезирующей истории», она «интегрирует в себе общее и особенное, необходимое и случайное, материальное и ментальное, объективное и субъективное», «обозначает в себе рамки, в которых может быть достигнута целостность исторической дисциплины». Историк трактует данную категорию в веберовском смысле, в качестве идеально-типического понятия, «умственной конструкции», создаваемой исследователем для осмысления исторической действительности. В этом плане показательна та высокая оценка, которую российский ученый дает методологическому наследию М. Вебера и прежде всего его учению об «идеальном типе». Таким образом, предлагаемое Б.Г. Могильницким понимание предмета исторической науки ориентирует историков на «выявление создаваемых в процессе исторической деятельности человека конкретных в своей пространственно-временной определенности исторических закономерностей».

Безусловно, что поиск исторических закономерностей – заманчивая вещь, однако, крайне сложная и проблематичная. До настоящего времени любая «выявленная» закономерность носила лишь вероятностный характер. Установление подобной закономерности происходило только по отношению к прошлому и не выходило за рамки гипотезы. Не случайно, что историки не спешат с объявлениями об установлении ими исторических закономерностей. Поэтому признать рассматриваемую категорию в качестве предмета исторической науки – значит поставить ее в затруднительное положение. История — наука, преимущественно объясняющая и индивидуализирующая. Теоретическая работа, конечно, играет в ней огромную роль; сравнения и обобщения — необходимый компонент исторического исследования, но не открытием тех или иных закономерностей в конечном счете определяется ценность исторической работы. В то же время, плодотворной представляется идея Б.Г. Могильницкого о той пользе, которую может принести понятие исторической закономерности в качестве инструмента познания, если рассматривать его в идеально-типическом смысле. Именно в концепции М.Вебера, стремившегося соединить идиографизм неокантианства с генерализирующей по своей ориентированности теорией идеальных типов, были обозначены пути выхода из методологического кризиса исторической мысли начала XX в.

В этом же направлении работают некоторые идеи постмодернизма, пытающегося сбалансировать то ценное, что содержится в ранее противостоящих друг другу методологических подходах. Развитию исторического знания способствует отрицание постмодернизмом неоспоримых теоретических предпосылок и закономерностей, его неприятие «фундаментальных нарративов», т. е. недоверие к абсолютным или универсальным и всеобъемлющим теоретическим системам, а также его критика рационального единого субъекта, который был основой западной мысли с XVII в. Эпоха постмодернизма, справедливо указывает В.Н. Сидорцов, «нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной».

Было бы крайне наивным ожидать, что кризис исторической мысли в обозримом будущем будет «преодолен» и будет, наконец, создана некая универсальная система вроде позитивизма XIX в. либо марксизма. Синтез как органическое соединение позитивных элементов разнородных концепций представляется маловероятным. Будущее исторической науки, очевидно, будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, ни один из которых не сможет претендовать на универсальность.

*Нечухрин А.Н. Содержание понятия «кризис историографии» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007.

Попов А.В. История российского православного зарубежья (извл.)*

В последнее десятилетие наблюдается значительный сдвиг в российской историографии истории Русской Церкви советского периода.

Начало новому периоду в изучении проблемы положила Октябрьская революция 1917 г. На долгие годы объективное изучение истории РПЦ стало невозможным. Исходя из того, что главной задачей атеистической работы считалось раскрытие классовой роли религии и церкви, историки-атеисты выдвигали на первый план разоблачение церковной контрреволюции, эксплуататорской сущности религиозных организаций, раскрытие политической позиции духовенства. Работы историков призваны были помочь верующим преодолеть религиозные предрассудки. Поэтому основными темами стали антисоветские действия духовенства. Отличительной чертой историографии тех лет была узость источниковедческой базы. В качестве главных источников исторических работ использовались декреты советской власти, работы В.И. Ленина, труды других партийных идеологов. Как пишет Н.А. Кривова: «Первыми авторами работ по проблемам политики коммунистической партии и государства в отношении религии и церкви были видные деятели партии, соратники и ученики В.И. Ленина, сыгравшие важную роль в проведении антирелигиозной политики: В.Д. Бонч-Бруевич, Е.М. Ярославский, П.А. Красиков, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, И.И. Скворцов-Степанов. Их можно отнести к основоположникам советской историографии проблемы».

Советская историческая наука не создала научной традиции изучения российского зарубежного православия, впрочем, как и истории православия вообще, была представлена небольшим числом работ, написанных с позиции обличения Зарубежной Церкви. Работы советских авторов не являлись научными, а представляли собой зачастую образцы советской антирелигиозной пропаганды. Изучение истории российского православного зарубежья в России до начала 1990-х гг. было фактически невозможно. Сама тема эмиграции была полузапретной: писать на эту тему можно было только с определённым, точнее сказать, с обличительным идеологическим уклоном. Отчасти это относится и к истории Русской Православной Церкви в целом. Опасная проблематика, в которой пересекались темы истории эмиграции и истории церкви, не способствовала появлению серьезных научных трудов. Главная причина такого положения заключалась в насильственно насаждаемом атеизме во всех сферах жизни общества, в том числе и в науке.

Положение изменилось лишь с начала 1990-х гг., когда ослабел идеологический диктат, и разоблачительный подход к истории церкви и эмиграции перестал быть единственным. В связи с кардинальными переменами в политическом строе и внутривнутриполитической жизни страны изменилась ситуация в российской исторической науке и в гуманитарном знании в целом. В новых условиях получили возможность обратиться к истории православной церкви за рубежом и российские историки. Большим событием и вехой в изучении российского православного зарубежья стало издание в 1991 г. сборника «Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси». Сборник был

составлен известным историком Русского зарубежья М.В. Назаровым. Большинство авторов составили эмигранты: протоиерей А. Киселев, А.И. Солженицын, Н. Рутыч и др.

Неотъемлемой частью современной историографии истории Русской Церкви вне России стали труды православных историков. Церковная историография, уничтоженная в годы советской власти как научная дисциплина, в настоящее время сделала значительный шаг в возрождении утраченных в советский период лучших традиций в изучении истории Русской православной церкви XX в.

Одной из первых была опубликована монография профессора Санкт-Петербургского Института богословия и философии, священника Георгия Митрофанова «Православная церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920 – 1927 гг.» Книга о. Георгия относится к тем немногим книгам, которые непосредственно посвящены этой проблеме. Отец Георгий справедливо отмечает сложность данного вопроса, которая состоит, прежде всего, в том, что уже сам факт возникновения РПЦ за границей далеко выходит за канонические нормы. Развитие этих взаимоотношений РПЦ МП и РПЦЗ в 1920-е годы пошло по пути, на котором между РПЦ (Московским патриархатом) и РПЦ за границей было утеряно не только политическое, но и евхаристическое единство церковной жизни. Его сменило литургическое разобщение и церковно-историческое противостояние. В то же время о. Георгий, симпатизируя епископам-эмигрантам, пишет, что они действовали, нарушая букву канонов, исходя из высшего христианского закона любви.

Большое историографическое значение для историков русского зарубежного православия имеет монография – работа российского историка протоиерея Владислава Цыпина, содержащая главы, посвященные церковной жизни на канонической территории Московского патриархата за пределами СССР и Церковной диаспоре. В главе посвященной Православной Церкви в странах лимитрофах, образовавшихся на окраинах Российской империи, протоиерей В. Цыпин, обращает внимание на бесправное положение русского национального меньшинства в Латвии, Финляндии, Эстонии и Польше и беспрецедентное политическое давление правительств этих государств на Православную Церковь. В последние годы появляются работы, предметом изучения которых становятся изучение деятельности Русской Православной Церкви и православных общин в отдельных странах и регионах.

Исследователь, обращаясь к теме православия в Северной Америке не сможет обойтись без обращения к фундаментальному труду митрополита Климента (Капалина) «Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года».

Монография и диссертация игумена Ростислава Колупаева посвящена Русской Православной Церкви на Африканском континенте. Игумен Ростислав подчеркивает, что, несмотря на достаточно развитую в Африке сеть православных храмов греческой Александрийской патриархии, русские предпочитали не вливаться в местные общины, а организовали свои приходы. По мнению игумена Ростислава: Благодаря приверженности общему для всех эмигрантов языку и традиционным православным ритуалам совместные молитвы были не только актом веры, но и подтверждением преданности единой национальной и культурной традиции, которая отделяла соотечественников от другого общества.

Хочется отметить подвижническую деятельность начальника Русской Духовной Миссии в Гонконге, священника Дионисия Поздняева. Основной темой его научных изысканий является история православия на Дальнем Востоке (в Китае, Корее и Японии). При участии священника Дионисия Поздняева были изданы три тома трудов по этой теме, выходит журнал Китайский благовестник, посвященный истории РПЦ в Китае, поддерживается одноименный сайт в сети Интернет.

В 2002 г. в Санкт-Петербурге была опубликована работа настоятеля Свято-Николаевского собора в Тегеране игумена Александра «Русская Православная Церковь в

Персии-Иране (1857-2001 гг.)). Игумен Александр пишет: В истории православного свидетельства в Персии были как светлые, так и трагические страницы. Пережив нестроения и расколы, православная община выстояла в непростых и даже критических ситуациях. Книга игумена Александра является первой монографией по истории Русской Православной Церкви в Иране. На основании документов российских архивов и воспоминаний прихожан тегеранского прихода автору удалось воссоздать цельную картину присутствия православия на иранской земле, начиная с XVI века.

История Зарубежной Церкви и русской церковной диаспоры интенсивно разрабатывается не только церковными, но и светскими историками церкви.

Особо хочется выделить публикации и кандидатскую диссертацию А.В. Беляевой. По мнению Беляевой российская эмиграция после 1917 г. породила уникальное явление в истории Церкви в эмиграции. Главное значение Зарубежной Церкви Беляева видит в сохранении русских традиций, в том числе и религиозных за рубежом. В то же время нельзя полностью согласиться с мнением А.В. Беляевой высказанной в другой её работе: Что касается сохранения канонов и традиций русского православия, то, как мы уже указали, Зарубежная церковь была даже более русская и ортодоксальная, нежели Московская Патриархия. На наш взгляд, именно за рубежом и именно РПЦЗ были нарушены почти все каноны и принципы организации церковной жизни в диаспоре.

Истории возникновения и становления Русской Православной Церкви за границей, посвящена монография сотрудника Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата А.А. Кострюкова. Достоинством монографии А.А. Кострюкова является использование при подготовке работы малодоступных документов из Архива ОВЦС Московского патриархата. В тоже время нельзя не заметить симпатий А.А. Кострюкова, к зарубежным иерархам, основавшим Зарубежную Церковь. Он пишет: Есть все основания считать, что образование Зарубежной Церкви было в те годы, в тех условиях не только исторически неизбежно, но и необходимо.

Одной из попыток историографической разработки темы русского православного зарубежья можно назвать монографию уральского историка А.А. Пронина «Историография российской эмиграции», в которой имеется специальный раздел «Эмиграция и Православие». Пронин, в частности, обращает внимание на то, что российская послеоктябрьская эмиграция не была вызвана религиозными причинами, хотя, конечно, гонения на Русскую православную церковь и, как следствие, невозможность отправлять свои религиозные потребности сыграли роль в числе других факторов, повлиявших на намерение того или иного лица покинуть Россию. Главный вывод работы А.А. Пронина состоит в том, что, по его мнению: вслед за русскими идет по миру и православие. Эта истина верна для всех времен и территорий, где оказывались русские переселенцы.

С точки зрения наиболее консервативных элементов русского зарубежья рассматривает историю русских церковных разделений за рубежом историк и публицист М.В. Назаров.

Истории Русской Православной Церкви в Югославии посвящены работы выдающегося русского историка, давнего друга и постоянного участника Макарьевских чтений, В.И. Косика. В приложениях к своей монографии «Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века)», он опубликовал отрывки из воспоминаний протоиерея Владимира Мошина, владыки Василия Родзянко. Большую помощь исследователям православия окажут и «Краткие биографические сведения о некоторых лицах, упоминаемых в книге». Тщательно исследовав деятельность Русской Зарубежной Церкви в Югославии, В.И. Косик пришел к выводу, что Вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным. Большое значение для историков Русской Православной Церкви имеет и другая книга В.И. Косика Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии.

Материалы к словарю справочнику. Эта работа является плодом многолетних изысканий автора по истории православия в Болгарии и Югославии, а также спецкурса История русской эмиграции, прочитанного в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В книге содержится биографии выдающихся церковных деятелей различных юрисдикций русского церковного зарубежья, через которые нам открывается яркая, многогранная и неповторимая картина истории русского рассеяния. Не менее важны для исследователей и другие работы В.И. Косика, опубликованные в его книгах и статьях.

В 2000 г. была защищена диссертация Э.Б. Саблиной, посвященная истории Японской Православной Церкви и её месту в истории Японии от проникновения православия и основания православной духовной миссии в стране в 1870 г. до настоящего времени. В диссертации впервые делается попытка комплексного исследования истории Японской Православной Церкви на основе учёта достижений различных научных дисциплин, которые до того ни разу не были сведены воедино.

В 2006 г. в Санкт-Петербургском университете была защищенная диссертация С.И. Андреевской, посвященная истории IX Русской духовной миссии в Китае. Недостатком работы является то, что она рассматривает только дипломатические аспекты работы миссии, полностью игнорируя сущность и духовные задачи миссии. Андреевской также было опубликовано несколько работ о начальнике IX миссии, архимандрите Иакинфе (Бичурине).

Одной из первых работ, посвященных истории православия было обширное исследование А. Ведерникова, опубликованное в журнале Московской патриархии в 1951 г. В своей статье Ведерников выражает официальную точку зрения Московской патриархии на Финляндскую Православную Церковь, подчеркивая не каноничность нахождения ФПЦ в юрисдикции Вселенской патриархии. Значительный интерес для нас представляли труды О.А. Ярового, посвященные истории РПЦ в Финляндии. В целом придерживаясь позиции Ведерникова и Московской патриархии Яровой, тем не менее, отмечает, что Православие Финляндии смогло преодолеть все трудности канонически путем получить отпускную грамоту Московского патриархата.

Историк российского православного зарубежья не может обойтись без обращения к работам известного историка Церкви, М.В. Шкаровского. Работы Шкаровского, вносят существенный вклад в изучение положения РПЦ в фашистской Германии и на оккупированных в годы Великой Отечественной войны территориях. По мнению Шкаровского начало нацистской агрессии против Советского Союза 22 июня 1941 г. явилось рубежом, существенно изменившим положение не только православного церковного народа в СССР, но в не меньшей мере и положение русского церковного зарубежья, в том числе, Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). После начала войны все большую роль в определении церковной политики играли другие, принципиально враждебные русскому православию, немецкие ведомства, прежде всего канцелярия НСДАП и Главное управление государственной безопасности Германии. Всевозможные ограничения и стеснения вскоре коснулись различных сторон жизни епархии. Важным является и вывод Шкаровского об общности в области религиозной политики национал-социалистического и советского режимов.

Особенно важной для нас является одна из последних работ М. Шкаровского, непосредственно посвященная историй российского православного зарубежья «История русской церковной эмиграции». Монография хронологически охватывает период с 1933 по 1945 гг., а территориально ограничена Центральной и Восточной Европой, в первую очередь, Балканами, а также Италией, Германией и Чехией.

На всем протяжении своего существования Русское зарубежье не только сохраняло многое из утерянного, запретного в Советском Союзе, но и оказывало заметное влияние на мировую культуру. Русское искусство завоевало в мире совершенно

исключительное положение, так как оно, в противоположность литературе, не требовало перевода на иностранные языки.

Тема русского церковного искусства за рубежом носит междисциплинарный характер. Одним из первых на проблему архитектурного наследия Русского зарубежья, необходимость его осмысления и изучения обратил внимание профессор В.Л. Хайт, выделив храмостроительство как самую важную часть в истории архитектуры Русского зарубежья. В 1993 г. В.Л. Хайт предложил развернутую программу изучения русской архитектуры за рубежом.

Среди исследований светских историков, занимающихся различными аспектами истории российского православного зарубежья, выделяются работы Н.П. Крадина и С.С. Левашко, посвященные малоисследованной сфере культуры русского зарубежья, архитектуре православного храма за рубежом. Следует сказать, что тема русского церковного искусства за рубежом всё еще остается слабо изученной. Хотя потребность в осмыслении наследия Русского зарубежья, в том числе и в области церковного искусства, имеется.

Пока еще на периферии внимания исследователей находятся церковная музыка и пение. Хотя, приятным исключением являются публикации, известного искусствоведа, С.Г. Зверевой. С.Г. Зверева является несомненным лидером в изучении русской церковной музыки и пения за рубежом. Именно её стараниями впервые в России, в 2008 году была проведена международная научная конференция Русское зарубежье: музыка и православие. В центре внимания многочисленных участников конференции находилась тема Православной Церкви как духовного стержня музыкальной и художественной жизни русского зарубежья.

Подводя итоги краткого обзора, следует сказать, что в подавляющем большинстве даже современные российские авторы придерживаются позиции Московской Патриархии. Следствием этого является то, что они не всегда могут увидеть то позитивное, что было в истории российского православия за рубежом в целом и Русской Православной Церкви за границей, в частности.

Рассматривая зарубежную (эмигрантскую) литературу не надо забывать, что и зарубежные (эмигрантские) авторы не были свободны от идеологических пут. Только эти пути были другого толка, нежели бывшие советские. Чрезвычайная пестрота и обилие Православных Церквей в странах рассеяния создавали специфическую ситуацию в эмигрантской историографии. Как правило, противоречия между историками лежали не в сфере научного, объективного исследования, а в сфере юрисдикционной принадлежности того или иного автора, отношения этой юрисдикции к Московской Патриархии и другим Православным Церквям. В тоже время эти работы отличает высокая историческая и каноническая подготовка авторов.

Видимо, отсутствием стереоскопического взгляда и историографической традиции объясняется тот факт, что до сих пор не появились монографические труды по этой теме. Тем не менее, можно констатировать, что развитие исторической мысли в области истории православного зарубежья за последние годы сделало огромные шаги вперед. Накоплено большое количество фактического материала. Стали доступны и издаются в России эмигрантские журналы и газеты, освещающие на своих страницах вопросы истории Православной Церкви. Переизданы труды многих представителей российской эмиграции. Активно работают российские ученые. Но история российского зарубежья и русского зарубежного православия находятся в стадии формирования как научные дисциплины. Пока отсутствуют обобщающие научные труды по истории Зарубежной Церкви. Недостаточно изучена и литература. Это закономерно, так как в данный момент идёт процесс накопления, аккумуляции знаний.

*Попов А.В. История российского православного зарубежья и зарубежных церковных разделений в современной историографии // Макарьевские чтения: материалы

Ратушняк О.В. Историография казачьего зарубежья (извл.)*

Изучение казачьего зарубежья, как и в целом российской эмиграции, началось почти одновременно с появлением и развитием данного явления. Уже в 1920-е годы появляются первые работы, авторы которых пытаются осмыслить произошедшую трагедию и дать свои оценки случившемуся. Как верно заметил А.А. Зайцев: «Для литературы 20-х – начала 30-х годов было характерно тесное переплетение элементов публицистики, мемуаристики и научного исследования. ... Все это придавало историческим трудам живой эмоциональный облик, иногда, к сожалению, в ущерб объективности содержания». Причем это отмечали зачастую сами современники данных исследований. В предисловии к книге А. Слободского И. Алексеев отмечал, что «работа А. Слободского «Среди эмиграции», с точки зрения исторической, особой ценности не представляет. Написанная по воспоминаниям, она для этого слишком субъективна и останавливается на фактах исторической ценности лишь постольку, поскольку они обслуживали определенные переживания и настроения автора». Ценность книги, по мнению И. Алексеева в том, что она показывает «полнейший развал ... жуткую историю дегенерации белогвардейщины» в годы Гражданской войны и последующей эмиграции.

Из такой категории ценности исходили, по-видимому, и большинство других советских исследователей и лиц, обращавшихся к теме гражданской войны и последующей эмиграции в 1920-х – начале 1930-х гг. Они уже заранее были настроены уничтожающе-агрессивно по отношению к своим идеологическим противникам из противоположного лагеря. Такие настроения в советской историографии 1920-х – начала 1930-х гг. были обусловлены идеологическими установками, господствовавшими в тот период в советском обществе. Эту предвзятость отмечали и последующие исследователи. В частности, Л.И. Еременко отмечала, что «эти исследования (имеются в виду работы по эмиграции 20-х – нач.30-х гг. – О.Р.) не были объективными, содержали, главным образом, тенденциозные политические оценки историков и публицистов, были пронизаны идеологическими обвинениями». К литературе такого рода можно отнести книги Л. Владимирова, И. Лунченкова, А. Булацеля.

Несмотря на общий идеологический настрой авторы – бывшие эмигранты – преследовали разные задачи. Так, Л. Владимиров заявлял: «Главная цель моей книги – обращение с просьбой о помощи в деле репатриации чинов бывшей белой армии, находившихся за границей». И. Лунченков поставил основной своей задачей – «рассказать о жизни донских казаков в изгнании за границей, о том, как за чужие грехи, лишённые родины, семей, оторванные от родных полей пьют свою чашу страданий беглые донцы».

Главным достоинством литературы 1920-х – начала 1930-х гг. является фактографический материал, содержащийся в целом ряде работ. Это связано в первую очередь с тем, что большинство авторов в недавнем прошлом сами были эмигрантами. Поэтому в их работах можно найти немало интересных фактов и деталей, описывающих жизнь эмигрантов за границей. Так, Р. Арский в предисловии к работе А.В. Бобрищева-Пушкина «Патриоты без Отечества» писал, что «книга А. Бобрищева-Пушкина о крушении белогвардейской эмиграции ... содержит в себе богатейший бытовой и фактический материал, рисующий жизнь эмиграции после революции и ее настроения».

Несмотря на определенную идеологическую направленность, в исторической литературе 1920-х – начала 1930-х гг. можно найти ценные замечания и интересные выводы, касающиеся жизни российской диаспоры. В частности, Р. Кудрявцев, работа которого больше походит на агитационно-пропагандистскую брошюру, сделал интересное наблюдение по поводу размещения российских эмигрантов: «после своего изгнания из Советской России белогвардейцы расселились почти исключительно или во Франции, или

в странах, которые являются вассалами Франции, то есть фактически находятся в полной зависимости от французского империализма. Такими странами являются: Польша, Чехословакия, Югославия».

В. Белов в своей работе сделал попытку «провести параллели между идеологическими устремлениями противосоветских эмигрантских групп различных толков, измерить глубину и подлинность их патриотического порыва, определить степень наличия индивидуального и коллективного альтруизма в их партийном мировоззрении и, наконец, обрисовать пути и способы борьбы, которые они однажды избрали и которым продолжают следовать». Рассматривая эмигрантскую прессу 1920-х гг. В. Белов, в то же время показывает взаимосвязь ее с предыдущими печатными изданиями. При этом он выделяет три основных источника русской эмигрантской печати: к первому относится «эмигрантская печать периода русской монархии», ко второму – те органы «русской печати, которые существовали за границей до революции, не принадлежа в то же время к группе печати эмигрантской» и к третьему – самая многочисленная группа печатных органов, которая «народилась уже после октябрьской революции, и даже, главным образом, в самые последние годы». Интересен и подход В. Белова к анализу такого рода источников как сообщения очевидцев, которым белая печать уделяла «на своих страницах видное место в качестве информационного материала». Как он верно заметил, «абсолютная беспристрастность недостижима для подобного «очевидца», хотя бы уже потому, что в положении такого очевидца, – рассказывающего со страниц белой газеты свои впечатления о советской жизни, – он оказался вследствие недовольства этой жизнью, непримиримого к ней отношения, принудивших его бежать. Учитывая наличие этого психологического фактора, трудно предположить возможность сохранения безусловной беспристрастности в трактовке «очевидцами» вопросов столь острых для них и столь наблевших».

В методологическом отношении интересна и работа В. Камского, который отметил неоднородность белоэмигрантской массы и выделил шесть основных мотивов эмиграции части россиян за рубеж, при этом указав «на бесконечное разнообразие мотивов», толкавших людей к выезду из Советской России. И хотя В. Камский исследует жизнь эмигрантов в Китае, выделенные им мотивы в целом характерны для всей эмиграции.

Нельзя не отметить широкий спектр проблем рассматриваемых исследователями 1920-х – начала 1930-х гг. Так, если работа В. Камского посвящена жизни белоэмигрантов в Китае, то И.М. Калинин в книге «В стране братушек» рассматривает жизнь белоэмигрантов в Болгарии.

Н. Мещеряков поставил своей целью проанализировать развитие идей в среде белоэмигрантской интеллигенции. В книге «Работа эсеров за границей», изданной в Москве в 1922 г., рассматривается деятельность в эмиграции нелегального эсеровского центра «Внепартийное объединение». Командир 3-го конного корпуса Г. Гай описал жизнь и быт красноармейцев, интернированных в Германии в ходе советско-польской войны. При этом он касается и проблемы взаимоотношения красноармейцев с белоэмигрантами.

Учитывая и ряд других работ, затрагивающих те или иные аспекты из истории российской эмиграции, можно констатировать, что данная тема в 1920 – 1930-х годах являлась одной из наиболее актуальных.

Начиная с середины 1930-х и до начала 1960-х гг., в исторической литературе, касательно темы российского зарубежья, наблюдается полное молчание. Одни авторы (например, Л.И. Еременко) считают, что «в 30-х – 50-х гг. проблема русского зарубежья в советской историографии практически не отражена по причине «железного» занавеса, возведенного в стране». Другие историки (например, А.А. Зайцев) связывают это молчание с утвердившимся к середине 1930-х гг. в советской исторической науке мнением, что изучение истории контрреволюции не заслуживает внимания

исследователей. По-видимому, второе утверждение, логически вытекая из первого, в то же время дополняет его.

В начале 1960-х гг. начинают активно публиковаться документальные исследования бывших эмигрантов, вернувшихся на родину после Второй мировой войны. «В их рассказах о долгих годах жизни на чужбине – и картины эмигрантского быта и размышления о человеческих судьбах, и свидетельства о контрреволюционной деятельности эмиграции и описания причудливых переплетений политической борьбы». Появление подобного рода литературы вряд ли правомерно объяснять только «оттепелью», как это делает ряд авторов. «Оттепель», скорее всего, явилась толчком к возвращению эмигрантов. А опубликование их работ приходится на новый период «холодной войны», связанный с обострением международной обстановки в результате берлинского и карибского кризисов. И не случайно, как верно заметил Л.И. Шкаренков, «в этих и других воспоминаниях в той или иной степени раскрывается ... общая тенденция распада, разложения эмигрантских течений и группировок, крушения антисоветской идеологии».

В этом же ключе продолжают свою работу историки-специалисты. Публикации, так называемого периода «застоя», посвящены в основном разоблачению и критике российской эмиграции, основанных, не столько на эмоциях (как работы 1920-х – начала 1930-х гг.), сколько на специально подобранных фактах. О направленности исследований 1970-х – первой половины 1980-х гг. говорят сами названия работ: «Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции», «Крах российской монархической контрреволюции», «Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции», «Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР», «Агония белой эмиграции» и др.

Одной из отличительных черт литературы 1960-х – 1980-х гг. от литературы 1920-х – начала 1930-х гг. является полное игнорирование первой истории зарубежного казачества. Так, если в 1920-х – начале 1930-х гг. выходят работы, посвященные полностью или частично казакам, ушедшим за границу, то в литературе 1960-х – 1980-х гг. казаки если и упоминаются, то только как определенные воинские части в составе Русской армии П.Н. Врангеля. Это обстоятельство связано, по-видимому, с тем, что к 1960-м гг. в исторической науке укоренилось мнение, что казачество является военно-служилым сословием. Считалось, что юридически оно исчезло в ходе революционных преобразований 1917 г., и фактически в процессе коллективизации со временем переродилось в советских колхозников.

Со второй половины 1980-х гг. картина изучения проблем, связанных с Российским зарубежьем, резко меняется. Повышенное внимание к его истории (о причинах этого было сказано выше), возможность работать с ранее недоступными для большинства исследователей документами – все это не способствовало выходу в свет различного рода исторической литературы, посвященной проблемам российской эмиграции.

Литература середины 1980-х – 1990-х гг., посвященная проблемам российского зарубежья, разнообразна как по тематике, так и по жанрам и типу публикаций. Впервые делаются попытки осмыслить сущность, природу эмиграции. Полностью изжит односторонний подход к российскому зарубежью как единому по своему составу, монолитному явлению. Прочно утвердилось положение, что «по своему профессиональному, сословному и материальному положению, по своим идеалам и политическим приверженностям эмиграция была крайне разнородным явлением». Этот взгляд на эмиграцию выводит на мысль не только познать это явление, но и найти, увидеть, то положительное и полезное, что возможно перенять, освоить и использовать. Не случайно некоторые исследователи ставят своей основной целью – «осмысление уникального опыта эмиграции, познавшей суть разных общественных систем: коммунизма, демократии, фашизма».

В отличие от предшествующих периодов в середине 1980 – 1990-х гг. внимание исследователей привлекли и проблемы, связанные с развитием культуры российского зарубежья.

Практически, только со второй половины 1980-х гг. появляются очерки, посвященные отдельным деятелям российского зарубежья, которые рассматриваются не как идеологические противники, а как личности со всеми своими недостатками и достоинствами, не как винтики, составные части сложного механизма, названного русской диаспорой, а как живые люди со своими радостями и печалью, проблемами и успехами.

Как и в предыдущие периоды, в 1980 – 1990-е гг. делаются попытки исследовать жизнь эмигрантов в отдельно взятых регионе, стране и даже городе.

Во второй половине 1980 – 1990-х гг. началась активная работа по изучению казачьего зарубежья, как самостоятельного феномена российской эмиграции (причины этого были указаны выше); выходит большое количество работ непосредственно посвященных различным проблемам, связанным с казачьей эмиграцией. Среди основных направлений исследований истории казачьего зарубежья можно выделить следующие: выяснение численности казачьей диаспоры, размещение казаков-эмигрантов по странам, изучение источников по истории казачьего зарубежья, а также вопросов, связанных с его культурой.

подавляющее большинство исследований по истории казачьей эмиграции базируется на материалах, опубликованных в эмигрантской печати (основной источник – казачья пресса). Это связано с тем, что архивные материалы только недавно стали доступны большинству исследователей. В 1980 – 1990-х гг. шел преимущественно процесс выявления документальных источников по истории зарубежного казачества, их научная обработка и осмысление. Скорее всего, это и имела в виду В.Д. Зиминая, говоря о специфике источниковой базы по истории казачьего зарубежья и, отмечая, что «весь ее комплекс пока труднодоступен для отечественных историков, за исключением, пожалуй, эмигрантской казачьей прессы 20 – 30-х гг., довольно широко представленной в фондах центральных архивов и библиотек».

Что касается расселения и численности казачьей диаспоры, то как верно заметила В.Д. Зиминая «это – отправная точка исследования казачьей эмиграции». Однако, несмотря на важность этой проблемы, единого мнения о численности зарубежного казачества у исследователей нет. В частности Ю.К. Кириенко называет общую цифру ушедших за рубеж казаков – более 80 тысяч человек. По мнению же И.А. Мартышко «около 200.000 казаков были вынуждены уйти за границу».

В вопросе о расселении казаков-эмигрантов большинство историков единодушно указывают среди стран, приютивших основную массу казачества Болгарию, Китай, Францию, Чехословакию и КСХС (Королевство сербов, хорватов, словенцев).

Среди проблем, привлечших внимание историков, можно назвать – проблему развития общественно-политической мысли казаков-эмигрантов. В частности Ю.К. Кириенко предпринял попытку исследовать трактовку зарубежным казачеством понятия «казачество – народ». Я.А. Перехов рассмотрел проникновение сменовеховских идей в казачью эмиграцию. Интересно его наблюдение, что сменовеховская идея «на уровне бессознательного патриотизма и тоски по Родине ... в первую очередь захватила рядовых казаков, а затем и казачью интеллигенцию». В.Д. Зиминой был рассмотрен один из аспектов проблемы политические искания зарубежного казачества. А именно – взгляды различных групп казаков-эмигрантов на будущее существование России. О.В. Ратушняк сделал качественный анализ развития вольно-казачьего движения за рубежом, его идеологии и деятельности.

Некоторые исследователи занялись изучением отдельных аспектов бытия казаков-эмигрантов определенных казачьих войск. В частности, С.Н. Якаевым была «предпринята попытка осветить некоторые основные стороны социально-политической и культурной жизни ... кубанцев за весь период их пребывания за пределами своей

исторической родины». А.В. Апрельков и Л.А. Попов поставили своей целью рассмотреть жизнь оренбургских казаков за границей.

Немаловажное значение для осмысления проблем, связанных с историей казачьего зарубежья, представляет изучение их жизни в конкретных странах. Такую попытку предпринял С.В. Телепень, рассмотрев формирование белоказачьих частей на территории Польши. Интересен и его замысел: связать историю кубанских казаков с историей Польши до и после революции 1917 г. Конечно, исследователи не могли обойти внимание и пребывание казаков Чехословакии – стране сыгравшей значительную роль в сохранении культуры казачьего зарубежья.

Не осталась без внимания исследователей и проблема культуры казачьего зарубежья. При этом была сделана попытка рассмотреть актуальную и в настоящее время идею самосознания казачества на примере литературы кубанской эмиграции.

Учитывая, что полотно истории соткано из разного рода фактов, событий и явлений, историки зачастую обращаются к изучению и осмыслению какого-либо одного события. В частности В.И. Черный предпринял попытку осмыслить причины, приведшие к выдаче англичанами казаков, сражавшихся на стороне Германии, советским властям в мае–июне 1945 г. в районе Лиенца.

Появляются и первые комплексные исследования по истории казачьей эмиграции. При этом исследователи расширяют хронологические границы исследования.

В третьем тысячелетии тема казачьего зарубежья остается, по-прежнему, востребованной среди российских исследователей. Продолжается углубленное изучение прежних направлений. Изучается пребывание казаков в отдельных странах. Уточняется география расселения казаков. Изучаются вопросы, связанные с политическими исканиями и культурным наследием казачьей диаспоры. Появляются первые работы по казакам эмигрантам, посвященные непосредственно периоду Второй мировой войны.

В тоже время остается еще много неизученных или слабо изученных проблем, связанных с пребыванием казаков за рубежом. Это и вопросы адаптации, ассимиляции казаков-эмигрантов, и взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российской эмиграции и населением принимающих стран, взаимоотношения казаков-эмигрантов первой и второй волны российской эмиграции. Практически не изучена проблема пребывания казаков-эмигрантов за рубежом после окончания Второй мировой войны.

*Ратушняк О.В. Историография казачьего зарубежья // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (октябрь 2011 г.). Краснодар: Традиция, 2012 // <http://slavakubani.ru>

Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. «История повседневности» в современной российской историографии (извл.)*

Повседневный мир – это мир, где люди живут, рождаются и умирают, радуются и плачут, любят и ненавидят. Повседневность, словно воздух, которым дышит человек. Видимо, поэтому историки веками игнорировали обыденную жизнь, отдавая предпочтение явлениям более сложным и проблемным: королям и дипломатам, войнам и революциям. А между тем только в рамках этого повседневного мира рождается и растёт человек, расцветает культура, искусство, наука и религия. Только жизненный мир при всех своих иллюзиях обладает непосредственной достоверностью.

В конце XX – начале XXI вв. повседневность стала объектом внимания российских историков. Ученый А.А. Аникеев связывает эту тенденцию с переносом «центра тяжести исторического исследования на феномен человеческой жизни в её повседневности, во всех её проявлениях и связях, и, прежде всего, в процессе реализации человеком своей родовой сущности, производстве условий жизни».

Для понимания исторического аспекта повседневности как среды человеческого бытия важно осмыслить суть этого понятия, определяемого достаточно разнообразно в российской историографии. В словаре С.И. Ожегова под повседневностью понимаются быт, бытование. Учёным А.С. Ахизером это понятие объясняется как человеческая жизнь, включающая труд, быт, отдых, передвижения.

По мнению академика Ю.А. Полякова: «История повседневности – это сумма миллиардов судеб людей, живущих в далёком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями».

Исследователь Н.Л. Пушкарёва считает, что предметом «истории повседневности» является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах.

А.С. Сенявский приходит к выводу, что «история повседневности» – это история «подробностей жизни», насыщенная богатой конкретикой». По мнению историка А.В. Курьяновича, «история повседневности не ограничивается привычной констатацией — для неё важно выявить сложную эволюцию и логику развития внутреннего мира человека – этого средоточия человеческой специфики, активности, индивидуальности и мотивации его деятельности, рассмотреть возможности, движущие силы тенденции самосовершенствования / упадка человека, а также характер сотворённого им своего бытия, т.е. реконструировать повседневную жизнь».

В современной российской историографии специальное внимание уделяется разработке методологических аспектов истории повседневности, определению структуры повседневности и основных направлений в её изучении, использованию в исследованиях микроисторических подходов. Микроистория для российских исследователей стала актуальной в 90-е годы XX в., что, по мнению Л.П. Репиной, объясняется истощением потенциала традиционных макроисторических подходов к изучению прошлого. «Микроподходы, – пишет она, – получили широкое распространение по мере того, как обнаруживалась неполнота и неадекватность макроисторических выводов, ненадёжность среднестатистических показателей, направленность доминирующей парадигмы на свёртывание широкой панорамы исторического прошлого в узкий диапазон «ведущих тенденций», на сведение множества вариантов исторической динамики к псевдонормативным образцам или типам».

При этом, как отмечает С.В. Журавлев, речь идёт не о построении традиционной исторической модели, согласно которой историк сначала формулирует задачи своего исследования, а затем подбирает под их решение соответствующую источниковую базу, а о попытке «прямой интервенции с помощью источников в живую ткань прошлого», обращаясь к тем самым мелким деталям, которые традиционная история, как правило, опускает, считая их несущественными.

Одновременно исследователями А.С. Сенявским, Б.Г. Могильницким обосновывается идея о необходимости синтеза микро- и макроподходов исторического исследования. «Это не просто увеличивает потенциал исторического исследования, — пишет Б.Г. Могильницкий, — а придаёт новое качество всему процессу осмысления прошлого».

По мнению многих современных исследователей, в центре внимания «историка повседневности» должны находиться и история быта (материальная и культурная среда, в которой происходит удовлетворение потребностей в пище, одежде, жилище и т.д.), и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история ментальностей и ментальных стереотипов (образ мыслей людей, их страхи, переживания, радости, идеалы, эмоциональные реакции на существующие правила, законы).

Одним из значимых событий в российской гуманитарной науке явилось создание Научного Совета РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» от 16 апреля 2002 г. под председательством академика Ю.А. Полякова.

С середины 90-х годов XX в. активно начинают исследоваться различные аспекты советской повседневности. В частности, в работе Н.Н. Козловой рассматриваются процессы превращения крестьянина в городского жителя на основе анализа и интерпретации текстов советской эпохи: писем, воспоминаний, дневников.

В сборнике «Социальная история» ежегодно публикуются статьи как российских, так и зарубежных авторов по различным проблемам социальной истории, в том числе и по истории советской повседневности. Анализируя повседневность 1920-х годов, А.К. Соколов и С.В. Журавлев отмечают постоянное столкновение примет старого и нового в ежедневном быту людей, указывают на их тесное переплетение в противоречивой жизни того времени. По мнению историков, «развёрнутое наступление социализма» в 30-е годы XX в. было предопределено общественными настроениями 20-х (в частности, надеждой на преодоление трудностей с помощью ускорения строительства социализма). В них угадывались контуры того «социалистического устройства», которое воплотилось на практике в следующем десятилетии и привело к крупным переменам в жизни людей.

Большую научную ценность для исследуемой проблемы представляет монография Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 гг.». Работа вышла в свет в серии «Социальная история России XX века». Монография посвящена изучению российского (советского) общества в кризисной ситуации перехода от войны к миру в первое после Великой отечественной войны десятилетие. Исследование, основанное на большом комплексе архивных источников, фокусируется на общественных настроениях, отражающих отношение общества в целом и его отдельных групп к политике властей (политическим компаниям, внешнеполитическим акциям, способам решения продовольственной, жилищной и других проблем). В монографии представлен механизм функционирования общественного мнения — не официально тиражируемого мнения, а того, что складывалось из переплетения официальных установок и разного рода слухов и домыслов.

В 2003 г. было опубликовано два сборника из серии «Документы советской истории»: «Советская повседневность и массовое сознание. 1939 – 1945 гг.» и «Советская жизнь 1945 – 1953 гг.».

В первом сборнике, хронологические рамки которого охватывают 1939–1945 гг., представлены документы, отражающие историю предвоенной и военной повседневности. Документы, скомпонованные по проблемному принципу, основное внимание фокусируют на таких темах, как менталитет и общественное настроение; армейская жизнь и военные будни; народное хозяйство; производственные будни и трудовые отношения, быт советских людей; проблемы снабжения, потребления, цен, доходов и расходов; демография и репрессивная практика, преступность и другие формы девиантного поведения и др.

С 2000 г. начинают публиковаться материалы региональных и международных научно-практических конференций по проблеме «история повседневности». В сборниках анализируются различные аспекты повседневности: методология, военная повседневность, церковная повседневность и т.д.

Большой вклад историки этого направления внесли в изучение повседневной жизни сельского населения. В монографии В.Б. Безгина рассмотрены различные стороны крестьянской повседневности конца XIX – начала XX вв. На основе архивных материалов дан анализ состояния сельских традиций в период модернизации страны. Автором были исследованы проблемы хозяйственной деятельности, общинного уклада, духовные традиции и семейный быт русского крестьянства.

В диссертационном исследовании И.В. Кометчикова анализируется жизнь «рядового» сельчанина – «простого» советского человека, а также изменения,

происходившие в системе его социальных связей, социально-политической, социально-психологической динамике под действием «большой политики».

В исследованиях Ж.О. Абреговой освещается повседневная жизнь сельского населения Кубани. На материалах Пензенской губернии была написана диссертация Л.В.Лебедевой, посвящённая повседневной жизни российской деревни 20-х годов XX в. Авторами освещаются проблемы жилищно-бытовых условий проживания крестьянства: питание, одежда, бытовая культура, аномальные явления и т.д.

Крупным научным вкладом в разработку вопросов городской повседневности стали работы профессора Санкт-Петербургского университета экономики и финансов Н.Б. Лебиной. Автор исследует советскую городскую повседневность на примере г. Ленинграда. Особый акцент исследователь делает на видах девиантного поведения, проблемах досуга, частной жизни и т.д. В частности, авторы книги «Обыватель и реформы...» размышляют о жизни обычных людей «обывателей» в условиях крупных реформ в годы НЭПа и хрущёвского десятилетия. Учёные анализируют проблемы коммунального жилья, одежды, питания и т.д.

Не менее интересна диссертационная работа А.Г.Григорьевой, позволяющая анализировать социокультурный облик и материальное обеспечение городского и сельского населения СССР в годы «оттепели». Автор поднимает такие вопросы, как уровень зарплаты, пенсии, проблемы семьи и воспитания детей, жилищного строительства, торговли и питания.

В 2003 г. из серии «Живая история: повседневная жизнь человечества» вышли в свет работы Г.В. Андреевского, Д. Засосова, В. Пызина.

Работы Г.В. Андреевского, посвященные повседневности г. Москвы в 20 – 40-е годы XX в., созданы на основе воспоминаний, архивных материалов и сообщений прессы тех лет. Автор, характеризуя предвоенное, военное и послевоенное время, анализирует коммунальную жизнь, трудовую деятельность простых людей, преступный мир г. Москвы. Интересно и послевоенное время: победа и изменения в жизни населения после неё, строительство высотных зданий, денежная реформа и т.д.

Городской повседневности Петербурга посвящена книга Д. Засосова и В. Пызина. Авторы анализируют такие аспекты повседневности, как работа городского транспорта, функционирование рынков и магазинов, народные развлечения, религиозная жизнь.

Повседневность Петрограда и Москвы в 1917 г. была отражена в диссертационном исследовании В.Б. Аксенова. Вопросам девиантной повседневности городов Пензенской губернии посвящена диссертация С.Е. Панина. На материалах Ярославской губернии по городской повседневности была написана диссертация О.В. Ольневой.

На материалах Астраханской области исследователем Г.Г. Корноуховой была защищена диссертация по повседневности городского населения СССР в 1920 – 1930-е годы. В работе характеризуется специфика социального состава населения и характер распределения городских жителей по социально-профессиональным группам. На основе анализа статей семейного бюджета, структуры питания, потребления непродовольственных товаров и жилищных условий Г.Г. Корноухова выявила особенности материального обеспечения городского населения.

По истории повседневности г. Кургана в 2004 г. была защищена кандидатская диссертация М.С. Жулевой. Особый акцент автором делается на изучении проблем семьи, брака, разводов, взаимоотношений поколений, воспитания детей. М.С. Жулева показывает основные этапы формирования «нового советского человека», а также характеризует массовые мероприятия в городе как составной элемент повседневности.

Тема городской повседневности успешно разрабатывается Омскими учёными. В 2004 г. под редакцией профессора В.Г. Рыженко вышла в свет книга «Пространство советского города (1920 – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные, социокультурные и историко-культурологические характеристики». Авторы впервые

предприняли попытку на региональном материале рассмотреть динамику изменений социокультурных и историко-культурологических признаков инфраструктуры пространства крупных городов Западной Сибири. Визуальные источники позволяют представить городскую повседневность.

Таким образом, проведённый нами анализ основных аспектов историографии проблемы «история повседневности» в современной российской исторической науке позволяет сделать определенные выводы.

1. В 1990-е годы отдельные аспекты проблемы «история повседневности» изучались в рамках «микроистории».

2. Начиная с 2000-х годов, обозначенная проблема стала одним из самостоятельных научных направлений. Подтверждением является открытие Научного Совета РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» под председательством академика Ю.А. Полякова, а также разработка различных междисциплинарных теоретико-методологических подходов, предназначенных для разностороннего изучения особенностей обыденной жизнедеятельности человека.

3. В научном кругу российской исторической науки большой интерес проявляется к изучению советской повседневности: советского менталитета, сознания, мышления, образа жизни, бытовых условий и т.д. За последние годы появились научные работы, где в рамках советской повседневности углубленно изучаются такие аспекты, как повседневность сельского населения, военная и церковная повседневности, а особенно городская и рабочая повседневности.

4. Наблюдается тенденция распространения интереса исследователей от «центральных» областей России к «периферийным»: Сибирь, Астрахань, Пенза, Кубань, Курган, Ярославль и т.д.

5. Несмотря на имеющуюся литературу, вышедшую за последнее десятилетие, до сих пор отсутствует чёткое определение «истории повседневности».

Тем не менее, благодаря усовершенствованию методики исторических исследований, увеличению количества новых используемых источников, это одно из перспективных направлений в будущем, естественным образом вливающееся в комплексное изучение человека.

*Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. «История повседневности» в современной российской историографии. Вестник КарГУ. История. Караганда 2007. № 1

Соловьев В.М. К вопросу о периодизации истории русского зарубежья*

Заглавие статьи, как хорошо понимает автор, может вызвать справедливый вопрос: зачем обращаться к периодизации русского зарубежья, если она и так общеизвестна? Это действительно так, и надо признать, что в историографии достаточно прочно утвердились позиции тех исследователей, которые периодизацию истории русского зарубежья традиционно начинают с 1917 г. и увязывают с послеоктябрьской эмиграцией. Зачем же возвращаться к тому, что, казалось бы, и без того очевидно и незыблемо? На то есть довольно серьезная причина. В научной литературе в последние десятилетия наметилась тенденция слишком расширительно, если не парадоксально, толковать и само понятие «русское зарубежье», и его периодизацию. В результате активизации историографического интереса к проблеме какие-то вопросы прояснились и получили дальнейшее развитие и предметное освещение, какие-то неожиданно приобрели новые смысловые поля, акценты, и как следствие в трактовке русского зарубежья произошли не только определенное размывание самого понятия, но и смещение устоявшейся хронологии.

Обозначилось также (зачастую имплицитно) отождествление русского зарубежья с эмиграцией, тем более что рассмотрение последнего явления сопряжено в современной науке с некоторыми расхождением и обусловлено разными подходами. Никто не

оспаривает, что эмиграция - это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Не вызывает несогласия и распространение этого термина на пребывание за рубежом после такого переселения, а также употребление слова в собирательном смысле, когда под эмиграцией подразумеваются покинувшие родину и нашедшие пристанище за границей лица. Но вот далее единодушие заканчивается, и начинаются несовпадения взглядов и полемика.

Один из тезисов, восходящих еще к советской историографии, сводится к тому, что до начала XX в. в России не существовало права на эмиграцию. Оно было даровано только царским манифестом в 1905 году. Однако отсутствие этого права вовсе не означало отсутствие самого явления. Пусть не было официальной эмиграции, зато существовала неофициальная, и, как убедительно показал в своей монографии «Русское зарубежье в первой половине XIX века» В.Я. Гросул, за рубежом проживали представители различных слоев и прослоек русского общества. В названной работе В.Я. Гросул уже в первой половине XIX в. усматривает наличие русского зарубежья и предлагает понимать под ним постоянные колонии выходцев из России - их кружки, организации, салоны, землячества, духовные миссии Русской церкви, устойчивые объединения студентов и стажеров в заграничных университетах и институтах, творческие сообщества и союзы писателей, художников, актеров, ученых, т.е. целый русский мир, тесно связанный со странами пребывания, но живущий своей особой, самостоятельной жизнью, и, в отличие от послеоктябрьского зарубежья, не порывавший связи с родиной. Исходя из этого, историк пишет: «В данной книге мы не только учитываем тех русских людей, которые навсегда осели за границей, но и тех, кто проживал там относительно продолжительное время, во всяком случае, хотя бы несколько лет. Таким образом, к русскому зарубежью может быть отнесен и адмирал П.В. Чичагов, и писатель И. С. Тургенев, и художник А. А. Иванов и ряд других русских общественных и политических деятелей. Отрывать их от русского населения, постоянно проживавшего за границей, нет никакого резона, тем более что между ними сохранялись определенные связи.

Что касается представителей других национальностей России, покинувших ее, то опять-таки все зависит от того, поддерживают ли они связи с русской средой как за рубежом, так и в самой России. Если эта связь сохранялась и они, тем более, являлись носителями русской культуры, думается, мы не идем против истины, когда причисляем их к представителям именно русского зарубежья». Позиция В.Я. Гросула ясна и в комментариях не нуждается.

Не менее авторитетный историк Е. И. Пивовар оперирует применительно как к XIX, так и к XX столетиям, определением «российское зарубежье». Соотнося это понятие с эмиграцией, он полагает: «Российское зарубежье - явление значительно шире и сложнее, чем понятие эмиграции, которая тем не менее лежит в его основе. При этом российская эмиграция представляет собой не единый поток, имеющий лишь хронологическое деление - «первая волна», послевоенная эмиграция и т. д., а комплекс различных миграционных потоков (социокультурных, политико-экономических и национальных), каждый из которых имел свою специфику, собственный вектор развития и качественные характеристики, а также самостоятельную динамику формирования и внутренний генезис, т.е. российское зарубежье представляло (и представляет) собой совокупность множества диаспор и социально-культурных групп... В рамках общественно-политических, социальных, национальных составляющих российской эмиграции XIX-XX вв. действовали различные внутренние импульсы, определяющие категории эмиграции и появление различных типов диаспор».

Оба процитированных историка не видят препятствий в том, чтобы свободно распространять термин «русское зарубежье» не только на первую половину XX в., но и на XIX столетие. Однако В.Я. Гросул несколько усомнился в том, насколько уместно

объединять послеоктябрьское русское зарубежье с ему предшествующим, и задался вопросом: «существовало ли оно в то (в первой половине XIX в. — В.С.) время? Не модернизируем ли мы это явление, которое в настоящее время больше воспринимается применительно к XX столетию?» И далее, отвечая на свой же вопрос, он, не приводя, правда, ожидаемых доводов, почему-то признает: «Тут, собственно, предмета для особой дискуссии нет». На самом деле высказанная В. Я. Гросулом точка зрения, напротив, носит спорный характер, нацеливает на дискуссию и стимулирует ее хотя бы потому, что послеоктябрьское русское зарубежье, в отличие от предыдущего, явление поистине уникальное и вряд ли с ним сопоставимое.

Принципиальная разница между даже таким системным эмигрантским сообществом, какое имело место в XIX в., и русским зарубежьем видится в том, что последнее обладало способностью не только к самосохранению, но как бы и к регенерации и не ассимилировалось, не растворялось в окружающей его среде. Отсутствие социально-исторической почвы не лишало его идейного стержня и морально-политического единства. Да, частично оно рассыпалось, дробилось, но в целом не разваливалось, не терялось в многоликкой инокультуре и жизни страны пребывания. Советское политическое руководство отнюдь не случайно рассматривало русскую послереволюционную эмиграцию как реальную силу и угрозу коммунистическому режиму. Русское зарубежье 1920-1930-х гг. сумело так себя поставить, так организовать и консолидироваться, как не смогла эмиграция из России ни предшествующих, ни последующих лет. Это было без преувеличения очень креативное, жизне- и дееспособное образование, объединившее соотечественников на чужбине, перенесшее на заграничную почву демократические традиции, институты, установления, восходящие к крестьянской общине, земствам, к веками складывавшейся системе самоуправления.

Соотечественники в русском зарубежье, особенно бывшие военные, не бездействовали, копили силы, готовились использовать любую возможность, чтобы приблизить падение советской власти. Но и советские спецслужбы не сидели сложа руки, создавали на Западе свою агентурную сеть и отслеживали ситуацию и настроения в эмигрантских кругах. Фактически русское послеоктябрьское зарубежье противопоставило СССР и господствующей в нем идеологии огромный контркультурный потенциал, который не идет ни в какое сравнение с революционной оппозицией царской власти со стороны живущих за границей представителей политической эмиграции из России в XIX в.

По разумению автора настоящей статьи, было бы неоправданно приравнять как эмиграцию вообще, так и всякое представительное и длительное пребывание наших соотечественников в других странах к понятию «русское зарубежье». Вызывает сомнение и безоговорочное распространение этого определения не только на XX в., но и на XIX и XXI столетия, хотя современная наука, помимо названного труда В.Я. Гросула, располагает и другими исследованиями, в которых термин «русское зарубежье» употребляется применительно к комплексу русских диаспор в разных странах на протяжении XIX в. В то же время есть серьезные работы, авторы которых не спешат объявить русским зарубежьем землячества и колонии соотечественников за границей.

Признавая, что никто не обладает эксклюзивным или монопольным правом на какую-либо периодизацию, в том числе и периодизацию русского зарубежья, все-таки необходимо отметить, что одна и та же дефиниция в разных исторических контекстах означает далеко не одно и то же, поскольку разница между дооктябрьским, послеоктябрьским и современным русским зарубежьем столь очевидна и априорна, что не требует доказательств.

По-видимому, универсальное и семантически оптимальное словосочетание «русское зарубежье» уже утратило привязку исключительно к трагическому исходу из России миллионов соотечественников, превращенных в изгнанников октябрьским

переворотом. Устойчивое сообщество россиян, проживавших за границей за столетие до революционных потрясений на родине в начале XX в., вероятно, тоже допустимо называть русским зарубежьем, но при условии, что имеется в виду качественная разница между этими одноименными понятиями. Ведь в одном случае политические эмигранты искали убежище в той или иной стране, зная, что им грозит тюрьма или максимум каторга, в другом - люди спасали свою жизнь, потому что при всей своей горечи эмигрантская доля все же была лучше виселицы или расстрела. Что же касается соответствия статусу русского зарубежья сегодняшних диаспор соотечественников за границей, насчитывающих более 1 млн. 200 тыс. человек, то здесь, конечно, всё обстоит достаточно условно, и дает о себе знать дань традиции. Гораздо точнее и функциональнее для обозначения и передачи сути этого явления представляется термин «постсоветское зарубежье».

Еще одна проблема, заслуживающая историографического внимания, уже отмеченные выше неоправданная синхронизация понятий «русская эмиграция» и «русское зарубежье» и тенденция отождествлять оба этих понятия. Конечно, как это ни абсурдно, при большом желании можно без должных аргументов и, не затрудняясь доказательствами, утверждать, что зачастую одно автоматически перетекало в другое. Но если так рассуждать, то ничто не мешает сдвигать хронологическую границу обоих явлений, пренебрегая и здравым смыслом, и формальной логикой, все ниже и ниже, вплоть до эпохи Киевской Руси или даже Праруси.

С определенными оговорками вводить в научный оборот термины типа «русское предзарубежье» или «раннее русское зарубежье» приходится хотя бы по той простой причине, что эти страницы истории русского присутствия за границей надо как-то обозначать. Вместе с тем историю российской эмиграции и проживание за границей даже количественно и качественно (с социальносословной точки зрения и др.) впечатляющей части русского населения - это еще не повод для заявления о наличии Русского зарубежья со времени массового скопления выходцев из России в тех или иных странах. Такая постановка вопроса предусматривает проведение грани между историей русской эмиграции и начальной историей Русского зарубежья. Какую дату, какое столетие брать за точку отсчета? С чего начинать так называемое эмигрантоведение - новое направление в отечественной гуманитаристике, право на существование которого отстаивает уральский историк А. А. Пронин? В научной литературе этот вопрос остается спорным. Согласно мнению А. С. Федотова, об эмиграции из России как таковой можно говорить лишь с XVIII в., ибо именно на это время приходится массовый отъезд подданных Российской империи из страны, а ранее известны лишь единичные случаи, когда русские покидали пределы своего отечества. Если обратиться к трудам признанного специалиста по исторической демографии В.М. Кабузана, легко установить, что в XVIII в. имела место не столько русская, сколько калмыцкая (ок. 200 тыс. чел. ушли в Китай) и крымско-татарская (из Крыма в Турцию) эмиграция. Доля же собственно русских была сравнительно невелика и вполне сопоставима с количеством тех, кто в предшествующие XVI и XVII столетия самовольно бежал по разным причинам за границу.

В царствование Ивана Грозного спасительное убежище за рубежом нашли не только князья Андрей Курбский, Дмитрий Вишневецкий, Алексей и Гаврила Черкасские, боярин Т. Пухов-Тетерин, дворянин Б. Хлызнев-Колычев или печатники Иван Федоров с Петром Мстиславцем. На самом деле, добровольная эмиграция тогда - не такое уж редкое явление, и список беглецов насчитывает, по меньшей мере, несколько десятков. Однако историки обычно не уточняли количество и обходили этот щекотливый вопрос по следующей причине. Каждый бежавший стереотипно приравнивался к изменникам родины, а за тем, чтобы в исторических публикациях не фигурировало слишком много предателей, даже если речь шла о России «при старом режиме», зорко следила цензура. В действительности же ярлык предателя приклеивался к подавшемуся в Литву или куда-то еще в заграничье человеку порой без всякого основания. Например, новгородец Петр

Розладин бежал в начале 1570-х гг. в Швецию, так как кто-то из его родни был казнен, кто-то подвергся насилию и гонениям. Понимая, что ему тоже несдобровать и вот-вот настанет и его черед, Петр решил действовать на опережение и тем спас свою жизнь.

В сегодняшней историографии достаточно сильна позиция тех исследователей, которые полагают, что историю российской эмиграции необходимо вести с конца XVII в. Так считают С.И. Брук, В.М. Кабузан, Е. Рихтер, А.А. Пронин. В самом деле, на последнюю четверть XVII столетия приходится такое масштабное явление, как исход из России старообрядцев. Они покидали родину в одиночку, группами, и их большие коллективы становились ядром целых русских поселений в разных странах. Со вниманием и уважением относясь к точке зрения тех авторов, исчисляющих историю российской эмиграции с конца XVII в., нельзя не заметить, что, придерживаясь их логики, есть не меньшие основания передвинуть временную риску, по крайней мере, на столетие назад.

Однако еще правильнее было бы, дабы не выходить за предметное поле науки, пока воздержаться от обозначения нижнего рубежа периодизации российской эмиграции. Конкретизация его хронологических рамок станет возможна, когда будет осуществлено фундаментальное исследование, отражающее сплошную и сквозную историю русской диаспоры как исторического явления. «Эту историческую линию, - как отметил известный исследователь в области истории российской интеллигенции и эмиграции А.В. Квакин, - необходимо проследить неразрывно до настоящего времени. Практически все предыдущие исследования ограничивались отдельными этапами или «волнами эмиграции», и не предпринимались попытки проследить данное явление в качестве единого исторического процесса от его зарождения до наших дней». Сегодня было бы преждевременно останавливаться на какой-то определенной нижней границе, которая послужила бы условной хронологической отметкой, отмеряющей и знаменующей начало устойчивого пребывания русских за рубежом. Тем не менее уже сейчас наука располагает убедительными фактами, подтверждающими такое стабильное, длительное или даже постоянное присутствие. Это относится, например, к монастырской братии на Афоне, к иностранным подворьям Русской православной церкви, к торговым дворам новгородцев в ганзейских городах.

Опрометчиво безоговорочно относить названные объекты к изначальным точкам отсчета истории русских зарубежных поселений и расценивать их не как зачаточные-эфемерные, а как сколько-нибудь системные образования, располагающие ресурсами реального влияния. Ни для XIII, ни даже для XIV – XV столетий подобное утверждение не будет корректным по той простой причине, что представляет собой типичный анахронизм, т. е. не нечто спорное, а серьезную ошибку против хронологии, выражающуюся в отнесении фактов и явлений одного порядка и строго конкретного времени к другой эпохе. Однако нет сомнения, что оазисы русского мира как отдельные пункты притяжения и поселения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать, и играли немалую роль. Здесь важно вовсе не установить рекордно низкую планку хронологического предела и искусственно состарить русскую эмиграцию как явление. Речь о другом, а именно о давней, берущей начало еще в Древней Руси тенденции делегировать за границу своих представителей, создавать землячества, вступать в диалог с иноязычной средой, осуществлять межкультурную коммуникацию, вписываться в мировое духовно-культурное пространство.

Объективное, без гиперболизации, догматизма и преувеличений из добрых и искренних патриотических побуждений изучение того, когда, где и как это происходило и складывалось, приоткроет неизвестные пока страницы истории русского присутствия за рубежом, поможет выделить его новые этапы и линии преемственности.

Приходится констатировать, что нынешняя историография так или иначе вписала термин «русское зарубежье» не только в контекст послеоктябрьского исхода, но и в предшествующий и последующие периоды нашей истории. Конечно, сама практика

эмиграции стара как мир, и на Руси она тоже просматривается уже в самые стародавние времена и едва ли не восходит к славянской архаике. Только из этого не вытекает, что на основании разрозненных фактов и полуполюгендарных эпизодов, известных из летописей, пристало строить какую-то новую, пусть и не претендующую на сенсационность, подобно фолиантам А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, периодизацию истории международных отношений, дипломатии и эмиграции Древней Руси. То, что понятие «русское зарубежье» не ограничивается в сегодняшней науке послеоктябрьскими десятилетиями, это историографическая реальность, которую можно принимать или не принимать. Если какие-то термины вошли в научный оборот, закрепились и постоянно повторяются, думается, оспаривать их столь же бессмысленно и безнадежно, как и запрещать.

Автор придерживается мнения, что историю собственно русского зарубежья (т.е. феномена, приходящегося на период с 1917 г. по начало Второй мировой войны) все-таки следует отделять от его предыстории, ранней истории, а также постсоветского и современного российского зарубежья. И, поскольку термины «русское» и «российское» не равнозначны, необходимо в зависимости от контекста не смешивать их, не употреблять как синонимы, а различать и дифференцировать. Автор отдает себе отчет в том, что публикацией настоящей статьи не отменяет иные взгляды на русское зарубежье. Тем не менее, выражая общее мнение коллектива ученых Дома русского зарубежья, считал бы правильным и логичным сохранить приоритет термина «русское зарубежье» как исторически выстраданного, апробированного и научно оправданного за тем миром соотечественников-эмигрантов, который сложился вне границ послеоктябрьской России в первой трети XX века.

*Соловьев В.М. К вопросу о периодизации истории русского зарубежья // Вестник МГУ. История. 2012. № 2(18).

ПЕРСОНАЛИИ

Бахрушин Сергей Владимирович (1882 – 1950)

Советский историк. Из знаменитой купеческой семьи Бахрушиных. До 12 лет получал домашнее образование. В 1894 – 1900 г. был "приходящим воспитанником" лицея в память цесаревича Николая и окончил его с золотой медалью. В 1900 – 1904 г. был студентом историко-филологического факультета Московского университета, специализировался по русской истории. Был учеником В.О. Ключевского. В 1908 – 1909 г. сдал магистерские экзамены и был зачислен приват-доцентом университета. В 1908 г. был избран в городскую Думу. Трудился на этом поприще до 1918 г., занимаясь вопросами школьного образования и призрения сирот. Сформировавшись как ученый еще до революции, Бахрушин главные труды создал уже при советской власти. Он занимался историей Киевской Руси и историей Русского государства XV – XVII вв.; социально-экономической историей народов Сибири и Средней Азии. Принимал участие в коллективных работах: "История дипломатии", "Дипломатический словарь", "История Москвы". Был редактором и автором ряда учебников по истории для вузов и школы. Писал популярные книги, сочетавшие научность и легкость изложения. Крупный ученый, он был арестован в 1930 г. и в 1931 г. отправлен в ссылку в Семипалатинск как участник мифического "монархического заговора" совместно с академиками С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле и др. Возвращен в Москву в 1933 г. Как большинство его коллег, он был напуган, шел на компромиссы и демонстрировал "лояльность" к режиму: так, во время кампании по возвеличиванию Ивана Грозного Бахрушин писал: "В лице Ивана Грозного мы имеем... крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа и боровшегося за их удовлетворение". Тем не менее имел мужество не участвовать в критике Н.Л. Рубинштейна во время борьбы с космополитизмом. Сумел отвести удар от другого историка Б.Б. Кафенгауза. Член-корреспондент АН СССР и действительный член Академии пед. наук, он был замечательным лектором. Его ученик, крупный ученый В.Б. Кобрин вспоминал: "Наша любовь к Бахрушину была бескорыстна: он не вел на нашем курсе семинаров, не принимал экзаменов... Сегодня я понимаю, какого огромного труда стоит такой курс; курс, который слушают не для того, чтобы сдать, а потому что интересно". Автор свыше 200 работ.

Волобуев Олег Владимирович (р. 1931 г.)

Историк; член-корреспондент АН СССР, профессор, доктор исторических наук. Автор и соавтор ряда книг по советской истории, в том числе «Ленинская концепция революции 1905 – 1907 годов в России и советская историография» (1982), «Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905-1907 годов» (1984).

Волобуев Павел Васильевич (1923 – 1997)

Историк. Член.-кор. (1970). Академик (1990). Окончил исторический факультет МГУ (1950). Кандидат (1953), доктор исторических наук (1963). В 1954 – 1955 г. – инструктор Отдела науки и культуры ЦК КПСС. С 1956 г. работал в Институте истории АН СССР (1974 – 1990 гг. – в ИИЕТ АН СССР). Участник Великой Отечественной войны. Соч.: Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

Веселовский Степан Борисович (1876 – 1952)

Историк, академик (1946). Окончил юридический факультет Московского университета (1902). Профессор МГУ (1917 – 1925), с 1936 г. – в Институте истории АН

СССР. Соч.: Сошное письмо. М., 1915 – 1916. Т. I – II; Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVII вв. М., 1936; Феодалное землевладение Северо-Западной Руси. М. – Л., 1947; Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Греков Борис Дмитриевич (1882 - 1953)

Советский историк, академик АН. С 1901 г. учился в Варшавском университете, в 1905 г. перевелся в Московский университет, который окончил в 1907 г. Первая исследовательская работа Грекова посвящена социально-экономической истории Великого Новгорода. Историк сосредоточил внимание на процессах, происходивших в феодальной вотчине. Важной темой исследований Грекова являлась история Древней Руси и восточных славян. В капитальном труде "Киевская Русь" (1939) на основании анализа всех видов источников Греков пришел к выводу, что восточные славяне перешли от общинного строя к феодальным отношениям минуя рабовладельческую формацию. Он констатировал, что основой хозяйственной деятельности Древней Руси было высокоразвитое пашенное земледелие и решительно выступил против утверждений об отсталости социально-экономического строя древних славян. Греков писал, что Киевская Русь была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. Большим вкладом в изучение древнерусской истории стала работа "Культура Древней Руси" (1944).

Греков также много занимался изучением истории южных и западных славян, изучением их правовых кодексов и "Правд". Важной темой научных работ Грекова было исследование истории русского крестьянства. В 1946 г. им было опубликовано капитальное исследование на эту тему - "Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века". Греков внес большой вклад в разработку историографии, в развитие источниковедения. При его участии выпущено свыше 30 крупных изданий документов. Им написаны работы об исторических взглядах А.С.Пушкина, М.В.Ломоносова, М.И.Покровского и др.

Научно-исследовательскую деятельность Греков сочетал с преподаванием (он был профессором МГУ и ЛГУ) и руководством ряда институтов АН.

Гумилев Лев Николаевич (1912 – 1992)

Русский историк и этнолог. Автор множества книг по истории России ("Древняя Русь и Великая степь", "От Руси к России" и др.), основоположник пассионарной теории этногенеза ("Этногенез и биосфера Земли").

Данилов Виктор Петрович (1925 – 2004)

Русский историк-аграрник, участник Великой Отечественной войны. В книге «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства» (М., 1957) он показал, что таковых к моменту начала «великого перелома» фактически не имелось. Возглавлявшаяся Даниловым группа молодых ученых-аграрников к 1964 году подготовила двухтомную монографию, не оставившую камня на камне от официальной концепции коллективизации. После снятия Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС издание книги, уже отправленной в типографию, остановили.

В феврале 1966 года В. П. Данилов выступил на партийном собрании Института истории с докладом «Задачи исторической науки в свете решений XX съезда КПСС», что было воспринято властями как откровенный вызов начатому в тот момент курсу на ресталинизацию. От ожидавшегося ареста Виктора Петровича спасла болезнь. После операции историка оставили в покое, но лишь во второй половине 1970-х годов ему позволили защитить докторскую диссертацию (см. двухтомную монографию: Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М., 1979).

В последние годы жизни В.П. Данилов занимался подготовкой и изданием крупных сборников документов по истории крестьянства и политической борьбы в первые десятилетия Советской власти. Среди них: «Крестьянская революция в России. 1902 – 1922». М., 1994; «Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917 – 1921 годах». М., 1997; «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939». Т. 1 – 5. М., 1999 – 2006; «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939». Т. 1 – 3. М., 1998 – 2003; «Как ломали нэп... Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б) 1928 – 1929 гг.». Т. 1 – 5. М., 2000; «Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг.» М., 2002; «Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917 – 1918 гг.» М., 2003; «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918 – 1921». М., 2006.

Мавродин Владимир Васильевич (1908 – 1987)

Историк, заслуженный деятель науки Российской Федерации (с 1968). Окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета (1930). С 1930 по 1937 г. – сотрудник ГАИМК, одновременно преподавал в Педагогическом институте и Ленинградском историко-лингвистическом институте. В 1940 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук на тему "История Левобережной Украины с древнейших времён до второй половины XIV века". В 1943 г. и 1944 г. заведовал кафедрой истории СССР Саратовского государственного университета, а с 1944 по 1971 г. вновь стал деканом и зав. кафедрой исторического ф-та ЛГУ. Основные научные труды относятся к ранней истории Киевской Руси, к становлению русских как нации, в которых Мавродин выступает как ярый противник норманнской теории возникновения древнерусского государства, и истории России в феодальную эпоху. В частности, он проводил исследования исторических источников, относящихся к Ледовому побоищу, к Куликовской битве, к борьбе за неевские берега, проводившейся Иваном Грозным и Петром I, к подавлению восстания под предводительством Е. Пугачёва и т. д. Интерес представляют его публикации, относящиеся к истории российского флота от глубокой древности до конца XVI в., а также труды, относящиеся к истории российского огнестрельного оружия. Автор наиболее популярного учебника по истории СССР, который выдержал многократные переиздания.

Миц Исак Израилевич (1896 – 1991)

Советский историк, академик Академии наук СССР (1946). Один из главных сталинских идеологов, в большой степени способствовал утверждению культа личности Сталина. Член партии с 1917 г. Участник гражданской войны (политкомиссар). В 1926 г. окончил Институт Красной профессуры. Преподавал историю в Высшей партийной школе, МГУ и других высших учебных заведениях.

Миц был председателем Ученого совета Института истории АН СССР по изучению Октябрьской революции. Герой Социалистического Труда (1976). Дважды лауреат Сталинской премии (1943, 1946) и Ленинской премии (1974).

Автор трудов по истории партии, Октябрьской революции и гражданской войны, написанных в духе идеологии сталинизма. В годы Великой Отечественной войны Миц опубликовал работы, посвященные битве под Москвой, партизанскому движению и др. Прочел около тысячи лекций и докладов перед бойцами частей действующей армии и в тылу. В 1942 – 1943 гг. по заданию Сталина опубликовал обобщающий труд «Армия Советского Союза» для зарубежных читателей (вышел в свет на английском и других языках). Написал множество статей для газет и журналов о боевых традициях Красной Армии, о партизанском движении. Участвовал в сборе материалов для Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированной советской территории.

Минц был наиболее почитаемым лидером советской исторической науки. Его основные заслуги связаны с «разоблачением мирового, империализма как главного виновника разжигания гражданской войны в Советской России, как организатора кровавой интервенции и лагеря внутренней, прежде всего, демократической, контрреволюции меньшевиков и эсеров – активных помощников интервентов».

Минц не только точно выбрал, казалось бы, одну из наиболее важных тем, но и умел изменять подходы к ее изучению на протяжении своей долгой научной карьеры в соответствии с малейшими колебаниями партийных оценок. Он входил в авторский коллектив «Истории гражданской войны», принимал участие в подготовке сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», был членом авторского коллектива «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева (ее назначение – дать новую антисталинскую версию истории партии). В советской историографии его труды полностью «соответствовали требованиям партийности».

И тем не менее, в 1949 г. он оказался в числе ученых, попавших в разряд неблагоденствующих – «историков-космополитов». А.Л. Сидоров, один из лидеров борьбы с космополитизмом, писал: «Минц, будучи учеником Покровского, еще в 1928 г. культивировал преклонение перед немецкой историографией. Несколько позднее Минц выступил с антипартийными взглядами по истории нашей партии»

Нарочницкий Алексей Леонтьевич (1907 – 1989)

Историк. Академик АН СССР (1972). Окончил Киевский университет (1930). Заслуженный деятель науки РСФСР (1972). Преподавал в МОПИ, МГПИ, МГУ, МГИМО. С 1944 г. работал в Институте истории АН СССР, с 1974 г. – зав. сектором истории внешней политики России. Председатель Научного совета «История внешней политики СССР и международных отношений» (с 1972). Лауреат Сталинской (1942) и Государственной (1983) премий СССР. Соч.: Революции 1948-1949 гг. М., 1952; Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973 (в соавт.)

Поляков Юрий Александрович (1921 – 2012).

Историк. Окончил исторический факультет МГУ (1945). Академик РАН (1997). С 1949 г. – в Институте истории АН СССР (ИРИ РАН). Соч.: Трудящиеся Москвы в обороне советской столицы в 1919 г. М., 1958; Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981 (в соавт.); Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995.

Платонов Сергей Федорович (1860 - 1933)

Русский историк. Родился в Чернигове в семье типографского служащего. В 1882 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В том же году начал преподавательскую деятельность (частная гимназия В.Я. Спешневой, Высшие женские курсы, Александровский лицей, Петербургский филологический институт). В 1888 году защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник», в 1899 году – докторскую диссертацию «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII веков (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». С 1899 года профессор русской истории Петербургского университета. В том же году увидело свет и первое издание «Лекций по русской истории» (последнее – 10-е – вышло в 1917 г.). С 1903 года С.Ф. Платонов – директор Женского педагогического института. В 1908 году избирается членом-корреспондентом Российской академии наук. В 1916 году Платонов выслужил право на получение пенсии. Однако революционные события 1917 года, сопровождавшиеся коренной ломкой старого строя, вернули его к прежней повседневной работе.

Уже накануне 1917 года Платонов руководил работой по научному описанию архива Министерства народного просвещения, весной 1918 года он был избран в Межведомственную комиссию по охране и устройству архивов упраздненных революцией учреждений (Главное управление архивным делом). Директор Археологического института, профессор Петроградского университета. 3 апреля 1920 года избирается действительным членом Российской Академии наук.

Изменение политической атмосферы в стране в 20-х годах сказалось и на судьбе Платонова. Частью официальной политики стало недоверие к старым специалистам. Напряженные отношения сложились в 20-е годы между С.Ф. Платоновым и "отцом основателем" советской исторической науки М.Н. Покровским, тогдашним руководителем Централхива РСФСР. Обнаружив какое-то служебное упущение, центр настоял на пересмотре личного состава Петербургского отделения. Последовали увольнения. Не дожидаясь своей очереди, Платонов в мае 1925 года подал прошение об освобождении от должности. Вынужденная отставка не отразилась, однако, на стремлении ученого продолжить активную научно-организаторскую деятельность. С первого августа 1925 года он, в соответствии с постановлением Правления АН, возглавляет Институт русской литературы (Пушкинский Дом), а через несколько дней Общее собрание Академии избирает его директором академической библиотеки. Ученый переиздает свои труды, а также публикует некоторые новые работы, в том числе и за рубежом. Это – монографии «Москва и Запад», «Иван Грозный», «Петр Великий» (последняя крупная работа Платонова). В конце 1926 года он навсегда покинул Петербургский университет, с которым его связывали долгие годы напряженного труда.

Изменения, происходившие в стране, затронули в 1929 г. и Академию наук. В результате выборов по новому Уставу состав ее членов значительно пополнился за счет представителей советских научных организаций. Тем не менее Общее собрание академиков 12 января 1929 г. тайным голосованием отвергло трех кандидатов коммунистов из восьми баллотировавшихся. Это послужило сигналом для пропагандистской кампании: газетные статьи призывали Академию наук согласовывать свою позицию - в стране, которая строит социализм, - с общественным мнением и провести политическую проверку личного состава. В газетах появились прямые обвинения академиков в контрреволюционных убеждениях. Поспешное переизбрание Платонова приостановило газетную шумиху в его адрес, и никаких оргвыводов в отношении его тогда не последовало. Весной Платонов был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и стал членом Президиума Академии.

Так называемое «Шахтинское дело» (1928) дало начало новому «наступлению на капиталистические элементы по всему фронту» со стороны властей. Началась проверка личного состава всего государственного аппарата – «чистка». В середине октября 1929 года несколько сотрудников Академии сообщили комиссии по «чистке», которая работала в Ленинграде (руководитель комиссии Ю.П. Фигатнер), что в Пушкинском Доме и в Археологической комиссии «тайно» хранятся документы большого политического значения – подлинники актов об отречении от престола Николая II и великого князя Михаила, бумаги Департамента полиции, Корпуса жандармов, Охранного отделения и др. Против Платонова и некоторых его сотрудников было сфабриковано «дело». В конце января 1930 года Сергей Федорович был арестован. Аресту подверглись также академики Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле и их ученики. Большинство арестованных получили по пять лет ссылки по решению коллегии ОГПУ. С.Ф. Платонов отбывал ссылку в Самаре, где и скончался 10 января 1933 года.

Покровский Михаил Николаевич (1868 - 1932)

Советский историк, партийный и государственный деятель. Академик АН СССР (1929). После окончания историко-филологического факультета Московского университета он совмещает научную работу с активным участием в большевистской

партии. Долгое время находился в эмиграции и вернулся в Россию только в августе 1917 г. Участник октябрьского переворота. С 1918 года – М.Н. Покровский, являясь заместителем наркома просвещения, становится лидером образовательной политики, парадигмы единой трудовой школы. По своему положению он занимал самое заметное место в сфере руководства наукой и высшим образованием. М.Н. Покровский занимал посты руководителя Государственного ученого совета, Коммунистической академии, Института истории, Общества историков-марксистов, Института красной профессуры, Централархива и ряда других организаций в сфере идеологии. В 20-е гг. им был опубликован ряд крупных исторических трудов «Русская история в самом сжатом очерке», «Внешняя политика России XX столетия», труды по истории революционного движения, историографии.

Еще в дореволюционный период исторические исследования, М. Н. Покровского вызывали у сообщества ученых противоречивые оценки. Дело в том, что он радикальнее всех рассматривал исторический процесс с сугубо марксистской, материалистической точки зрения. М.Н. Покровский был убежден: *«История есть политика, опрокинутая в прошлое»*. Эта формула, ставившая идеологию превыше истины, многие десятилетия душила советскую историческую науку, да и не ее одну. Это с одной стороны порождало критику его взглядов как односторонних и тенденциозных, а с другой – вызывало поощрение за то, что удавалось с новых подходов взглянуть на традиционные исторические сюжеты. В целом же отношение к Покровскому было достаточно негативным, прежде всего из-за его амбициозности, презрения ко всем историкам не марксистам. Как руководитель науки и высшей школы М.Н. Покровский проводил крайне жесткую политику по идеологическому пресечению всякого инакомыслия. Проходили чистки «старой профессуры», была ликвидирована автономия университетов. В исторической науке насаждалась «школа Покровского», для которой были характерны сугубо материалистический подход к истории, классовый характер и растворение исторических событий в современных проблемах. Не удивительно, что с подачи Покровского был ликвидирован и школьный курс истории, который был заменен обществоведением.

Хотя умер Покровский в 1932 г. вполне уважаемым и почитаемым человеком. По достаточно причудливой логике в конце 30-х гг. была развернута уничтожающая критика его взглядов. Особенно отличились бывшие любимые ученики М.Н. Покровского, сделавшие на этом свою научную карьеру. Было признано, что «школа Покровского являлась базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций».

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001)

Выдающийся советский историк, археолог, академик АН СССР, автор множества работ по истории Древней Руси («Рождение Руси», «Язычество древних славян», «Язычество Древней Руси», «Древняя Русь и русские княжества XII – XIII вв.» и мн. др.). Труды Рыбакова содержат фундаментальные выводы о жизни, быте и уровне социально-экономического и культурного развития населения Восточной Европы.

Сахаров Андрей Николаевич (р. 1930)

Российский историк, член-корреспондент РАН (1991). Окончил МГУ. Доктор исторических наук (1982), профессор (1988). Член-корр. РАН (1991).

С 1984 г. – зам. директора, 1993-2010 гг. – директор Института Российской истории РАН. С 2010 г. – советник РАН.

Труды по истории внешней политики, идеологии и культуры Др. Руси, социально-экономических отношений Российского государства XVII в., отечественной и зарубежной историографии истории России.

Соч.: Русская деревня XVII в. М., 1966; Степан Разин. М., 1973; Владимир Мономах. М., 1985; Дипломатия Древней Руси. IX – первая пол. X в. М., 1980; Человек на троне. Александр I. М., 1993; История внешней политики России. Т. 1-5. М., 1995 – 1999 (отв. ред., чл. авт. колл.); Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004; Александр Невский. М., 2009; Русь на пути к «Третьему Риму». М., 2010; Исторические обретения на рубеже XXI века. М., 2011.

Скрынников Руслан Григорьевич (1931 – 2009)

Советский и российский историк, профессор Санкт-Петербургского университета, написал около 40 книг. Большая часть из них посвящена ключевым проблемам, драматическим событиям истории Московского царства. Это – «Иван Грозный», «Борис Годунов», «Минин и Пожарский», «Святители и власти», трилогия «Царство террора» и др. Книги Р.Г. Скрынникова издавались в США и Германии, Японии и Китае, Италии и Польше. Секрет успеха ученого с мировым именем кроется не только в глубоком проникновении в исторический материал, но и в ярком образном стиле изложения. В своей книге автор переосмысливает утвердившиеся взгляды на историю России IX – XVII веков. Значительное внимание уделено «норманнскому периоду» русской истории, образованию в XV и крушению в начале XVII века «первой империи» – Московского царства.

Тихомиров Михаил Николаевич (1893 – 1965)

Историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917 г.). Кандидат (1935), доктор исторических наук (1939). Профессор МГУ (1939). Академик АН СССР (1953 г.). С 1936 г. – в Институте истории АН СССР. Соч.: Исследование о Русской Правде. М., 1941; Древнерусские города. М., 1946; Крестьянские и городские восстания на Руси (XI – XIII вв.). М., 1955; Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; Русское государство XV – XVII вв. М., 1973.

Фроянов Игорь Яковлевич (р. 1936)

Ученый и общественный деятель, доктор исторических наук.

Закончил историко-филологический факультет Ставропольского пединститута. В студенческие годы у Фроянов под влиянием его первого учителя проф. В. А. Романовского пробудился исследовательский интерес к проблемам русской средневековой истории. В 1963 г. этот интерес привел его в аспирантуру исторического факультета ЛГУ. Научным руководителем молодого аспиранта стал замечательный русский ученый проф. В. В. Мавродин. Фроянов – доктор исторических наук (с 1976), профессор (с 1979), заведующий кафедрой истории России (с 1983) и декан исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (с 1982).

Исследования Фроянова выдвинули его в число ведущих специалистов по истории русского средневековья. Ныне научная общественность все чаще обращается к концепции Фроянова и созданной им в университете школы историков Древней Руси. Эта концепция, выдержав в советские годы обвинения в «антимарксизме», «буржуазности», «забвении формационного и классового подходов», остается в соответствующей области одним из наиболее плодотворных исследовательских направлений. Она сформулирована автором в ряде научных монографий, важнейшими из которых являются «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (1974), «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980), «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии» (1990), «Древняя Русь» (1995), «Рабство и данничество у восточных славян» (1996) и др.

Серьезный общественный резонанс вызвали 2 последние работы ученого: «Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего)» (1997) и «Погружение в бездну (Россия на исходе XX в.)» (1999). После выхода в свет книги «Падение в бездну», словно по команде, в ряде либеральных СМИ началась травля ученого. В результате этой кампании Фроянов в

2001 г. был лишен должности декана исторического факультета. Но это нимало не смущает ученого и педагога, более всего дорожающего свободой творчества и не привыкшего изменять Истине.

Черепнин Лев Владимирович (1905 – 1977)

Историк. В 1921 г. поступил в Рязанский педагогический институт, а в следующем году продолжил образование в МГУ, где, посещая лекции С.В. Бахрушина, Д.М. Петрушевского и др., решил специализироваться на изучении средневековой отечественной истории. Будучи студентом, начал успешные архивные разыскания. В 1925 г. сдал экзамены за университетский курс и стал аспирантом Института истории. Занимался преподавательской и литературной работой. В 1930 г. Черепнин был арестован по сфабрикованному делу "Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России", по которому привлекли участников домашнего семинара С.В. Бахрушина. Во внесудебном порядке Черепнина сослали на 3 года на двинские камнеразработки. С 1933 г. был вынужден скитаться по знакомым и родственникам. Только в 1936 г. смог поступить на работу в Институт истории на условиях временного договора, преподавал в школе. В 1942 г. Черепнин был зачислен в штат Московского государственного историко-архивного института, где защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV – XVI вв.», а в 1947 – докторскую, опубликованную в двух томах под названием «Русские феодальные архивы XIV – XV веков» (М. – Л., 1948; М., 1951). С этого времени до конца жизни занимался исследовательской, преподавательской, научно-организационной работой, но только в 1956, во время хрущевской «оттепели», Черепнин был реабилитирован. К этому времени он стал одним из ведущих специалистов в области средневековой отечественной истории, получив возможность полностью отдаться любимому делу. Его работы по проблемам источниковедения («Новгородские берестяные грамоты как исторический источник». М., 1969), социально-экономической и общественно-политической истории России («Образование Русского централизованного государства в XIV – XVII вв.». М., 1978), вспомогательным историческим дисциплинам («Русская палеография». М., 1956), публикации исторических источников («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.». М. – Л., 1950) позволили создать собственную школу и внести значительный вклад в отечественную историографию. Исследования Черепнина по основным проблемам феодализма в России сделали его Имя известным за рубежом. Он часто приглашался для чтения лекций в европейские университеты и научные центры. В 1972 г. Черепнин был избран в действительные члены Академии наук.

ТЕМАТИКА СЕМИНАРОВ

РАЗДЕЛ 1. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Семинар 1. Становление советской историографии

1. Формирование новых учебных заведений по подготовке историков-марксистов.
2. Возникновение и развитие историко-партийного направления в изучении российской истории XX в.
3. Роль М. Н. Покровского в становлении советской исторической науки.
4. «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» и роль И. В. Сталина в формировании советской концепции развития России в XX веке.
5. Особенности и основные этапы советской историографии.

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ДИСКУССИИ ПО НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ СССР

Семинар 2. Изучение в отечественной исторической науке важнейших вопросов социально-экономического и политического развития страны

1. Проблемы развития Древнерусского государства и создания Русского централизованного государства.
2. Оценка роли Ивана IV в советской и постсоветской историографии
3. Октябрь 1917 г. в оценке историков
4. Новая экономическая политика в трудах советских и постсоветских историков.
5. Постановка в советской и постсоветской исторической науке проблем индустриализации СССР.
6. Дискуссии в российской историографии и публицистике о проблемах коллективизации.

Семинар 3. Отечественная историография второй мировой и Великой Отечественной войн

1. Российско-германские отношения (август 1939 – июнь 1941). Пакт Риббентропа - Молотова в советской, постсоветской и зарубежной исторической литературе.
2. Начало, причины и первые неудачи Великой Отечественной войне в исторической литературе.
3. Вооруженные силы СССР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы потерь.
4. Второй фронт и его вклад в разгром фашистской Германии. Значение Ленд-Лиза в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны.
5. Вклад И.В. Сталина в руководство страной и вооруженными силами годы Великой отечественной войны в советской и постсоветской литературе. Приказ № 227 в оценке историков.

Семинар 4. Советская культура в советской и постсоветской историографии

1. Становление и развитие советского массового образования в российской исторической науке.
2. Официальная советская культура в 1917 – 1991 гг.
3. Неофициальная культура (1953 – 1985 гг.)

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИОГРАФИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Семинар 5. История русского зарубежья в современной историографии

1. Российская эмиграция
2. Русское церковное зарубежье

Семинар 6. Новая проблематика и новые подходы в изучении отечественной истории в 1990 – 2013 гг.

1. «Кризис историографии»
2. Региональная историография: темы, проблемы, результаты
3. История повседневности как новое направление исторических исследований
4. Процессы модернизации в исторической литературе

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ПРОЧИТАЙТЕ ЗАДАНИЕ И ОТВЕЬТЕ НА ПОСТАВЛЕННЫЕ ВОПРОСЫ

1. Один из ведущих американских историков заявил в 1949 году: «Тотальная война, горячая или холодная мобилизует всех и требует, чтобы каждый выполнял свою роль. Историк должен выполнять это обязательство не в меньшей мере, чем физик».

Объясните, почему так часто исторический материал служит способом обоснования того или иного политической курса. Можно ли считать слова советского историка М.Н. Покровского о том, что «история – это политика, перевернутая в прошлое» справедливыми. Возможен ли объективизм в исторической науке? Чем детерминированы, на ваш взгляд, изменения в оценке исторических явлений?

2. Г.А. Вернадский писал о событиях XIII века: «Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самую душу. Латинство было воинствующей религиозною системою, стремившеюся подчинить себе и по своему образцу переделать православную веру русского народа. Монгольство не было вовсе религиозною системою, а лишь культурно-политическою».

Согласны ли Вы с подобной позицией?

ВЫПОЛНИТЕ ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Укажите соответствие между вспомогательной исторической дисциплиной и ее дефиницией:

1. Топонимика
2. Геральдика
3. Палеография
4. Генеалогия
5. Сфрагистика

- А. Наука, изучающая печати
- Б. Наука, исследующая рукописи
- В. Наука о происхождении, возникновении и развитии родственных семейных отношений
- Г. Наука, изучающая эволюцию географических названий
- Д. Наука, изучающая гербы, символы и их элементы

2. Соотнесите историков и их взгляды на сущность исторического процесса в России:

1. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий
2. М.Н. Покровский, М.В. Нечкина
3. К.Д. Кавелин, А.А. Кизеветтер
4. А.С. Хомяков, К.С. Аксаков

А История России – это движение от родовых отношений к государственным. Государство – важнейшая движущая сила исторического развития России.

Б Самобытность исторического пути России. Отрицание тождественности всемирно исторического процесса. Реформы Петра I направили Россию по неверному пути.

В Россия – это часть культурно-исторического образования «Евразия». Противопоставление исторических судеб и интересов России и Запада.

Г Сторонники формационной концепции исторического развития. Главным содержанием истории является классовая борьба.

3. Укажите соответствие между методом исторического исследования и его сущностной характеристикой:

1. Метод исторического моделирования
2. Статистический метод
3. Проблемно- хронологический метод
4. Хронологическо- проблемный метод
5. Сравнительный метод

А Изучение одной стороны исторического процесса (быт и нравы, политическая система) в ее последовательном развитии.

Б Изучение исторического прошлого при помощи проецирования исторических событий на современную действительность для определения возможных последствий актуальных сегодня процессов.

В Установление взаимосвязи между историческими процессами, протекавших в одно и то же время в разных регионах государства с целью определения специфики их развития.

Г Использование для изучения истории цифровых количественных показателей для объективизации исторических данных

Д Исследование истории России по определенным периодам, а внутри исторических эпох – по проблемам.

4. Установите соответствие между историками и их воззрениями на проблему образования древнерусского государства:

1. Р.Г. Скрынников, В.Я. Петрухин
2. Б.А. Рыбаков, М.В. Ломоносов
3. Т.З. Байер, А.Л. Шлёцер

А Древнерусское государство создано норманнами. Слово «Русь» – скандинавского происхождения.

Б Вклад скандинавов в строительство древнерусского государства был очень значительным. Норманны во многом определили характер политической и социальной системы древнерусского государства. Термины «варяги» и «Русь» синонимичны.

В Образование древнерусского государства – это многофакторный процесс. Древняя Русь сформировалась благодаря внутреннему социальному, политическому и экономическому развитию. Роль варягов в образовании Киевской Руси – ничтожна

5. Установите соответствие:

- 1 Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, Ф.И. Леонтович
- 2 С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов
- 3 Л.Н. Гумилев
- 4 В.Б. Кобрин, М.Д. Полубояринов, А.Л. Юрганов

А Монголо-татары искали в Руси «не врагов, а друзей», «союз с татарами оказался благом для Руси с точки зрения установления порядка внутри страны».

Б Золотоордынское иго задержало экономическое и политическое развитие страны, отбросив создание централизованного государства, как минимум, на полвека. Оно

определило «азиатское начало» России, развитие крепостничества и самодержавия. Иго сломало историческую судьбу России.

В Признание преимущественно позитивного по характеру воздействия монголо-татар на развитие Руси. Монголо-татары способствовали установлению в русских землях единоначалия.

Г Зависимость от Золотой Орды незначительно сказалась на развитии русских земель. Иго – это не основной фактор развития русских земель в XIII – XVI вв. Оно ускорило одни процессы и задержало другие.

6. Соотнесите историка и его оценку опричнины:

- 1 Н.М. Карамзин
- 2 С.М. Соловьев
- 3 В.О. Ключевский
- 4 А.А. Зимин, В.Б. Кобрин
- 5 А.М. Панченко, А.Л. Юрганов

А Репетиция «страшного суда» на земле

Б Антиудельная и антикрестьянская направленность

В Борьба против старых родовых и утверждение новых государственных начал

Г Сверхцентрализация государственной власти

Д Психическое расстройство Ивана IV

7. Соотнесите историка и его оценку Смуты:

- 1 С.Ф. Платонов
- 2 М.Н. Покровский
- 3 А.П. Новосельцев
- 4 Н.М. Карамзин
- 5 В.Н. Татищев

А Главной причиной Смутного времени является династический кризис конца XVI века, прерывание династии Рюриковичей.

Б Смута – это гражданская война начала XVII века.

В Смута – всесторонний кризис русского общества, отягощенный иностранным вторжением. В Смутном времени выделяются три периода: династический, социальный и национальный.

Г Смута – это следствие борьбы боярских родов.

Д Причины Смуты лежат в закреплении народных масс. Главной авангардной силой здесь выступало крестьянство, поэтому периодизацию Смутного времени следует начинать с 1601 – восстания Хлопка. Смута – это крестьянская революция

8. Соотнесите историков и их оценки реформ Петра I:

- 1 В.Н. Татищев С.М. Соловьев
- 2 К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Н.М. Карамзин
- 3 Е.В. Тарле, В.И. Буганов, Н.И. Павленко
- 4 Е.В. Анисимов А.Б. Каменский

А Петровские реформы разрушили русские национальные устои. Подчинение церкви государству исказило суть и смысл русского самодержавия и превратило его в аналог западноевропейского абсолютизма.

Б Реформы Петра I были противоречивы, проводились насильственно-репрессивными методами и привели к перенапряжению народных сил.

10. Факторы, определившие развитие отечественной историографии в конце XX–начале XXI в.
11. Создание центров и подготовка кадров советской исторической науки в 1920 – середине 1930-х гг.
12. Влияние Н.Я. Марра на развитие российской историографии.
13. Перспективы изучения северокавказской истории.
14. Философский раздел «Краткого курса истории ВКП (б)» (гл. 4, п. 2) «О диалектическом и историческом материализме» и его роль в утверждении марксистско-ленинской методологии.
15. Роль ближайшего окружения И.В. Сталина (К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Л.П. Берия, П.П. Товстуха) в подготовке материала по истории большевизма и революции.
16. Семинар М.Н. Покровского в Институте красной профессуры. Русская история в классовом освещении.
17. Основные этапы в развитии отечественной историографии в XX – начале XXI вв.
18. Основные черты и направления развития отечественной исторической науки в начале XX века. Либерально-консервативная, мелкобуржуазная и начало марксистской историографии истории России.
19. Усиление политизации российской исторической науки в начале XX в.: исследования П.Н. Милюкова, С.Г. Пушкирева, Н.А. Рожкова, М.Н. Покровского.
21. XX съезд КПСС и начало «оттепели» в советской исторической науке: вопросы историографии.
22. Основные тенденции в формировании современной историографической ситуации в изучении истории Северного Кавказа.
23. Влияние В.П. Данилова на развитие российской историографии. «Крестьяноведение» в российской историографии.
24. Исторические взгляды академика А.Ю. Полякова.
25. Дискуссии о характере Второй мировой войны (по материалам журнала «Новая и новейшая история»).
27. «Холодная война»: традиционные и новые подходы.
28. Мюнхен и мюнхенская политика: эволюция взглядов отечественных и зарубежных историков.
29. Отечественная историография движения Сопротивления в годы Второй мировой войны.
30. Проблемы истории Второй мировой войны в работах отечественных историков.
31. Советско-германский пакт о ненападении 1939 г.: оценки отечественных и зарубежных историков.
32. Проблема второго фронта в отечественной историографии Второй мировой войны.
33. Проблема ленд-лиза в годы Второй мировой войны в освещении отечественных и зарубежных исследователей
34. Дискуссии в марксистской историографии (1920 - начало 1930-х гг.)

IV. Конспект 4 статей по предмету

Кедров Н.Г. Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 154-171.

Климов Е.В. Географический фактор христианизации Древней Руси. Конец X – середина XIII вв. // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 137-142.

Терёшкина О.В. Православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 147-160.

Пармонов В.Н. Сталинградская битва и правда истории // Русская история. 2013.
№ 1. С. 97-99.

ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ К КУРСОВОМУ ЭКЗАМЕНУ

Становление советской исторической науки в 1917 – середине 1920-х гг.

Советская историческая наука во второй половине 1920-х гг. Научные дискуссии.

М.Н. Покровский в советской исторической науке.

Историческая наука и власть в СССР в 1930-е гг.

Научные исследования в советской исторической науке 1930-х гг.

Историческая наука русского зарубежья. Российская история в осмыслении евразийцев.

Советская историческая наука в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие.

Советская историческая наука в середине 1950 – 1960-е гг.: новые задачи и пути их решения.

Научные дискуссии второй половины 1940-х – 1960-х гг. об узловых проблемах отечественной истории.

Историческая наука СССР в 1970 – конце 1980-х гг.

Изменения в развитии советской исторической науки в период «перестройки»

История России с древнейших времен до конца XVII в. в трудах отечественных историков второй половины XX в. – начала XXI в.

История России XVIII – XIX вв. в трудах отечественных историков второй половины XX в. – начала XXI в.

История России советского периода в трудах отечественных историков второй половины XX в. – начала XXI в.

Кризис советской историографии в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: причины, сущность, результаты.

Отечественная историческая наука на современном этапе.

Исследование советской культуры (1945 – 2013 гг.)

Историография истории Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)

Историография официальной неофициальной советской культуры

Новая проблематика и новые подходы в изучении отечественной истории в 1990 – 2013 гг.

Основные тенденции формирования современной российской историографии

Процессы модернизации в отечественной историографии

Прошлое России в современных трудах по «истории повседневности».

Региональная историография в советский и постсоветский периоды

Реорганизация системы учебных и научных исторических учреждений (1917 – середина 1930-х гг.)

Российская эмиграция в трудах российских историков

Историография русского церковного зарубежья

События Февраля и Октября 1917 года в российской историографии

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1941 год: в 2 кн. / сост. Л. Е. Решин [и др.]. М., 1998.
- Авторханов А. Технология власти. М., 1991.
- Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20 – 30-х годов / А.И. Алаторцева // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991.
- Алексеева Г.Д. Историческая наука России в поисках новых исторических концепций / Г.Д. Алексеева // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1994.
- Артизов А.Н. М.Н. Покровский Финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998, № 1 – 2.
- Афанасьев Ю.Н. Феномен Советской историографии // Отечественная историография. № 5. 1996.
- Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945 – 1955). М., 1988.
- Бордюгов Г.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.
- Булганин Н. А. Тридцать лет Советских Вооруженных Сил. М., 1948.
- Буллок, А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: в 2 т.: пер. с англ. / 3-е изд., испр., доп. Смоленск, 2000.
- Бухарин, Н. И. Избранные произведения / Н. И. Бухарин. М., 1988.
- Ванников Б. Л. Записки наркома / Б. Л. Ванников // Знамя. 1988. № 1.
- Великая Отечественная война (Историография): сб. обзоров. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 1995.
- Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2005.
- Великая Отечественная война Советского Союза: 1941 – 1945. Краткая история. М., 1965.
- Великой Отечественной войне: 1941 – 1945 (краткий очерк). М., 1953.
- Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в ВОВ // Новая и новейшая история. 1996. № 5.
- Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1972.
- Волобуев В.П. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.
- Волобуев О. История по-сталински // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
- Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1950.
- Г. К. Жуков в битве под Москвой: сб. док. М., 1994.
- Герасименко Г.А. О взаимоотношении тоталитаризма и исторической науки в СССР / Г.А. Герасименко // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1994.
- Гимпельсон Е. Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5.
- Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.
- Гимпельсон Е. Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. 1993, № 2.
- Голиков С. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1952.
- Горбатов А. В. В годы войны. М., 1965.

- Гордон Л.А., Клопов З.В. Что это было? Мышление о причинах, предпосылках и итогах, что случилось с нами в 30 – 40-е годы. М., 1989.
- Горькое К. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941 – 1945): цифры, документы. М., 2002.
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918-1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; науч. ред. В. Н. Шостаковский. — М., 2002.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»/ А.Я. Гуревич. М., 1993.
- Держинский Ф.Э. Положение промышленности СССР. Доклад на III Всесоюзном съезде советов 15 мая 1925 г. // Избранные произведения в 2 –х т., М., 1977.
- Ермолов А. Ю. Перестройка танковой промышленности СССР. 1941 – 1942 годы // Отечественная история. 2004. № 3.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. М, 1990.
- Журавлев П. А Двести встреч со Сталиным: По страницам воспоминаний его современников: в 2 кн. / П. А. Журавлев. М.: Троица, 2004.
- Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 годов. М., 2000.
- Иваницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начала 30-х годов), 1994.
- Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века//Отечественная история № 3. 1994.
- Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.
- Историки России XVIII-начала XX века. М., 1996.
- Историки России. Биографии. М., 2001.
- Историография истории СССР. Эпоха социализма / Под. ред. академика И.И. Минца. М.: Высшая школа, 1982.
- Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.
- Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941 – 1945. М., 1960 – 1965.
- Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928 – 1929 гг.: в 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2000.
- Каланчева Т. М. Историография Великой Отечественной войны: опыт прошлого и взгляд в будущее. М., 2005.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
- Козлов В.А. Историк и перестройка //Вопросы истории КПСС. 1987. № 5.
- Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
- Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923 – 1927: Документы и материалы. М., 1991.
- Котляров А.Н. Историография дворянства и ее место в развитии исторической науки в России. (XVIII в.). Томск, 1990.
- Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1938.
- Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001.
- Крестьянское движение в Поволжье. 1919 – 1922 гг.: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002.
- Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.
- Кузищин В.И. Кризис исторической науки: что это такое? // Актуальные проблемы теории истории: материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. № 6.
- Куманев Г. А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М., 2000.

- Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.
- Лацис О.Р. Перелом: опыт прочтения несекретных документов. М., 1990.
- Лельчук В.С. Социалистическая индустрия СССР и её освещение в советской историографии. М., 1976.
- Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891 – 1922 гг. М., 1999.
- Ленин В. И. О кооперации // Полн. Собр. соч. Т. 45.
- Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и её условия) // Полн. Собр. соч. Т.43.
- Ленин В. И. Странички из дневника // Полн. Собр. соч. Т.45.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947.
- Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937-1990 гг. в СССР / сост. В. Н. Бредихин. М., 2005.
- Лубянка в дни битвы за Москву: По рассекреченным документам ФСБ РФ: маскировка Кремля. Эвакуация тела Ленина. Минирование важнейших объектов и организация подполья. Донесения военной контрразведки и зафронтовых групп. Письма солдат РККА и вермахта. М., 2002.
- Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003.
- Лукин, Ю. Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20 – 80-е годы). М., 1992.
- Людские потери в Великой Отечественной войне: сб. ст. СПб., 1995.
- Маслов Н.Н. Краткий курс истории ВКП(б) энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989.
- Мау В. Реформы и догмы. 1914 – 1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
- Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М., 2002.
- Медведев Р. А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002. № 2.
- Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.
- Мерцалов А. Сталинизм и война. М., 1998.
- Мерцалов А.Н. Сталинизм и освещение прошлого. М., 1991.
- Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (эпизод из истории науки в СССР) / Очерки истории исторической науки / П.Н. Милюков; Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская: Ин-т Российской истории. М.: Наука. 2002.
- Миц И. И. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947.
- Мировые войны XX века: в 4 кн. / редкол.: В. А. Золотарев [и др.]; рук. проекта О. А. Ржешевский. М., 2002. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. Е. Н. Кульков; сост. Ю. А. Никифоров.
- Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989.
- Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Кризис историзма. Вып. 1. Томск, 2001.
- Муравьев В.А. Историография истории СССР. XIX в. М., 1990.
- Наумова, Г.Р. Историография истории России: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2011.
- Новопашин Ю. С. XIV съезд ВКП(б): современный взгляд // Вопросы истории. 2001. № 7.
- НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
- Овсянный И.Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1971. С. 287.
- Опыт Российских модернизаций XVIII – XX века. М., 2000.

- Органы Государственной Безопасности в Великой Отечественной войне: сб. документов: в 3 т. М.: Русь, 2003.
- Орлов И. Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы / Отечественная история. 1999. № 1.
- От нэпа к административно-командной системе (историография проблемы): аналитический обзор. М., 1991.
- Отчёт о русской исторической науке за 50 лет (1876 – 1926 гг.) // Отечественная история. № 2. 1994.
- Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск. 1993.
- Панарин А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921-1929 гг. Армавир, 2004.
- Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1-3. М., 1961 - 1971.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М., 1933.
- Прядеин В.С. Актуальные вопросы методологии историографических исследований. Екатеринбург 1995.
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии. 1941 – 1945 / О. А. Ржешевский. 2004.
- Россия в XX веке: Война 1941 – 1945 годов: Современные подходы / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005.
- Рубинштейн. Н.Л. Русская историография. М., 1941.
- Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа // Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995.
- Сенявская Е.С. Героические символы: реальность и мифология войны // Отечественная история. 1995. № 5.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х гг. М., 1998.
- Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историческая наука первого послесталинского десятилетия. М., 1997.
- Смоленский, Н.И. Теория и методология истории : учебное пособие для студентов вузов. М., 2007.
- Советская историография / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
- Советская историография. Под общей редакцией академика Ю. Н. Афанасьева. М., 1996.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939 – 1945. М., 2003.
- Современная российская историография. Учебное пособие для студентов исторических специальностей. Под редакцией В. И. Меньковского. Минск, «РИВШ». 2009.
- Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: «Мысль», 1970.
- Соскин В. Л. Интеллигенция Советской России (1917 – конец 1930-х гг.). Историографический аспект// Интеллигенция. Общество. Власть. Опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1995.
- Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей
- Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1950.
- Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1947.

Стецура Ю.А. НЭП – важнейший этап постреволюционной модернизации России // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность. Краснодар, 2001.

Стецура Ю.А. Сталинская концепция Великой Отечественной войны: взгляд сквозь годы // Мы выстояли и победили. Материалы Международной научной конференции. Смоленск, 2006

Стецура Ю.А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20 – 30-е годы: [монография]. М.: Социум, 1998.

Стецура, Ю.А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-30-х годов: [монография]. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. 1927 – 1939: в 5 т. М.: РОССПЭН, 1999-2002.

Юдельсон А. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической «оттепели» / А. Юдельсон // Образы историографии. М., 2001.

Якушевский, А. С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР / А. С. Якушевский // История СССР. 1991. № 3.

Януш С.В. Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ. Ставрополь, 2005.

Содержание

РАЗДЕЛ 1. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

- Евменова О.Н. Марксистская концепция в трудах М.Н. Покровского
Гришаев О.В. Состояние исторического образования и исторической науки в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг.
Степанов М.Г. Феномен советской историографии в современных исторических исследованиях

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ДИСКУССИИ ПО НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ СССР

- Мнения о личности и деятельности царя Ивана Грозного
Будник Г.А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России
После 7 ноября. Какие уроки мы извлекли из событий 1917 года
Минц М.М. Начало Великой Отечественной войны в современной историографии
Развитие отечественной историографии в 40-х - первой половине 50-х гг. XX в.
Исаченко С.В. Неофициальная культура в СССР: региональное измерение (историографический обзор)

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИОГРАФИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

- Бронников А.А. Теория модернизации в постсоветской историографии Сибири
Иллерицкая Н.В. Современная историография: прогнозы на будущее
Нечухрин А. Н., Рамазанов С. П. Содержание понятия «кризис историографии»
Попов А.В. История российского православного зарубежья
Ратушняк О.В. Историография казачьего зарубежья
Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. «История повседневности» в современной российской историографии
Соловьев В.М. К вопросу о периодизации истории русского зарубежья

ПРИЛОЖЕНИЯ